ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 31 АВГУСТ 1987

ЗЕМЛЯ ПО ИМЕНИ МОРЕ

«ПОБЕГУШНИКИ» — КТО ТАКИЕ?

СКУЛЬПТУРЫ ВАДИМА СИДУРА

ВСЕ МЕНЬШЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДЫ, ВСЕ БОЛЬШЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (3132)

1—8 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В дельфинарии Карадагского отделения Института биологии южных морей АН Украинской ССР. (См. в номере материал «Как дела, Карадаг!».) Фото Николая КОЗЛОВСКОГО Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Фото Александра ШУМКОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 10.07.87. Подписано к печати 28.07.87. А 00402. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1799. Заказ № 935.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

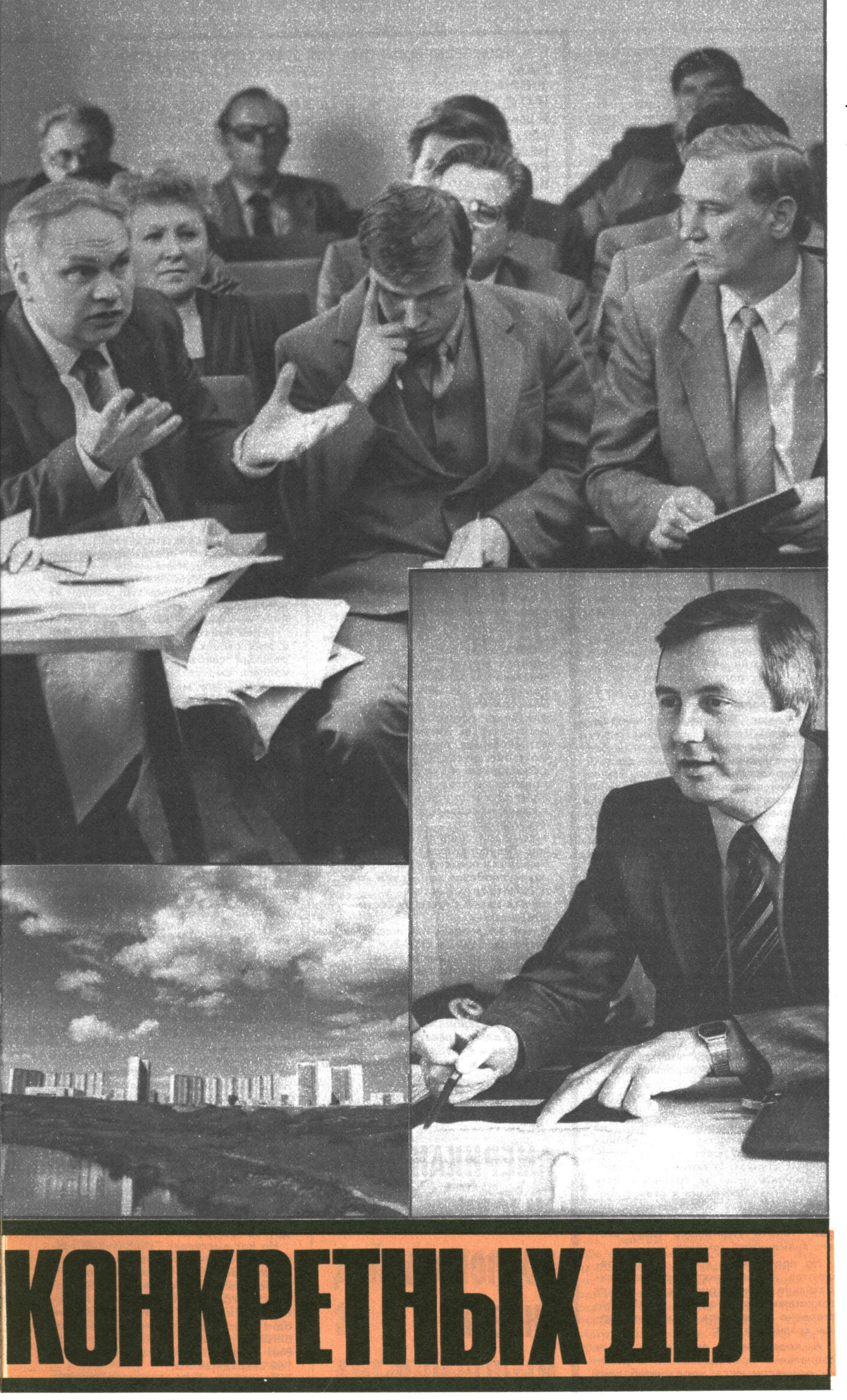
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

В центре внимания совета директоров — проблемы не только районного значения...

ШТАБ

ПЕРЕСТРОЙКА ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Как много еще людей, сетующих на то, что перестройка до них не докатилась. Ожидать перемен бессмысленно, если не дать себе труда подумать и начать действовать по-новому. Обновление начинается от человека, от его способности решать свои проблемы самому. А еще лучше сообща, миром. Именно так сейчас работает совет директоров предприятий в Тушинском районе столицы, который является активным помощником райисполкома в решении многих задач. Совет — и генератор идей, и их исполнитель, и контролер исполнения.

КОНКРЕТНЫХ ДЕЛ

Борис РЯЗАНЦЕВ
Александр ВИКТОРОВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

Сергей Александрович — секретарь молодой. Кабинет первого секретаря Тушинского райкома партии Абрамов занял недавно, года не прошло. Наследство ему досталось незавидное — застой, директивность, разобщенность. Дела подвигались привычным накатом по раз и навсегда проторенной бюрократической колее.

Прежде всего нужно было покончить с политикой нажима, разбудить в людях чувство хозяев. Помочь мог совет директоров, существовавший и прежде. Но теперь он приобрел иные, юридически-правовые свойства, позволяющие ему органично входить в систему управления районом. Авторитет у совета сейчас высокий — руководители предприятий почувствовали вкус к общерайонным проблемам.

— Раньше как бывало?— говорит Сергей Александрович.— План всему начало, а когда заходила речь о товарах народного потребления, директор хорошо понимал, что голову с него за них не снимут, как за основную продукцию. А ведь ширпотреб — и деньги дополнительные в заводской казне, и товары в магазинах. Средства, полученные за них, могут стать основой развития социально-культурной программы, которую разработал совет. Он же ее и выполнять будет — сообща, миром.

Предприятия разные — одни побогаче, станочный парк солидный, с «жирком». На других — станки допотопные. Решили создать своеобразный рынок неликвидов, стали перекачивать оборудование. Каждый знает, что ему требуется, и лишнего не берет. К сожалению, пока этому полезному делу мешает министерская волокита, тянут в ведомствах с оформлением. А вот относительно пионерских лагерей договориться оказалось

проще: «зажиточные» предприятия поделились избытком мест для ребятишек.

Но как все-таки развить чувство хозяина? Район наш зеленый, много мест для отдыха. Один берег Химкинского водохранилища чего стоит. Да только собираются на нем по вечерам разудалые молодые люди, из-за которых окрестные жители ходить туда опасаются. Запретить? Вряд ли это поможет.

Совет решил превратить берег в парк. И сейчас в нем занимаются любители силовой атлетики. Есть, хоть и не очень красивое, помещение секции закаливания и зимнего плавания. Предполагается добавить к ним картодром (и ЦК ДОСААФ обещал помочь) и детский городок с аттракционами. Но Моссовет при всем желании может выделить средства только в далекой перспективе. Где же их взять?

И снова выход нашел совет директоров. Обсудили планы в профсоюзных организациях, и деньги нашлись. Предприятия объединили профсоюзные средства на физкультурно-массовую работу. Из 315 тысяч рублей, необходимых для реализации проекта, мы имеем уже 157 тысяч. Причем, без всякого нажима, добровольно выделенные средства на общее дело. Люди, что называется, вышли за пределы своего завода. А строить будем методом народной стройки...

Впрочем, она уже началась. Каждый выходной трудятся на берегу по двести—триста добровольных помощников. Правда, лихая молодежь, почувствовав, что ее вытесняют, стала протестовать довольно своеобразным способом. Для начала попортили разметку — повыдергали колышки. А потом составили большое письмо, где выразили опасение, что деревья будут вырублены, а трава вытоптана. Собрав двести подписей, доставили письмо в райком. Его размножили и передали на предприятия.

— Вы бы видели, как возмущались труженики,— продолжает Абрамов.— Они-то знали, что проект экологически обоснован. Так что работа в зоне отдыха продолжается. И, признаюсь, нашему штабу конкретных дел временами приходится проявлять подлинную предприимчивость. Возникли, скажем, затруднения с аттракционами. Их хозяин поставил условия: хотите оборудование — помогите отремонтировать дом. Собрали совет, РСУ, подчеркиваю, добровольно выделило прорабов, а рабочие руки, без всяких указаний сверху, предоставили предприятия. В прежние времена, по прежней волевой схеме, наверняка появилась бы на столе директора телефонограмма в приказном тоне: столько-то, мол, и туда-то! И он, безусловно, сто раз задумался бы о том, как отговориться, дабы не срывать строителей со своих объектов. А тут, не поверите, на совете друг у друга рвут задания. Представить трудно по минувшим временам, как активно обсуждают директора районные дела. Один из руководителей предприятий буквально подарил району модуль, в котором разместился молодежный центр. Ничего подобного раньше не бывало...

Уникальную «чашу» — природный амфитеатр создала речка Сходня. Земля эта пока «гуляет». Предприимчивые люди разбили в ней огороды. Им никто дотоле не мешал. Тем более, что и в Моссовете до предложений района об использовании этой замечательной по своему ландшафту «чаши» четкие планы как-то еще не образовались. А совет директоров задумал создать в этом месте гидропарк. Нечто вроде отечественного Диснейленда. Причем для всей столицы. Моссовет снова не возражает, но реализация идеи пока откладывается до... пятнадцатой пятилетки.

А нельзя ли раньше? Оказалось, можно. Обратились к старшекурсникам Московского архитектурного института. Сейчас в районе имеются шесть прикидочных проектов-идей, которые будут предметом широкого обсуждения населения. И снова — без затрат. К тому же осуществится идея одного из подающих надежды зодчих. Разумеется, за этим внимательно следят главный архитектор района, служба благоустройства. И, вне всякого сомнения, окружающие жители.

Они, кстати, будут оценивать и другую идею: создание в лесном массиве возле Кольцевой автодороги конной тропы и манежа. Сейчас здесь уже есть заводские профилактории и лыжная база.

— Лошадь лесу не помеха,— утверждает Сергей Александрович.— Более того, встреча с ней вызывает у людей теплое чувство. И наверняка многие не сумеют преодолеть желание прокатиться. Заниматься животными будут подростки под руководством шефов — спортсменов Олимпийской конноспортивной базы. А средства на строительство тропы и манежа прокатных лошадей предоставляет МГСПС.

Но, пожалуй, самое главное в этой затее — подростки, более сотни ребят, которых мы оторвем от улицы. У меня есть пример того, как девушка, которую прежде не могли выманить из кафе, стала ярой поклонницей конного спорта...

Тушинский район явно на подъеме. Перемены в его жизни ощутимы. Они в широких по массовости встречах районной администрации с населением и трудовыми коллективами, открытом диалоге, обменом мнений. И руководители, и жители сообща ищут пути решения задач. И о том, что они решаются, свидетельствует показательный факт: число писем в райком партии за полгода сократилось в два с половиной раза. Это говорит об информированности населения, о подлинной гласности.

Все чаще мы слышим, читаем, произносим слова «самофинансирование», «самоокупаемость». В этом отношении Тушинская чулочная фабрика — передовое предприятие. Наши женщины поругивают фабрику из-за отсутствия в магазинах колготок. Но, признаться, ругают напрасно. Предприятие значительно перекрывает плановые показатели. И это, кстати, заметно в последнее время по прилавкам.

— Пока рост зарплаты наших работников зависит от коэффициента трудового участия,— говорит директор фабрики Раиса Николаевна Кузнецова.— И в основном за счет премии. Но такая система нуждается в изменении. Следует пересмотреть нормирование и оплачивать труд по дифференцированным разрядным ставкам. А премию выплачивать за процент перевыполнения плана. Проще говоря, работница должна стремиться к повышению разряда, который и будет определять зарплату. Тогда и проценты перевыполнения будут весить тяжелее.

Есть, однако, на фабрике и тормоза ускорению. Например, Кунцевский игольно-платинный завод не готов к производству отечественных игл, способных работать на зарубежных станках. И потому приходится закупать иглы за границей. Есть у коллектива претензии к отечественному вязальному оборудованию, которое выпускают туляки, до некоторой степени утратившие славу своего знаменитого земляка.

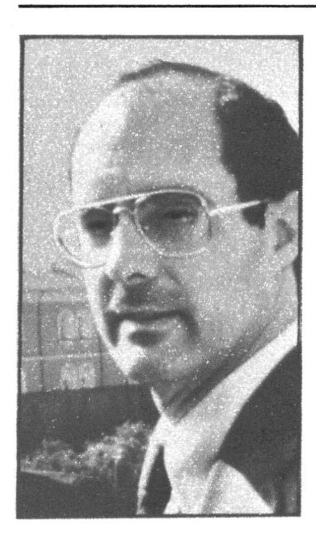
Но проблемы в конце концов решаются. А предприятия района внимательно присматриваются к опыту трикотажников. Чтобы и у себя постепенно переходить на новые формы хозяйствования.

А координация экономических и социальных преобразований в районе осуществляется через штаб конкретных дел — совет директоров.

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ИДЯ НАВСТРЕЧУ АЗИАТСКИМ СТРАНАМ, УЧИТЫВАЯ ИХ ОЗАБОЧЕННОСТЬ, ГОТОВ ПОЙТИ НА УНИЧТОЖЕНИЕ ВСЕХ СВОИХ РАКЕТ СРЕДНЕЙ ДАЛЬНОСТИ ТАКЖЕ И В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СТРАНЫ, Т. Е. ГОТОВ СНЯТЬ ВОПРОС О СОХРАНЕНИИ ТЕХ 100 БОЕГОЛОВОК НА РСД, О КОТОРЫХ РЕЧЬ ИДЕТ НА ЖЕНЕВСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ С АМЕРИКАНЦАМИ. ПРИ УСЛОВИИ, КОНЕЧНО, ЧТО США СДЕЛАЮТ ТО ЖЕ САМОЕ. ЛИКВИДИРОВАНЫ БУДУТ И ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ РАКЕТЫ.

ИНАЧЕ ГОВОРЯ, МЫ БУДЕМ ИСХОДИТЬ ИЗ КОНЦЕПЦИИ «ГЛОБАЛЬНОГО ДВОЙНОГО НУЛЯ».

ИЗ ОТВЕТОВ М. С. ГОРБАЧЕВА НА ВОПРОСЫ ИНДОНЕЗИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «МЕРДЕКА».

Строб Талбот — глава вашингтонского бюро журнала «Тайм», один из крупнейших специалистов в США по вопросам ядерного разоружения и советско-американских отношений. Родился в 1946 году в США. Окончил Йельский университет, факультет русского языка и литературы. Диплом посвятил исследованию творчества Тютчева. Свою диссертацию в Оксфордском университете защитил по поэзии Маяковского. Работал в журнале «Тайм» в качестве европейского корреспондента, затем корреспондента при Государственном департаменте. Выполнял обязанности корреспондента при Белом доме. В 1979 году появилась первая книга Строба Талбота — «Эндшпиль». В ней подробно были исследованы договоры ОСВ-1 и ОСВ-2. Вторая книга «Смертельные гамбиты» посвящена развитию событий в 80-е годы в области контроля над ядерными вооружениями. Советско-американским отношениям Строб Талбот посвятил две книги: «Русские и Рейган» (1984 год) и «Рейган и Горбачев» (1987 год).

АМЕРИКАНСКИЕ МЫСЛИ ПО ПОВОДУ «НОВОГО МЫШЛЕНИЯ»

На протяжении веков, в особенности за последние несколько десятилетий, английский язык заимствовал из русского некоторые слова. Самые старые и наиболее знакомые примеры — слова «водка» и «самовар». Более свежее слово — «тройка». Или «спутник». Они встречаются в английских словарях и разговорной речи.

А сейчас благодаря постоянному употреблению в западной прессе слова «перестройка» и «гласность» стали практически обыденными в английском языке. Они больше не требуют объяснения в скобках (что, в общем-то, и правильно, поскольку языковеды все еще спорят, как правильно перевести эти слова).

Американцам представляются интересными и важными еще два выражения из выступлений Михаила Горбачева, несмотря на трудность их произношения. Это — «новое мышление» и «взаимная безопасность».

Какой практический смысл заложен в этих словах и понятиях? Как Генеральный секретарь Горбачев и его коллеги смогут применить их в реальном мире международных отношений, в частности в советско-американских отношениях? Вот вопросы, которые стоят теперь перед советологами и политологами, а также теми, кто делает политику в рейгановской администрации. Многие институты в США, занимающиеся внешней политикой, проводят конференции, симпозиумы и исследования по изучению сущности «нового мышления» и «взаимной безопасности». Одним из таких наиболее серьезных исследований является долговременная программа по изучению проблем «нового мышления» и «взаимной безопасности», проводимая Центром развития международной политики Броуновского университета в городе Провиденс (штат Род-Айленд) совместно с институтом США и Канады и институтом космических исследований АН СССР.

Многие американцы еще помнят слова, вновь получившие известность благодаря одному из бывших советских руководителей. То были слова «кто кого» — знаменитый лозунг Владимира Ильича Ленина о сути международной классовой борьбы. Американцы нередко толковали этот лозунг так, будто СССР преследует свои интересы за счет других государств, в особенности за счет интересов другой сверхдержавы. В области международной безопасности создавалось впечатление — опять-таки, с американской точки зрения,— что СССР не будет чувствовать себя в полной безопасности до тех пор, пока этой безопасностью обладают другие государства.

Но вот выступает Генеральный секретарь Горбачев и предлагает очень непохожее, даже диаметрально противоположное понимание безопасности. Он говорит о взаимности и взаимозависимости. Он говорит, что ни одна сверхдержава не сможет добиться реальной безопасности за счет отсутствия безопасности у другой сверхдержавы.

Кое-кто в США поначалу подверг сомнению искренность этих заявлений: «Старый яд в новых бутылках»,

«новая рекламная кампания залежалого товара». Другие подчеркивали, что многие принципы взаимной безопасности на самом деле ничем не отличаются от разумных высказываний американских экспертов еще на заре ядерной эпохи, более сорока лет назад. Иными словами, вся ваша шумиха с «новым мышлением» есть, мол, не что иное, как наше «старое мышление».

Однако реакция в США на концепцию «нового мышления» вовсе не является полностью негативной. Например, государственный секретарь США Джордж Шульц, который, внимательно изучая высказывания М. С. Горбачева со времени их встречи в 1985 году, занял позицию недоверчивого фермера из южных штатов, который прежде, чем купить, говорит «дай посмотреть». Он осторожен, но непредубежден.

Сегодня советское «новое мышление» и взаимная безопасность говорят сами за себя на переговорах по сокращению вооружений. В переговорах по ядерным средствам средней дальности СССР в принципе принял на себя обязательство, выполнение которого приведет к ликвидации большого количества современных дорогостоящих и уже развернутых боевых средств. Этот беспрецедентный шаг станет благоприятным этапом, на котором в будущем можно будет строить всеобъемлющее соглашение.

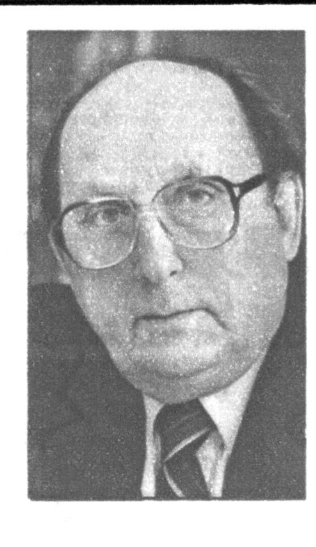
В переговорах по сокращению стратегических вооружений нынешняя позиция советской стороны заключается в возможности уничтожения большого количества современного оружия, которое, с американской точки зрения, представляет значительную угрозу. Все же ряд важных положений договора по ОСВ еще нужно обсудить, а наиважнейший вопрос о стратегических оборонительных системах (то, что советская сторона называет «космическим наступательным оружием») остается нерешенным. Факт остается фактом — Советский Союз сегодня более, чем вчера, готов отказаться от манипуляций со статус-кво в ядерном соперничестве. Похоже, что он учитывает законное беспокойство американцев по проблеме «стратегической уязвимости», то есть опасности возникновения ядерной войны из-за большого скопления и самой сути оружия, в особенности тех средств, которые представляют наибольшую опасность во время кризиса.

В других областях, которые являются объектом регионального соперничества и напряженности, существует меньше доказательств того, как новые советские лозунги будут (и будут ли вообще) претворены в жизнь. Очень часто и во многих конфликтных ситуациях Советский Союз встает на позицию «кто», а США или их союзники превращаются в «кого».

Притом, что американские обозреватели надеются на благотворные перемены в Советском Союзе или подвергают их сомнению, многие все же считают, что «новое мышление» должно быть улицей с двухсторонним движением.

Похоже, что «новое мышление» станет привычным выражением для американской общественности и политических дебатов еще до того, как Соединенные Штаты изберут своего нового президента в 1988 году. Бывший сенатор Гэри Харт, который считался основным кандидатом от демократической партии, пока его кандидатура не сошла с политической арены из-за скандала по мотивам частного характера, уже достаточно серьезно занимался тем, как Соединенные Штаты должны ответить на «вызов Горбачева», то есть разработать свое собственное «новое мышление» по основным проблемам международной безопасности и соперничества сверхдержав.

Вполне возможно и даже вероятно, что другие кандидаты-республиканцы, так же как и демократы, поставят этот вопрос на повестку дня. В Соединенных Штатах существует мнение, что одним из самых важных качеств будущего президента должно быть умение на равных вести дела с энергичным новым руководителем Советского Союза — не только как с соперником, но и как с партнером.

Георгий Арбатов — директор Института США и Канады АН СССР. Доктор исторических наук, профессор, действительный член АН СССР, член ЦК КПСС. В июне 1941 года поступил в военное училище и в качестве офицера гвардейских минометных частей принимал участие в Великой Отечественной войне. Демобилизовавшись в 1944 году как инвалид войны, поступил в Институт международных отношений МИД СССР. После окончания института был на редакционной и журналистской работе. Специализируется по вопросам международных отношений и внешней политики, социологии и экономики. Им написаны книги «Идеологическая борьба в современных международных отношениях» (1970 г.), «Советская точка зрения. Политика СССР в отношении Запада». Руководитель авторского коллектива и одновременно один из авторов книг «США: научно-техническая революция и тенденции внешней политики» (1974 г.), «Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции» (1979 г.).

ДЕЛО СЕЙЧАС ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗА АМЕРИКАНЦАМИ

Статья Строба Талбота меня в целом порадовала — американский журналист вполне достоверно передает умонастроения и душевное состояние тех своих сограждан, которые в эти нелегкие для Америки времена думают о внешней политике своей страны и о том вызове, который бросает ей новое политическое мышление, новые политические инициативы Советского Союза. Он видит, что попытка просто отмахнуться от этого вызова, изображая его в виде пропагандистского ухищрения, несостоятельна. Так же, добавлю, как и описанная им позиция государственного секретаря Шульца—мол, «покажите» или «докажите нам».

Доказывать свою правоту и другой стороне, и миру в целом как нам, так и американцам приходится каждодневно (по-моему, мы с этим неплохо справляемся — такой вывод можно сделать и из статьи Талбота). Притом в равной степени. Ни на одну из стран не распространяется ни «презумпция виновности», ни «презумпция невиновности» — думать иначе могут лишь те, кто легкомысленно уверовал в собственную пропаганду.

Впрочем, уловки уловками, а трудности, с которыми столкнулись творцы, равно как бытописатели политики США перед лицом советского вызова, весьма реальны. Уж очень не укладывается то, что происходит, в прокрустово ложе схем и построений, которые послужили исходной точкой развития послевоенной политики США.

Явно не по себе в этой связи и Стробу Талботу. Отсюда и попытка объяснить читателю (а может, и самому себе) все происходящее как радикальный отход Советского Союза от традиционных основ его политики и даже основ ленинизма. Я имею в виду противопоставление концепции взаимной безопасности знаменитого (оно действительно знаменито) ленинского «кто кого».

Вот здесь американский журналист уже допускает ошибку — Ленин, употребляя это яркое выражение, имел в виду классовую борьбу в России, а не внешнюю политику СССР, не отношения молодой Советской республики с капиталистическим миром. Ошибка для Талбота, авторитетного в США специалиста по советской политике, серьезная. И не только потому, что выдает плохое знание обязательных для советолога — будь он ученым или журналистом — классических текстов. Еще больше грех — отсутствие историзма, понимания того, что в ситуации первых послереволюционных лет, когда решался вопрос, устоит революционная Россия или рухнет, величайший реалист Ленин просто не мог выражать суть внешней политики СССР в отношении капиталистического мира в терминах «кто кого». Да и чуждо ему было такое понимание внешней политики вообще.

Впрочем, я готов простить эту ошибку американскому журналисту. Тем более, что она, как и ряд других неточностей, не затрагивает главного в статье — того, что новое мышление и концепцию взаимной безопасности американский журналист считает необходимым принимать всерьез. Более того, судя по статье, ее автор видит, что американцам на новую советскую политику придется реагировать, притом лучше бы по-новому. Ибо новые политические идеи, выдвигаемые Советским Союзом, не могут и не должны быть «улицей с односторонним движением». Смысл сказанного Талботом я понял так: в новое мышление скорее всего, хотят этого в Вашингтоне или нет, все же придется включаться и Соединенным Штатам.

Мне кажется, что в ином случае политике США грозит опасность еще большая, чем это сегодня себе представляет Талбот. Ибо политика эта вот уже сорок лет возводилась на одном-единственном краеугольном камне — антисоветизме, концепциях, обосновывавших в качестве высшей цели США борьбу против «советской угрозы». А сейчас этот камень на глазах начал крошиться, сыпаться...

Напротив, исходя из концепции взаимной безопасности, Советский Союз проявляет понимание взаимосвязанности, взаимозависимости мира, предлагает США, как и другим странам, сотрудничество в решении существующих общих проблем.

Строб Талбот только что был в Москве, и мы с ним несколько раз беседовали. Как-то я ему сказал: «Подождите, дело идет к тому, что мы устроим вам самую серьезную неприятность — оставим Америку без извечного врага». Как мне показалось, собеседник понял, что в шутке этой был заложен большой смысл.

Без врага сегодняшней Америке действительно трудно — ну просто никак нельзя. Я не говорю уже о том, что в трубу вылетает трехсотмиллиардный военный бизнес, прибыли, влияние и власть военно-промышленного комплекса. На мель садится внешняя политика страны. Включая политику союза (зачем нужен союз, если нет угрозы, нет врага?). И «доктрину Рейгана» — если нет «всемирного коммунистического заговора», то зачем вооружать, обучать, платить миллиарды наемникам в Никарагуа, Анголе или Афганистане? Собственно и внутри страны сегодня многие важные моральные и политические устои завязаны на «советскую угрозу», на «образ врага». Разве можно пребывать в благостном расположении духа, отмахиваясь от реальных проблем, ощущать себя «империей добра», если где-то нет «империи зла»? Словом, без заклятого врага очень многое в США начнет буксовать, повиснет в воздухе.

Потому сейчас одни особенно усердно пытаются затормозить, даже сорвать все процессы, которые размывают «образ врага» (отсюда раздуваемая шпиономания, создание искусственных трудностей на пути соглашений о сокращении вооружений и многое другое). А другие — среди них, наверное, и Талбот — видимо, не верят в успех этих стараний, понимают, что начавшийся процесс неодолим. И что, когда в «империю зла» совсем перестанут верить, придется перестраиваться. Чем черт не шутит — одна перестройка, таким образом, может потянуть за собой другую...

Такие мысли, наверное, приходят и в голову американского журналиста — не случайно кончает он свою статью размышлениями о предстоящих президентских выборах. Но только до них, конечно, еще надо дожить. И без больших неприятностей. А по возможности даже решив хоть какие-то из длинного списка проблем, накопившихся в советско-американских отношениях. Советский Союз к этому готов, этого хочет.

НАСЛЕДИЕ

Иван ЖУКОВ

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА

На рыбалке. 1951 год.

А. А. Фадеев и М. А. Шолохов в годы войны.

Борьба Фадеева за восстановление прав и достоинства писателей, а шире — подлинного лица советской литературы — была в 1953—1955 годах сравнима с деятельностью разве что какого-то института или специального учреждения, в котором лечат правдой.

«Дорогой Климент Ефремович! — так начинается письмо писателя на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова.— Прошу Вас дать указание о том, чтобы рассмотрели по существу характер преступления писателя Леонида Соловьева, арестованного 5 сентября 1946 года, и нет ли возможности помилования Л. Соловьева ввиду того, что он человек по-настоящему талантливый. Л. Соловьев написал следующие книги и рассказы: «Кочевье» (повесть), «Поход победителя» (повесть и рассказы), «Высокое давление» (роман), «Солнечный мастер» (рассказы), «Возмутитель спокойствия — Ходжа Насреддин в Бухаре», «Иван Никулин — русский матрос», «Черноморец» (повесть), «Рассказы боцмана Васюкова». Книги эти были хорошо встречены критикой и читателями, неоднократно переиздавались. Литературная общественность оценивала Л. Соловьева, как одного из безусловно талантливых молодых писателей.

По сюжету одной из его книг, «Возмутитель спокойствия», Л. Соловьевым были написаны пьеса и сценарий и поставлен фильм, с успехом шедшие в театрах и на экранах страны.

Если преступление Л. Соловьева не так уж велико, если он в настоящее время ведет себя прилично, но, с моей точки зрения, мог бы быть помилован и мог бы еще принести пользу советскому обществу своим творчеством. О Вашем решении не откажите поставить меня в известность.

Депутат Верховного Совета СССР А. ФАДЕЕВ».

И в этом случае Фадеев действовал необычно, вопреки «здравой» логике. Казалось бы, такое письмо мог написать кто угодно, но только не он. В самом деле, можно ли защищать человека, который когда-то, «в черные времена», вместе с другими пытался перечеркнуть твою жизнь, публично размахивал «карающим мечом»? Как стало известно позже, в 1937 году на Фадеева поступило четыре заявления в Союз писателей, в которых ему ставились в вину связь с троцкистами, дружба с «врагами народа». Невероятно, но факт. Такие жесткие обвинения на одном из писательских собраний бросил Фадееву и этот от природы добрый, веселый и печальный человек — Леонид Соловьев, о чем сообщала «Литературная газета» 5 мая 1937 года. Фадеев был потрясен. В домашнем архиве писателя хранится черновой набросок текста его выступления на заседании парткома Союза писателей, где ему пришлось доказывать свою «политическую благонадежность».

А через месяц—новое потрясение: «шпионами» названы прославленные полководцы Тухачевский М. Н., Якир И. Э., Уборевич И. П. ...

Поверил ли Фадеев этой версии? Тогда поверил. Среди тех, кто судил военачальников, он увидел фамилии П. Е. Дыбенко, В. К. Блюхера. С Павлом Дыбенко, как мы уже знаем, он штурмовал мятежный Кронштадт, вместе с Василием Блюхером избирался делегатом на XVII съезд партии от Дальневосточной краевой партийной организации.

12 июня 1937 года газета «Правда» сообщала:

«Вчера, 11 июня с. г. в зале Верховного Суда Союза ССР Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР в составе: председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Армвоенюриста тов. Ульриха В. В. и членов Присутствия Зам. Нар. Комиссара Обороны Алксниса Я. И., Маршала Советского Союза тов. Блюхера В. К., Начальника Генерального штаба РККА Командарма 1-го ранга тов. Шапошникова Б. М., Командующего войсками Белорусского военного округа Белова И. П., Командующего войсками Ленинградского военного округа Командарма 2-го ранга Дыбенко П. Е. ...в закрытом судебном заседании рассмотрело в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года, дело Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П. ...».

Теперь-то ясно: и осужденные, и судьи оказались в тисках сталинского произвола, жестокий, однозначный приговор был продиктован заранее. Пройдет немного времени, и погибнут с клеймом врагов народа Павел Дыбенко и Василий Блюхер. И многие, и многие...

«Берггольц говорила о Фадееве как о друге молодости: она была с ним на «ты», но утверждала, что он мог быть и прекрасен и ужасен»,— вспоминает известный критик Владимир Лакшин. Но и она, О. Ф. Берггольц, свои оценки фадеевского характера основывала на простой и далекой от истины версии, что Фадеев — всемогущий человек. Однажды она упрекнула его в том, что он не спас когото из литераторов, кого бы мог спасти, как она считала. Фадеев сказал ей наверняка с горечью, с затаенной обидой человека, которого бесконечно мучит это чуть ли не всеобщее непонимание его ситуации: «Ты бы, Ольга, молчала, я такую беду от тебя отвел». Так он сказал.

...В больнице зимой 1956 года он готовит к очередному изданию роман «Молодая гвардия» для серии «Школьная библиотека». Полмиллиона экземпляров — таков тираж романа, по тем временам очень большой. Фадеев прочитал «Молодую гвардию» внимательно, придирчиво, поскольку ему хочется сдать в производство, по его словам, «канонический» текст, к которому впредь уже не прикасалась бы ни рука его, автора, ни редакторов. Авторские правки незначительны, в основном стилистического характера. Читая, он еще раз убедился, что не зря столько сил, времени, нервов отдал переработке романа — новые главы в общем-то органично вошли в прежнее повествование. Теперь ему даже как-то странно, что их когда-то не было в романе. Он не знает и, увы, уже и не узнает о том, что роман ждет еще одно испытание. Уже после трагической гибели А. А. Фадеева станет известно, что один из активных и отважных героев краснодонской «Молодой гвардии», Виктор Третьякевич, оказался без вины виноватым — был оклеветан на допросе полицаем М. Кулешевым. Пошли слухи: а не изза этого ли застрелился Фадеев? Персонажа с фамилией Третьякевич в романе нет, но, мол, кое-какие детали «биографии» Стаховича совпадают. Да и окончание фамилии похо-

Окончание. Начало см. № 30.

же. Забывалось даже, что фамилия с таким окончанием и у командира «Молодой гвардии» Ивана Туркенича. Трудно сейчас точно разобраться в том, какие силы стояли за этими кознями, какие мотивы руководили противниками романа и Фадеева. Но люди эти не были просто мелкими интриганами из окололитературных кругов. Достаточно сказать, что кое-где даже пытались изъять роман из школьных программ. Действия эти были сразу же поправлены, но они, как говорят, имели место.

Нет сомнения, Фадеев был бы только рад вести о том, что Виктор Третьякевич не предатель, и, безусловно, внес бы его имя в список героев, которым заканчивается роман. Но ясно также и то, что никаких бы поправок в произведение, тем более в образ Стаховича, он не стал делать. К тому не было никаких оснований.

Образ Стаховича — одна из безусловных художественных удач Фадеева, которая в наше время видится яснее и определеннее, чем современникам. Сейчас роман все менее воспринимается как документальное повествование, яснее и прозрачнее открываются глубины его художественности.

Теперь видно. Современники же (не только его противники, но даже и друзья) буквально хватали Фадеева за руку, тянули его к тому или иному конкретному факту, герою, событию, которых он якобы недовыразил, недописал, упустил. Ему приходилось говорить еще и еще раз, что он писал роман, а не историческое повествование.

Но обыватель не унимался. Была попытка бросить тень даже на светлую память Олега Кошевого, человека, принявшего мученическую смерть один на один с врагами. Он прошел через поистине инквизиторские пытки. И ныне кровь стынет в жилах у всякого, кто попадает в ставший музеем «каменный мешок» в городе Ровеньки и видит в камере пыток дьявольские орудия истязаний...

Александр Твардовский, рассуждая о романе, тоже делал упор на высокой художественности «Молодой гвардии», доказывая, что Фадеевым создана замечательная поэма, что именно в поэтических достоинствах (читай: художественных) надо искать своеобразие этого произведения.

Чтобы читателю была ясна суть диалектики вымысла и истории в романе, приведем хотя бы такой пример. Членами «Молодой гвардии» были двое Левашовых — Василий и Сергей. Василий — член штаба «Молодой гвардии», заслуг у него, наверное, было побольше, чем у Сергея. Но о Василии ничего не сказано в романе. Почему?

Ну, во-первых, Василий остался в живых, а Сергей погиб. Знак памяти — существенный момент в романе. А во-вторых, Фадеев узнал, что Сергей дружил с Любой Шевцовой, тон в этой дружбе задавала Люба, а Сергей был «страдающей стороной», и, конечно же, Фадеев как романист не мог пройти мимо такого идущего в руки лирического сюжета.

Фадеев-художник ставит перед собой задачу не следователя по особым делам, не детектива — художественную задачу! — разоблачить предательство как явление, найти истоки, корни его в той молодежной среде, которая вырастила, бросила в страшный огонь схватки и настоящих героев.

Психологически достоверный анализ этого явления и дан в образе Стаховича. Думается, есть все основания считать, что фамилию Стахович «подсказал» Фадееву его любимый Лев Толстой (Фадеев был одно время председателем комиссии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого). Толстовский Стахович — Михаил Александрович, литератор, публицист, ему Толстой посвящает рассказ «Холстомер». Но отношение Толстого к нему было сложным, неоднозначным. Толстой упрекает его в неискренности. Являясь на словах человеком, до конца преданным христианским заповедям смирения и покорности, он жил жизнью типичного аристократа — в богатстве и роскоши.

Фадеевский молодой Стахович «наследует» на новом витке истории главные качества Стаховича-«толстовца»: непоследовательность, раздвоенность сознания. В романе выведен характер молодого человека-индивидуалиста, живущего в мире двойных оценок. В его представлениях разнообразие жизни сведено к несложной игре, искусному маневрированию в коридорах власти. Вдумаемся в эти строки:

«А он был из породы молодых людей, с детских лет приближенных к большим людям и испорченных постоянным заимствованием некоторых внешних проявлений их власти в такое время его жизни, когда он еще не мог понимать истинного содержания и назначения народной власти и того, что право на эту власть заработано этими людьми упорным трудом и воспитанием характера.

Способный мальчик, которому все давалось легко, он был еще на школьной скамье замечен большими людьми в городе, замечен потому, что его братья, коммунисты, тоже были большие люди. С детства вращаясь среди этих людей, привыкнув в среде своих сверстников говорить об этих людях, как о равных себе, поверхностно начитанный, умеющий легко выражать устно и письменно не свои мысли, которых он еще не сумел выработать, а чужие, которые он часто слышал, он, еще ничего не сделав в жизни, считался среди работников районного комитета комсомола активистом. А рядовые комсомольцы, лично не знавшие его, но видевшие его на всех собраниях только в президиуме или на ораторской трибуне, привыкли считать его не то районным, не то областным работником. Не понимая истинного содержания деятельности тех людей, среди которых он вращался, он прекрасно разбирался в их личных и служебных отношениях, кто с кем соперничает и кто кого поддерживает, и создал себе ложное представление об искусстве власти, будто оно состоит не в служении народу, а в искусном маневрировании одних людей по отношению к другим, чтобы тебя поддерживало больше людей».

В сфере искусства не может быть строго объективного познания, так же как и абсолюта внешних признаков. Образ Стаховича нужен Фадееву для постановки проблемы эгоизма, для создания еще одной «модели» себялюбца, ставящего свою жизнь выше других, «обычных» судеб.

Прозорливость Фадеева проявилась в том, что в то время подобный тип «функционера» только нарождался. Придет время, и не нужно будет острого фадеевского взгляда, чтобы увидеть, что таких людей немало и что прямое предательство всего лишь крайнее проявление того зла, которое они могут принести и приносят даже в самые тихие, даже застойные времена.

Ясно, что один человек не мог быть прототипом такого образа. Сам Фадеев, отвечая на надоевшие ему и нередко сопровождаемые многозначительной улыбкой вопросы: а не Виктор Третьякевич ли выведен под именем Евгения Стаховича,— отвечал резко: «Нет».

А узнав со слов Е. А. Долматовского, что старший брат Виктора Третьякевича увидел какие-то совпадения в биографиях Виктора и романного Стаховича, Фадеев сказал Евгению Ароновичу: «Он не должен принимать вымышленного персонажа за своего брата. Неужели это не ясно?»

В весенние месяцы 1956 года Фадеев ведет уединенную жизнь. С увлечением работает над сборником своих литературно-критических статей «За тридцать лет». При составлении книги последовательно придерживается принципа: ничего не прикрашивать, не сглаживать свои суждения прошлых лет. Ему важно, чтобы читатель смог увидеть из его книги сложный путь становления теории социалистического реализма — в борьбе противоречий, достижениях и ошибках. Явные промахи теоретических поисков Фадеев сопровождает пространными комментариями.

В начале мая работа над сборником завершается. Фадеев возвращает выправленный материал составителю сборника Сергею Николаевичу Преображенскому. Сообщает ему, что подготовил новый раздел под названием «Субъективные заметки». Этот раздел вызовет особый интерес у современников. Он извлечен из записных книжек. Фадеев здесь совершенно независим, раскован, свободен в своих оценках русской и зарубежной классической литературы, живописи, театра и музыки. Многие его «субъективные» мысли о творческих формах развития советской литературы, путях их развития вызовут в конце 50-х годов, в пору подъема общественной жизни, творческие дискуссии, в ходе которых будут найдены более широкие, открытые для риска, смелого поиска концепции советской культуры, социалистического реализма. Здесь Фадеев, как новатор, шел впереди. Не дожидаясь каких-то официальных решений, ломал лед догматизма, серости, как теоретик предчувствовал и прогнозировал новый взлет творчества в советской литературе. «А еще ругают писателей! — восклицает он в одном из апрельских писем 1956 года.— Многие из нас знают жизнь не хуже тех, кто этой жизнью заправляет».

До конца своих дней он сохранит талант видеть все так, как оно есть. В письме-рецензии о повести Ильи Эренбурга «Оттепель» Фадеев дает очень точный портрет негативных явлений в современной ему жизни.

Время покажет, что корни этих явлений лежали гораздо глубже, чем думалось и верилось тогда. Что-то постоянно питает их, и с этим чем-то приходится бороться вновь и вновь. Иногда кажется, что круговерти не будет конца. Послушайте, разве не к нам, людям конца XX века, обращены фадеевские строки:

«...в нашей жизни — в отношениях семейных, в отношениях между юношами и девушками, в отношениях детей к родителям, начальствующих к подчиненным — еще немало пережитков старого и просто грубости. Немало еще у нас и таких явлений, как равнодушие, как бюрократизм, вранье перед обществом и государством, очковтирательство, вызванные опасением за собственное благополучие, а не за благополучие общества; есть еще люди, которые основной закон социализма о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей общества применяют так, что, если они стремятся к максимальному удовлетворению собственных потребностей, они тем самым якобы являются проводниками в жизнь этого закона. Эренбург справедливо говорит в повести, что вопросы воспитания — это не только вопросы образования, ибо образованных людей немало и в капиталистических странах, а дело в воспитании нового строя чувств и человеческих отношений».

За несколько дней до смерти в письме к болгарскому писателю Людмилу Стоянову Фадеев раскрывает себя как человек, исполненный оптимизма, веры в завтрашний день: «Нам всем столько пришлось в жизни пережить, но мы не согнулись в борьбе и бодро смотрим в будущее».

Ничто не предвещало выстрела в Переделкине. Никто из близких ему людей не почувствовал приближения трагедии. После больницы Фадеев внешне выглядел посвежевшим, здоровым. Он не пил и решил твердо не пить. Казалось со стороны, что его душевное равновесие восстанавливалось. Но это лишь казалось. Снова и снова он садился за роман «Черная металлургия», чтобы продолжить работу, но работа не шла. Его ум оставался гибким, смелым, охватывающим суть жизни, а художественное слово, еще вчера такое живое, воодушевленное, стало неуловимым, как перо жар-птицы.

Бытует мнение, что этим романом Фадеев сгубил себя, оказался в плену ложноноваторских идей в металлургии начала 50-х годов, наконец, стал жертвой «социального заказа». Уже есть и художественные версии на этот счет. Говорю о талантливом романе Александра Бека «Новое назначение» и образе писателя Пыжова в этом произведении.

Пусть не покажется странным, но подобный «пыжовский» вариант своей биографии автору «Нового назначения» «подсказал» сам Фадеев. Незадолго до смерти, бесконечно — в письмах, беседах-исповедях с писателями—Фадеев будет горячо уверять, что как художник потерпел фиаско и уже чуть ли не написанный роман рухнул якобы из-за «технического просчета».

Но когда будет тщательно исследован архив писателя, то ученые, и среди них академик Алексей Сергеевич Бушмин, придут к выводу, что ни одной страницы, посвященной этой проблеме,— ни одной — в заготовках к роману нет, ни одной главы, где бы действовал «изобретатель», хоть одной чертой похожий на Лесных из «Нового назначения», также нет.

Да, идея об «открытии века» была подсказана Фадееву сверху. То ли И. В. Сталиным, то ли Л. П. Берией и Г. М. Маленковым — бытуют разные мнения. Есть несколько наметок в фадеевских черновиках на этот счет. Но подобный сюжет исчез из замысла еще в 1953 году. Чутье истинного художника всегда побеждало в нем.

А те восемь глав из незавершенного романа, которые мы знаем, написаны с блеском, мастерски, полнокровно и говорят о том, что Фадеев до конца своих дней остался верен самому себе — шел не от идей, даже самых заманчивых, остросюжетных, а от жизни.

— Может быть, Фадеев что-то сжег? — спросил я у сестры писателя Татьяны Александровны (разговор шел в кабинете тогдашнего заместителя главного редактора журнала «Юность» С. Н. Преображенского, биографа писателя).

— Нет, не думаю,— сказала она. И, еще раз: — Не думаю.

В самом начале работы над романом «Черная металлургия» Фадеев писал: «В голове, как говорится, сумбур вместо музыки, а когда из всего этого начнет кристаллизоваться «нечто» — сказать не могу. Но — верю в талантливые силы природы человеческой,— да осенят они меня крыльями своими еще хоть разочек!»

Но «талантливые силы» осеняли писателя на этот раз все реже. Он уже не чувствовал в себе «столько сил, как раньше». В борении с трудностями он переживал частые минуты отчаяния.

Фадеев говорил, что для него не закончить этот роман — «то же самое, что насильственно задержать роды, воспрепятствовать родам. Но я тогда просто погибну как человек и как писатель, как погибла бы при подобных условиях роженица». Так и случилось.

Он страдал невероятно: неужели его ждет впереди бесплодие? Зачем же ему такая жизнь?! Кровоточила боль за судьбы людей, ставших жертвами беззакония. Его мало утешает, что благодаря его ходатайствам многих и многих реабилитировали. Но разве можно смириться с тем, что столько лет торжествовала неправда, темное злодейство.

Как человек, живущий по голосу совести, душевной веры и искренности, узнав всю правду об И. В. Сталине, его деспотизме и произволе, Фадеев воспринял это как трагедию, как самую жестокую ошибку в своей жизни. В траурные дни похорон И. В. Сталина Фадеев, как и все, тоже будет писать о величии ушедшего человека и даже о его... гуманизме. Да, именно так. Он ведь считал, что и Ежов, и Берия злодействовали тайно, скрытно от Сталина. Такая версия высказана им в одном из писем.

Фадееву ясно: Берия «не был за-

интересован в выправлении этих вражеских действий («ежовщины») по отношению к честным людям». Но Фадеев все еще убежден (это июль 1953 года), что при Сталине «для этого была полная возможность». Лишь спустя какое-то время он поймет, кто главный вождь этой «страшной поры». И железная воля Фадеева, которую не пугали ни вражеские пули, ни раны, угаснет, растает, как свечка.

Друг А. А. Фадеева венгерский поэт Антал Гидаш запомнил: «Фадеев размышлял о чем-то. Потом поднял глаза к висевшему на стене портрету Сталина.

— Да, этому человеку я верил...— произнес он, как бы отвечая своим мыслям».

«Прощай»,— сказал Фадеев многим своим друзьям перед смертью — Константину Федину, Анталу Гидашу, Константину Симонову... Говорил без нажима, тихо, спокойно. Они видели перед собой человека в хорошей форме, внешне здорового, бодрого, высокого и еще красивее, чем в юности, с блестящими, голубовато-серебристыми волосами. Потом это тихое «прощай» прозвучит для них потрясающе, нарастая с годами все громче и громче.

Он нес в себе черты нравственного героизма. Рассказывают, Александр Твардовский, редактор «Нового мира», в самые тяжкие минуты ехал на могилу Фадеева, подолгу сидел там в одиночестве, по-видимому, вел разговор с другом, ища поддержки, сочувствия, понимания в своей нелегкой борьбе за честь искусства.

Непросто было найти Фадееву общий язык и с Н. С. Хрущевым. Ему не по душе были грубость и фамильярность Хрущева. Никакой самокритики. Как будто он, Хрущев, в свое время не был среди самых восторженных «скульпторов» памятника Сталину еще при жизни.

Во время одной из бесед в ЦК КПСС в середине 50-х годов Фадеев скажет, что у Сталина был плохой эстетический вкус, но его огорчал и тот факт, что с эстетикой у Н. С. Хрущева дела обстоят не намного лучше, если не хуже.

Весной 1956 года по инициативе Н. С. Хрущева началась подготовка к встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Намечалось провести ее летом того же года (она состоялась намного позже, лишь в 1957 году, оглушив писателей предвзятыми грозными оценками положения дел в литературе, о чем хорошо написал Илья Эренбург).

Н. С. Хрущев просил Фадеева выступить с докладом на предполагавшейся встрече. Фадеев отказался. Отказался он и вновь вернуться на пост руководителя Союза.

Легко ли было Фадееву так поступить? Трудно, мучительно трудно. Он ведь действительно был дисциплинированным коммунистом. Он знал также, что его отказ может быть воспринят неправильно и найдутся юркие люди, которые уготовят ему ярлык «сталиниста». И все-таки он не мог пойти на этот шаг. В той «административной системе», среди руководящих работников в области культуры он почти не видел людей, способных вдумчиво, без крайностей, угроз и приговоров вести литературное дело. Включиться в аппаратную работу — значит вновь зависеть от капризов некомпетентных людей, от конъюнктуры, от самолюбивых притязаний того или иного должностного лица на безошибочность оценок. Нет, он слишком много страдал из-за этого. Так, еще до войны, в 1940 году он обещал в письме к Елене Сергеевне Булгаковой, что талант Михаила Афанасьевича, не оцененный по достоинству при жизни, станет народным достоянием и он приложит все силы, чтобы это произошло. В 1945 году Фадеев составит список лучших произведений советской литературы. Среди них — «Белая гвардия» Булгакова. Но кто, кроме него, В. А. Каверина и еще двух-трех литераторов, разделял подобные оценки? Булгаков был для многих писателей, в том числе и «живых классиков», далек, непонятен, как таинственная Атлантида. А сколько еще таких «недоразумений» пережил Фадеев в своей жизни!

...Среди тех, за кого ему пришлось ходатайствовать, был Иосиф Певзнер, герой гражданской войны, командир Особого коммунистического отряда на Дальнем Востоке, вдохновивший писателя на создание образа Левинсона, и немало других людей, оставивших незабываемый след в его жизни и в его творчестве. Ну как это все пережить?

Он писал в «Молодой гвардии»:

«Как хорошо могли бы жить все люди на свете, если бы они только захотели, если бы они только понимали!»

Да, хорошо бы, если бы так!

«...Тринадцатого мая — день был солнечный, совсем летний,— вспоминал Евгений Долматовский,— в калитку постучал неизвестный молодой человек и сказал только:

— Я из Переделкина, там несчастье с Фадеевым.

Он ничего толком не мог объяснить. Я побежал к своему соседу — Алексею Суркову, выкатил машину, мы помчались в Переделкино.

...Фадеев лежал на широкой кровати, откинув руку, из которой только что — так казалось — выпал наган, вороненый и старый, наверное, сохранившийся от гражданской войны. Белизна обнаженных плеч, бледность лица и седина — все как бы превращалось в мрамор. На тумбочке лежал конверт — письмо было адресовано не нам, очень тянуло его прочитать, но мы с Алексеем не решились.

Смерть таинственна, даже, тогда, когда называется естественной. Я много убитых видел на полях войны, Фадеев показался мне одним из них или таким же, как они.

Мы с Алексеем Сурковым сбили слезы со щек и поехали в Москву на моей старенькой «Победе». Вид у нас был совсем не городской — рубашки навыпуск, сандалии на босу ногу, но на заезд домой и переодевание не было времени: мы спешили собраться с товарищами в Союзе писателей, чтобы коллективно сочинить некролог и успеть отвезти его для опубликования в завтрашних газетах. Всю дорогу мы с Алексеем Александровичем подбирали самые глубинные душевные мысли для последнего слова. Но, приехав на улицу Воровского, узнали, что опоздали. Некролог — жесткий и краткий — кем-то уже был написан и передан в печать...»

Может, Фадеев оставил какое-то письмо, объясняющее его уход из жизни? Многие утверждают: оставил. Михаил Александрович Шолохов рассказывал журналистам «Комсомольской правды»:

— Я тоже слышал о письме. Спрашивал об этом у Никиты Сергеевича Хрущева, когда он был здесь, в Вешенской. Он сказал: «Никакого письма не было».— Шолохов улыбнулся с какой-то печалью и закончил: — Тайны мадридского двора...

Никому не дано разгадать абсолютно, до конца уход из жизни такого человека, как Фадеев. И речь в этом очерке шла о том, как он жил, что чувствовал перед гибелью, что его мучило. Возможно, какие-то объяснения трагедии писателя и удалось найти.

В майский жаркий день Москва прощалась с Александром Фадеевым. Воробьи трещали в молодой зелени деревьев так, что по временам заглушали прощальные слова, и большая тяжелая пчела заползла в лилию, лежавшую на груди писателя, и затеребила мохнатым рыльцем и лапками обсыпанные сладкой пыльцой тычинки...

И многие провожавшие писателя в последний путь подумали о том, что по силе жизни это могло быть одной из страниц книг Фадеева.

Три разных писателя сложной судьбы — Михаил Зощенко, Борис Пастернак и Павел Антокольский, глубоко переживая его гибель, скажут о нем в письмах одинаково, с болью: «Бедный Фадеев».

«И мне кажется, что Фадеев с той виноватой улыбкой, которую он сумел пронести сквозь все хитросплетения политики,— пишет Борис Леонидович Пастернак,— в последнюю минуту перед выстрелом мог проститься с собой с такими, что ли, словами: «Ну, вот все кончено. Прощай, Саша».

Именно горький личный опыт Фадеева выражен вот в этих строках «Молодой гвардии»:

«Случалось ли тебе, читатель... впасть в беду, такую, что даже близкие люди отвернулись от тебя?.. Если случалось... ты поймешь, какая светлая мужественная радость, какое невыразимое сердечное чувство благодарности, какой прилив сил необоримых охватывает душу человека, когда он встретит друга, чье слово, чья верность, чье мужество и преданность остались неизменными!»

Выражая народную скорбь, поэт Владимир Александрович Луговской писал:

Фадеев, старый друг, сверкни опять
Глазами голубыми, с легкой злинкой,
С невероятной преданностью жизни.
Опять живи, как песня, среди нас,
Но только б одиночество не жало
Большую грудь так холодно и дико.
Веселый комиссар, гуляка мудрый,
Иди Москвою! Я не верю в смерть!

Вот и все. Жизнь кончилась. Началось бессмертие, как оказалось, не менее тревожное, чем его жизнь.

ГОСТИ ИЗ РИМА

— Мне бы хотелось поговорить с вами, ничего не сказав. Просто дыша одним воздухом, атмосферой Московского фестиваля,— так начал нашу беседу прославленный итальянский режиссер Федерико Феллини.— Я родился в Риме — городе, которому обязан многим. Здесь прошло мое детство, юношеские годы. Сорок лет минуло с тех пор, как я переступил порог кинематографа. За это время многие истории, которые случались со мной, моими друзьями, в какой-то мере были перенесены на экран.

— Маэстро Феллини, многих интересует вопрос, как вы делаете свои фильмы?

— Все происходит само собой. Мы с вами — наблюдатели, и каждый наш день наполнен событиями. Приходит час, когда мы ощущаем тот таинственный толчок, который является своего рода сигналом, указывающим на движение внутри нас. Это уже что-то. Происходит почти физиологический толчок, голос внутри тебя подсказывает: «Ну, вперед, смелей». Наступил час, когда ты должен сделать еще один фильм.

— Маэстро Федерико, разрешите задать вопрос вашей супруге, актрисе Джульетте Мазине, которую знают и любят многие в Советском Союзе. Какой фильм Феллини вам нравится больше всего?

— Пожалуй, последний — «Интервью». Думаю, многие согласятся со мной, я убедилась в этом, несмотря на краткость нашего пребывания в вашей прекрасной столице. Мы с Федерико побывали в гостях у создающегося у вас в стране Общества друзей кино. Нам оказали такой горячий прием, который останется в нашей памяти надолго.

— Маэстро Феллини, кого из современных режиссеров, представляющих советское кино, вы можете отметить?

— Имена Пудовкина, Довженко давно вошли в историю мирового кинематографа. А сегодня это работы Марлена Хуциева, Никиты Михалкова, Тенгиза Абуладзе. Мне кажется, сейчас наступил самый волнующий момент с тех пор, как я впервые приехал к вам. Еще совсем недавно, лет десять назад, ваши сценаристы, режиссеры говорили о необходимости получить большие права, бо́льшую свободу творчества, возможность обсуждать и критиковать. Сейчас перед ними открываются долгожданные перспективы. Я очень рад тому, что у вас происходит. В сегодняшнем мире всем необходимо жить вместе, необходимо свободно встречаться и обмениваться мнениями, искать возможности контактов — это подсказывает сама жизнь.

Пользуясь случаем, я хочу расширить мое пожелание успехов. Оно адресуется не только советскому кинематографу, но и руководителю вашего государства Михаилу Горбачеву, вносящему существенный вклад в дело мира, единения людей, лучшее будущее человечества.

На прощание Федерико Феллини пишет нам несколько слов: «Другу «Огоньку» — пожелания хорошей работы и удач».

Беседу вел Ярослав НОВИЦКИЙ, фото Сергея БЕРМЕНЬЕВА

МУЗЫКА МОЖЕТ ВСЕ

Три месяца назад в Нью-Йорке Билли Джоул объявил, что этим летом он приедет со своим гастролирующим по всему миру ансамблем «Мост» в Советский Союз. А неделю назад, 26 июля, в до отказа заполненном спортивном комплексе «Олимпийский» состоялся первый его рок-концерт из тех шести, которые пройдут в крупнейших залах Москвы и Ленинграда. Турне Билли Джоула по Советскому Союзу считается одним из наиболее значительных событий советско-американского культурного обмена.

— Имейте в виду,— говорит Билли Джоул за тридцать минут до начала своего второго концерта в Москве,— я согласился дать отдельное интервью только «Огоньку».

— «Огонек» и его читатели,— отвечаю я,— признательны вам за это.

Беседа проходит в гримерной. Джоул сидит в кресле. Виртуозные пальцы его помощницы Тины накладывают на лицо певца жидкую пудру, тени. За стеной ревет стадион.

— Билли,— спрашиваю я рок-звезду,— если честно, вы волнуетесь?

— Я бы назвал это скорее предельным возбуждением. Такое впечатление, что в жилах течет газированная кровь.

— Каково впечатление от первого концерта?

— Ничего подобного я не ожидал. Правда, в самом начале с ужасом вдруг показалось, что мне так и не удастся расшевелить публику. Но после песни «Дольше всего» стена непонимания рухнула. Это было прекрасно: молодежь ринулась к сцене. Понимаете, для меня важен диалог с публикой. Без него я не могу петь. Аплодисменты зрителей, крики, свист — это пятьдесят процентов того, что и называется концертом. Происходит взаимонасыщение энергией. Публика для моих музыкантов столь же важна, что и инструменты. То взаимопонимание, которого мы достигли с советским зрителем позавчера, сравнимо лишь с моими наиболее успешными выступлениями в Детройте или, скажем, в Нью-Йорке. Конечно, ваша служба порядка здорово понервничала. Впрочем, для этого не было, на мой взгляд, никаких оснований. Вашим представителям этой службы я пытался втолковать, что рок-концерт — это не панихида.

— Билли, многие люди старшего поколения не понимают рок-музыки, настроены против нее. Как вам удается находить общий язык с ними?

— У нас этот вопрос решается легко: они просто не ходят на рок-концерты.

— Когда зародилась идея приехать в СССР?

— Очень давно, еще во время гастролей на Кубе. Но укрепилась она в моем сознании после рождения дочки. Я вдруг подумал, что отвечу ей, если она меня лет через двадцать спросит: «Папа, а что ты делал во время «холодной войны»? Теперь у меня есть для нее ответ.

— Билли, какова самая серьезная проблема, с которой сталкивается современная рок-звезда вашего калибра?

— Самое трудное — находить время для семьи и друзей. Ведь я уже почти десять лет сам себе не принадлежу.

— Задавала ли вам жизнь вопросы, на которые вы до сих пор не можете ответить?

— Да. Вы мне его только что задали,— смеется Джоул.

Хотя физически он еще здесь, в гримерной, всеми мыслями и душой — уже на сцене. Оттуда доносятся приглушенные звуки электрогитар, пулеметные очереди ударника. Слышно дыхание стадиона. Сквозь грим на лбу и висках Билли проступают мелкие капельки пота.

— Билли,— спрашиваю я,— что для вас значит русская, советская музыка?

— Я услышал русскую музыку, еще будучи ребенком. Начиная с «Пети и волка» Прокофьева и кончая «Щелкунчиком» Чайковского. Я хорошо знаю музыку вашей страны, и благодаря богатейшему русскому музыкальному наследству я всегда, несмотря на пропаганду, очень по-доброму относился к Советскому Союзу. Музыка — это чудесное средство для преодоления политических и языковых барьеров. Не случайно мой ансамбль назван «Мост». Просто замечательно, что я могу поделиться с советской молодежью своими песнями. Все, мне пора...

Мы бежим в зал. «Билли Джоул»,— объявляет ведущий, и стадион моментально взрывается аплодисментами. Когда до сцены остается не более двадцати метров, я пытаюсь перекричать рев стадиона:

— Самый последний вопрос: наиболее значительное событие в вашей жизни?

— Самое первое выступление в Нью-Йорке. Женитьба на Кристи. Рождение дочки. Позавчерашний рок-концерт здесь, в «Олимпийском»...

Эти слова он уже почти поет.

И с ними вспрыгивает на сцену.

Второй рок-концерт Билли Джоула в Москве начался.

Интервью взял Артем БОРОВИК.

Фото Игоря ФЛИСА

ЧИТАТЕЛЬ—ЖУРНАЛ—ЧИТАТЕЛЬ

Счастлив я, что дожил до открытого и честного времени. Публикации «Огонька» — эссе А. Вознесенского «Гала Шагала» в № 4, а также статьи в № 27, посвященные столетию художника,— прочитал с радостью и грустью. С радостью, потому что я родился в этом городе, моя тетя училась у художника Юрия Пэна, хорошо помнила Марка Шагала. Да и я до войны учился в художественном училище, той самой бывшей «Свободной Академии», которую организовал Шагал. Потом война. И так получилось, что в составе 3-го Белорусского участвовал в освобождении своего Витебска, вернее того, что от него осталось. Был ранен. Войну закончил в Германии. Потом учился в политехническом, стал строителем.

А с грустью прочитал потому, что до сих пор старались (да и сейчас кое-кто старается) не замечать великого, признанного во всем мире художника, нашего земляка, который никогда не переставал ценить, почитать и любить свою Родину! Вот доказательство: музей Шагала в Витебске к столетию художника, увы, так и не создан. Почему этим должна заниматься группа самодеятельных энтузиастов? А где же наши министерства культуры СССР, БССР? Неужели и сейчас сидят там люди, поднаторевшие на запретах и отлучениях? Неужели им настолько безразличны ценности нашей национальной культуры? Даже в энциклопедии написано, что Шагал — французский художник. Позор! Почему тогда не написать, что С. Рахманинов — американский композитор, Ф. Шаляпин — французский певец, а И. Бунин — не русский писатель, ведь все они прожили часть своей жизни и скончались не у себя на родине. Пожалуй, ни одна страна не разбрасывалась своими гениями и талантами, как наша.

Нельзя так дальше, нельзя... Собирать и хранить все, что было великое и просто хорошее, нужно и для нас, и для тех, кто будет после нас.

Г. ЖИЛИЧ,
ветеран Великой Отечественной войны, член КПСС с 1942 года

Барановичи

Я американская писательница — прозаик, публицист и поэт, пишу для детей и взрослых, одна из тех американок, которые заинтересованы в мирных отношениях между нашими странами. Мне бы хотелось сказать со всей откровенностью, что я приветствую политику гласности в вашей стране.

Мэри СИМОНС

США, штат Оклахома, Талса.

На ваших страницах, как и во многих других периодических изданиях беспрерывно обсуждается тема: легко ли быть молодым? Мне хочется задать встречный вопрос: легко ли быть старым? Легко ли, когда все позади, впереди ничего нет, а настоящее уныло, одиноко. К тому же та часть молодежи, которой трудно быть молодой, всячески пихает и обижает старого человека.

Много пишут и говорят о молодежном строительстве, МЖК, обеспечении молодых квартирами. А о старых совсем забыли. Живут старушки в коммуналках, кричат на них поселившиеся на время молодые семьи, потом они получают квартиры и уезжают, а старые, родившиеся в Москве, по 60—70 лет томятся в коммуналках, ждут очереди в туалет и ванную, боятся вылезти из своей комнаты, чтобы их не обругали. Будь я высоким начальником, я бы обязательно издала указ: в первую очередь обеспечивать жильем стариков, чтобы хотя бы последние 5—7 лет они пожили в свое удовольствие, без страха перед соседями.

Я родилась в 1917 году. Все свои 70 лет прожила в коммуналке. Пишу вам, а на кухне раздается пронзительный голос соседки: что-то опять я не так сделала, проклятия в мой адрес... Мне объявлен бойкот, со мной не здороваются. Что ж, они молодые. Им трудно жить. А мне?..

Г. СЕВЕРИНА,
ветеран труда, вдова солдата

Москва.

Замалчивание преступлений времен культа личности оставшимися в живых его почитателями готовит почву для повторений все тех же преступлений над будущими поколениями. Кому это выгодно? Тем, кто, прикрываясь революционной фразой, изменил революции и упрочил свое, надстроечное функционирование, кто для своих детей обусловил преимущественное проникновение на управленческие должности, кто характером распределительных отношений обезобразил производственные отношения.

Не будет ли стыдно нам, что мы и теперь, после XXVII съезда КПСС, январского и июньского Пленумов ЦК партии, все еще робеем при обращении к нашей истории?

В. ДАНИЛОВ

Рига.

С горечью и душевной болью прочитал очерк В. Поликарпова «Федор Раскольников». Сколько их, безвестных, незаслуженно забытых, честнейших и преданнейших людей нашей Родины, оболгано, вычеркнуто из памяти народной! Может быть, оттого, что в довоенные годы были оклеветаны и уничтожены десятки и сотни тысяч лучших людей, у кого бы учиться хорошему, с кого бы брать пример, искать моральную поддержку нам, поколению 40-х — 60-х годов. Вот и расплодились приспособленцы, взяточники, воры и лицемеры... Хочется верить, что гласность, правда помогут преодолеть все это.

Пишу это и вспоминаю 50-е годы. В четвертом классе одноклассница Света (фамилию сейчас не помню) на газетной книжной обертке, где был напечатан Президиум Верховного Совета СССР, по детской глупости, шалости пририсовала кому бороду, кому усы. Вот тогда я и услышал про нее — враг народа. Свету допрашивали, кто ее научил, исключили из пионеров, весь класс шарахался от нее, как от чумной. Сидела она одна, на последней парте, а потом вообще исчезла из школы.

Последние публикации в прессе возвращают нам веру в справедливость, в историческую правду, которая должна восторжествовать.

А. ОСАДЧАЯ

Ташкент.

Год назад я получил разукомплектованный трактор, работать на нем было невозможно. Сложа руки не сидел, обращался куда положено. В конце концов моим трактором занялась комиссия из Усть-Илимского управления лесозаготовительной промышленности. Моему начальству это не понравилось. Стали снижать расценки в наряде-задании. Не буду описывать все передряги, в результате которых с меня сняли премию, потому что разговор мой не об этом. Но посчитав случившееся несправедливым, написал в «Человек и закон». В марте приехала новая комиссия. В июне получил ответ: да, действительно, в отношении меня были допущены грубейшие нарушения...

Но деньги мне не вернули, те, кто работал в конторе, так и работают. А врагов я себе нажил. Думал-то я при помощи печати навести порядок, а что получилось? Разбирались со мной те, на кого я жаловался. Дали понять: не плюй против ветра, не пиши. А почему молчать? Лес готовим — штабелюем и бросаем. Богачи! Сибирь неисчерпаема! Вот и лежит у нас в 112-м квартале с весны 1984 года 2400 кубометров леса, в 79-м — около 500. Лесосеки захламлены.

Много говорят ныне о перестройке. К нам, видимо, она придет годов через двадцать. За двадцать лет мы дров еще наломаем. А под меня администрация подберет ключи, чтобы лишнего не писал.

Ю. ХВОСТОВ, тракторист

пос. Кедровый
Иркутской обл.

В «Огоньке» № 24 вышла статья «Дремлющие души». Я смотрел, как читают у нас на заводе эту статью и охают, ахают, и понял, как мало у нас люди знают о «зоне». Лично мне ваша статья показалась ненужной.

Во-первых, ощущение такое, что ваши корреспонденты побывали на показушной «зоне». Зачем писать о том, что сами не знаете? Почему ваши корреспонденты не побывали в санчасти и не посмотрели, кто и с чем там лежит? Почему не заметили, что порядок там держится на «зэковских» оплеухах? Или вот: мать везет в тюрьму сыну передачу — это у вас удивления не вызывает. А то, что передачу приняли, и вес ее, допустим, 5 килограммов, а в камеру в лучшем случае попадет две трети, это вам неинтересно?

Я пишу, зная, что не понравлюсь вам. Ну, так вы сами задели меня. Самое интересное, что я не только не выписываю ваш журнал, но даже годами в него не заглядываю, а тут вот посмотрел...

В 16 лет меня, молоденького парнишку, осудили на восемь лет усиленного режима. Я вышел в 1982 году, получил строгий надзор, который выдержал скрепя зубы, но выдержал. Женился, у нас дочь — 4 года. Я работаю на заводе с женой в одном цехе. Что пережил в юности — врагу не пожелаю. Очерствел духовно. Хотя и кое-что полезного для себя вымучил за свою плохо начатую жизнь: научился жить своей головой. Не хочу, чтобы кто-то подумал, что я аноним, поэтому прилагаю свой адрес и свою фамилию.

В. САВЧЕНКО

Севастополь.

Не хватает уборщиц. Дефицит. А не потому ли, что это самый непочетный труд? Само название вызывает чувство брезгливости — уборщица. Кажется, положи за это звание триста рублей, а не семьдесят, и то не заставишь гордиться. А что если в духе сегодняшних перемен попробовать изменить отношение и к этому незаслуженно обиженному труду. Сменить название — это во-первых, а во-вторых, пересмотреть и функции. Мне кажется, людям этого важного и крайне необходимого труда должно вменить в обязанность не только поддержание чистоты (не убрать столько-то раз, как будто все специально сорят, а она должна убирать), но и украшение подвластного ей хозяйства. Тут тебе и свобода для творчества, и почет, и в помещении чисто, уютно, красиво. Хозяйка, а не уборщица! Любому дому, и учреждению в том числе, нужна хозяйка, которая любое жилище делает одушевленным. Пусть она занимается уютом, чистотой, дизайном. На такую должность пойдет любая молодая женщина или девушка, которая любит наводить порядок и способна создать гармонию между назначением помещения и чувствами посетителей. Представьте такое объявление: «Кинотеатру «Ударник» требуется хозяйка Зеленого зала. За справками обращаться...» Мне кажется, недолго провисит такое объявление. А вы как думаете?

В. ГРАДУСОВ

Волгоград.

Пишу с великим возмущением. Как вам не стыдно позорить еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек»? Я подписчик журнала с 1952 года, получал его каждый четверг еженедельно. Любил его, как родное дитя. А вот последнее время я получаю хлам. Кто же позволил превратить «Огонек» в потухшую головешку? Извините за резкость, но отвращение такое к журналу, что и не рад его в руки брать. Там же нет ничего интересного, если не считать преступных действий высокопоставленных чинов.

В чем причина? Перестройка? Так журнал должен быть лучше, а он превратился в макулатуру. И кроссворды пошли неинтересные. Все же удивлен: в чем загвоздка, что мешает работать по-людски, как работали раньше?

В. РУССКИХ

Харьков.

Не так давно побывал в клубе «Кому за тридцать». Сесть в укромном уголке было негде, поэтому я переходил с одного места на другое и наблюдал. Мне казалось, что я один «хитрый», а обнаружилось, что таких «хитрых» чуть ли не половина.

Сначала всех направили в один маленький зал. Молодая девушка-затейница, видно, вызубрившая несколько приемов и игр для детей ясельного возраста, без души и понятия стала организовывать игру, чтобы «расковать» людей. Участие принимали немногие, что раздражало «затейницу», и она ругала всех, стариков и молодых, требовала, заставляла, втаскивала в круг. Народу было много, и возраст самый разный — от 15 до 90 лет, наверное. Каждый испытывал униженность, неловкость, как будто делаешь что-то постыдное на виду у всех. Мужики куда-то бегали и скоро приходили пьяными, а потом начинали вести себя грубо, развязно, глупо. Один все приставал ко мне и спрашивал, кого выбрать себе: на год моложе или на год старше. Молодые девчонки, безобразно разукрашенные, вели себя обособленно, нагло и вызывающе.

Через час я с отвращением ушел из этого «организованного» отдыха, который шумно и с помпой повсюду рекламировался. И больше я никогда сюда не пойду. Несмотря на одиночество...

А. ПЕТРЕНКО

Днепропетровск.

ПОЭЗИЯ СТАРИННЫХ ГОРОДОВ

ПАЛИТРА

Старинная Москва... Найдешь порой новый для себя уголок, дворик с покосившимися лестницами, с узорной кованой оградкой, флигелями, из-за которых выглядывают обветшалые купола, и замрешь. Чем-то таинственным трогает эта красота. Постоишь и словно прикоснешься к ладоням тех, кто создавал ее, кто вложил в эти камни свою фантазию, мысли, талант и труд.

Все это будоражит воображение: люди минувших времен разговаривают с тобой посредством свершенного ими. И больно видеть, как преданные забвению уютные дворики, укромные уголки старинной Москвы (и не только Москвы) бездумно сносятся. Стирается память...

Спросите у прохожих, где находится ГУМ. Ответит каждый. А спросите, где Китай-город...

Днем он гудит, как улей. Течет толпа по Никольской улице, выплескиваясь на Красную площадь, суета в бывших центрах торговли столицы — в Гостином дворе, в Теплых торговых рядах, где ныне разместилось множество складов и

О. И. ГРОССЕ. Род. 1932.
ИЗ СЕРИИ «ФАНТАЗИИ».
1982—1985.
ТАМОЖНЯ.

ИЗ СЕРИИ «ФАНТАЗИИ». 1982—1985. ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА.

контор с загадочными названиями. Под вековыми сводами разгружают чадящие машины, устроены курилки, навесы забиты какой-то тарой, конторским хламом.

Своеобразна жизнь этого старого района, не менее своеобразна и его архитектура: здания стиля модерн и рядом церкви XVII века, псевдорусские «порталы» ГУМа и классическая колоннада Гостиного двора, холодный геометризм гостиницы «Россия» и причудливые изгибы фасадов в Теплых рядах...

Летом здесь можно было частенько видеть художника с папкой листов. За спиной останавливаются любопытные прохожие, дети, наблюдая, как из бесформенных пятен возникает подобие того, что перед глазами.

Техника рисунка кажется простой: прессованный уголь и рыжая палочка сангины; где штрих, где растушевка пальцем. Но удивительно, что две краски создают богатую палитру, которая передает теплоту человеческой кожи и блеск шелка, ажур решеток и густоту затененной листвы, прозрачность мрамора и отблеск последнего луча заката в маковке храма.

Годы раздумий, проникновение в жизнь и ритм сегодняшнего дня и историю этого достойного быть заповедным места Москвы привели художника Олега Ивановича Гроссе к созданию целого цикла работ, посвященных старинной Москве, Китай-городу.

На первый взгляд его листы кажутся несколько старомодными, напоминающими графику прошлого века, чересчур канонически выстроенными. Зрителя как бы приглашают в глубину, в перспективу, где открывается таинственный проход или кусочек неба. Рисунок напоминает декорацию к спектаклю или фильму, подсказывая возможные настроения и сюжеты. Олег Гроссе, в сущности, остался художником кино и театра, в зрелом возрасте перейдя в станковую графику. Отсюда и «говорящие» детали его работ. Глаз фиксирует не только чистоту архитектурных красот, но и искажающие ее «управдомовские» достройки, следы времени, свидетельствующие о человеческих отношениях, о жизни людей.

Своеобразен характер художественного языка Гроссе. Кажется, что многое остается эскизным, недоработанным в деталях, но это попытка сознательно активизировать фантазию зрителя, разбудить собственные его воспоминания. Только тогда камни оживут для нас и заговорят с нами о своих бедах. Это и размышление о сути вещей, но и позыв к действию: может ли эта красота оставаться в запустении, разрушенной.

Поэтому старая Москва — не просто тема творчества художника, она его радость, его боль. Сам Олег Иванович свое кредо художника характеризует как ностальгический романтизм. Но это не взгляд в прошлое, это скорее устремление в будущее, шагая в которое нельзя забывать о прошлом. Художник сумел донести до нас живую память разных эпох.

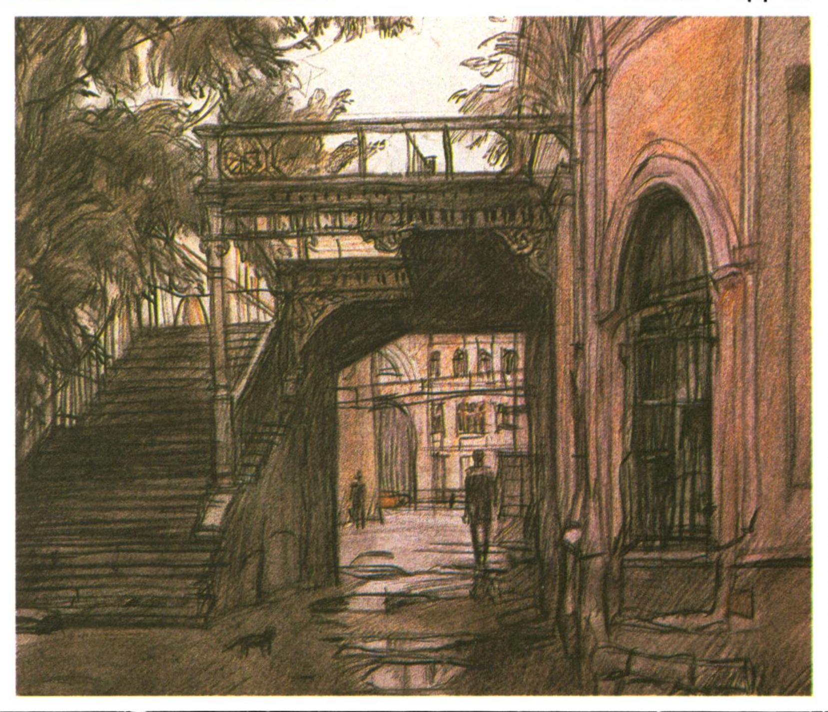
Тот же почерк художника, обеспокоенного судьбой нашей культуры, в его работах, где запечатлен странный, дождливый Ленинград, трогательная старая Рига, романтичный Львов, город-памятник Переславль-Залесский...

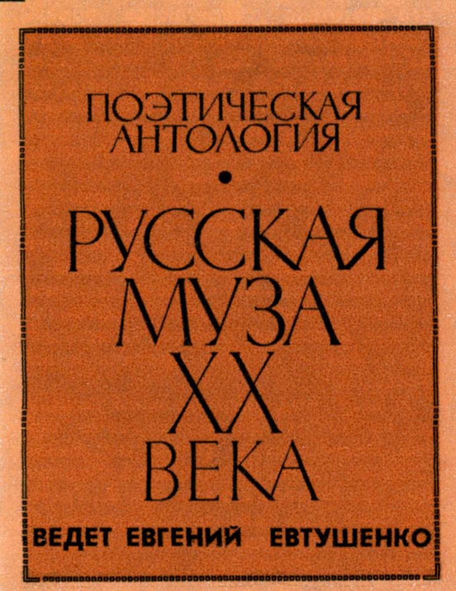
Еще одна яркая сторона творчества О. Гроссе — женские портреты. Образы, созданные художником, наполнены романтизмом, притягивают внутренней теплотой, загадочностью, мимолетным озарением.

В творчестве Олега Гроссе заключены вечность и сиюминутность, красота и ее разрушение, высокая одухотворенность и проза бытия. Его манеру хочется сравнить с русской песней — неброской, задушевной, порой печальной, но всегда трогающей душу, волнующей и зовущей.

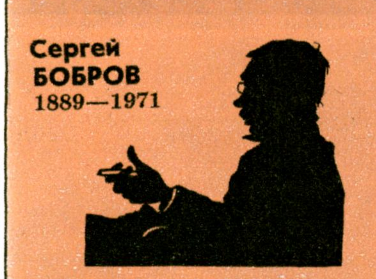
Василий ФЕКЛЮНИН

ПРОХОДНОЙ ДВОР. ЛЕСТНИЦА В ТЕПЛЫХ ТОРГОВЫХ РЯДАХ.

Сергей БОБРОВ
1889—1971

Примыкал в 1912 году к группе молодых писателей «Лирика» вместе с Пастернаком и Асеевым, затем входил в группу «Центрифуга». Автор статей по теории стиха, переводов западной классики, социально-утопических романов и научно-популярных книг по математике для юношества.

Игорю Северянину

Но оксюморон небывалый
Блеснет — как молния — сгорит,—
Рукою — отчего же алой?—
Мелькнет и вот — испепелит!

Но осторожнее веди же
Метафоры автомобиль,
Метонимические лыжи,
Неологический костыль!

Тебя не захлестнула б скверна
Оптово-розничной мечты,
Когда срываешь каманберно
Ты столь пахучие цветы,—

Певцам — довлеет миг свободы,
Позора — праведен излом:
Предупредить не должен годы
Ты педантическим пером.

Владимир ПЯСТ
(псевдоним Пестовского)
1886—1940

Поэт, переводчик. Один из ближайших друзей А. Блока. Выпустил книгу воспоминаний «Встречи» (1929). В припадке душевной депрессии покончил с собой.

ДОМА

Домов обтесанный гранит
Людских преданий не хранит.

На нем иные существа
Свои оставили слова.

В часы, когда снует толпа,
Их речь невнятная слепа,
И в повесть ветхих кирпичей
Не проникает взор ничей.

Но в сутках есть ужасный час,
Когда иное видит глаз.

Тогда на улице мертво.
Вот дом. Ты смотришь на него —

И вдруг он вспыхнет, озарен,
И ты проникнешь: это — он!

Застынет шаг, займется дух.
Но миг еще — и он потух.

Перед тобою прежний дом,
И было ль — верится с трудом.

Но если там же, в тот же час,
Твой ляжет путь еще хоть раз,—

Ты в лихорадке. Снова ждешь
Тобой испытанную дрожь.

Юрий ВЕРХОВСКИЙ
1878—1956

Убежденный, последовательный классицист. Блок называл его «пушкеньянец». Переводил итальянцев эпохи Возрождения, Мицкевича. Автор исследований о поэтах пушкинского времени, в которых всегда находил «усладу страждущего духа».

Будет все так же, как было,
Только не будет меня.
Сердце минувшего дня не забыло,
Сердце все жаждет грядущего дня.

Бьется ж — слепое ль?— мгновеньем
бегущим.
В вечность, дитя, заглянуть не сильно.
Знает себя лишь; в минувшем, в
грядущем
Бездну ночуя, трепещет оно.

Жутко и сладко; и вдруг — все
забудет,
Тайну последнюю нежно храня:
Так же, как было да будет;
Так же, как не было, так и не будет
меня.

Александр ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Найденный в отделе редких книг Ленинской библиотеки сборничек с пометкой «Из библиотеки А. Тарасенкова» привлек мое внимание. Автобиографических сведений пока не удалось найти никаких. Должен заметить, что именно благодаря уникальной коллекции Тарасенкова имена многих поэтов сохранились до наших дней.

ШОКОЛАД

Жена вернулась домой
И принесла коробку шоколада.
Взгляд ее был прямой:
Прямее мужнина взгляда.
Муж оторвался от листа,
Покрытого множеством чисел,
И спросил: «А сдача со ста?»
И вид его при этом был кисел.
Жена подошла, обняла, обожгла
Макушку, где волос был редок:
«Ничего, что я принесла
Мужу любимых конфеток?»
Муж улыбнулся и тихо поднес
К губам теплые женины ручки.
«Она тебя любит, старый пес,
А ты ворчишь на ея отлучки...»
Жена быстро считала в уме,
Сколько вычесть за конфеты со сдачи?
(Их любовник ей дал в полутьме.)

Муж понял раздумье иначе:
Сейчас он усадит жену и у ног
Ея — виновато-любящий — а я нет...
. . . .
Правду знают любовник и бог,
Но никто из них ничего не скажет.

Сергей БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ
(псевдоним С. Басова)
1869—1952

Сын тульского помещика, затем отбывал ссылку как революционер в Верхоянске, после чего и взял себе такой звучный сибирский псевдоним. Памфлет «Что делал со своим народом французский король...», а также политическая современная версия «Конька-горбунка» были конфискованы царской полицией. Великолепный мастер агитационного поэтического лубка.

СНАЧАЛА

Лыко да мочало
По лесам качало.
Леса не редки,
В них жили наши предки.

Лубье мочили,
Мочалу сучили.
В Христа не веря,
Полевали на зверя,

На рыбу, на птицу,
Журавля и синицу,
И за нуждишку
Бороздили землишку;

До женатых годов
Ходили без портов;
По праздничным дням
Молились пням,

Ошметком щи хлебали,
Ночевали без печали.

* * *

Вдруг . . . .
. . . .
. . . .

Тянет с русского народа
Лже-Романовых порода
Пятьдесят мильонов в год,
Чистым золотом дерет.

И удумано как ловко!
Царский дом — одна головка,
А под нею теремок,
Слаженный, в замок:
Сенаторы,
Губернаторы,
Помещики, купцы,
Духовные отцы,
Прокуроры,
Полицейские своры,
Жандармы,
Полны казармы.
А под теремом настил
Из мужицких крепких жил.
Думает головка:
«Устроено все ловко;
Не будет нашему дому
Слому!»

* * *

Только вот
Боле бубнит народ:
— «Баре-то, баре,
Да и торгаши —
Хороши.
На всяком товаре
Гонят барыш,—
Угоришь!»
На каждом заводе
Тело с мужиков сводят.
Глядь, на Дону, Ростове
Уж забастовка наготове.
А в Питере кричат:— «Подымай
Первый май —
Праздник рабочий!»...

Макар ПАСЫНОК
(псевдоним Исаака Когана-Ласкина)
1893—1946

Популярность Пасынку принесло одно из его ранних стихотворений, «Сапожник», напечатанное в 1913 году в «Новой рабочей газете». Участник гражданской войны, Макар Пасынок был одним из первых пролетарских поэтов, который умел, по выражению Безыменского, «за каждой мелочью революцию мировую найти». Сегодня псевдоним «Пасынок» выглядел бы театральным. А тогда он был точным классовым определением.

ПЕСНЯ

Ефиму Вихреву

Стояли долго на вокзале
И догадаться не могли,
Что братской кровью будет залита
Пядь каждая родной земли.

Оставив грязные теплушки,
Все устремились по дрова,
И скоро смачными галушками
Набила животы братва.

Начальник эшелона тут же
Шагал и ждал: когда сигнал?
И кто-то голосом простуженным
Хрипел Интернационал.

ПОРТРЕТ

Не помню ни отца, ни матери:
Истлели в суматохе лет...
А вы свое:
«Отец характером,
Лицом —
Мамаши вылитый портрет».
Ну как поверю я, пургой
обветренный,
С десятками ран на плечах,
Что ласки отца в борьбе не
растеряны,
Что облик матери в пути не зачах.
Не раз я думал: себя попробую
Рукой корявой нарисовать,
Но исчезал в огне отец мой
сгорбленный,
На баррикадах — исчезала мать.
Путь взборожден Октябрьским
трактором,
Нет прошлого — смыт кровью след...
А вы свое:
«Отец характером,
Лицом —
Мамаши вылитый портрет».

1923.

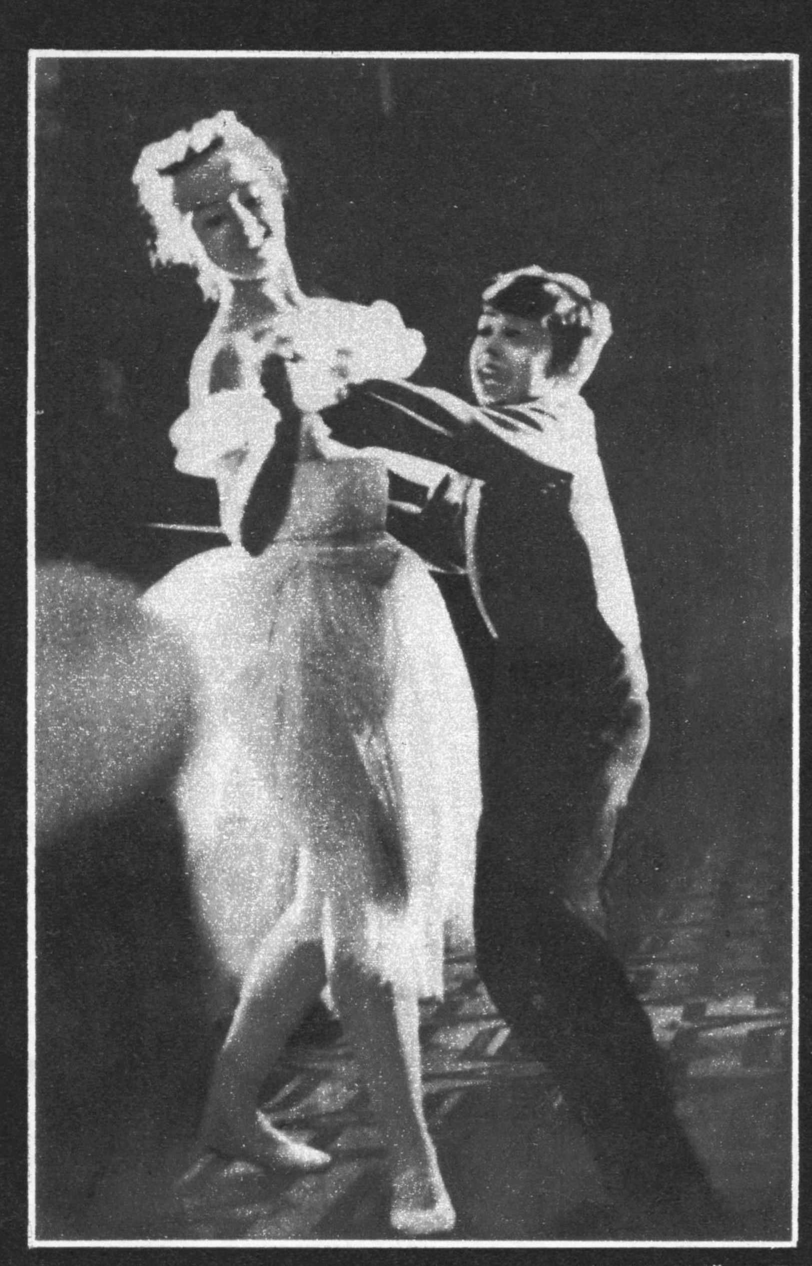

Алексей Иванович Гостев так давно в «Огоньке», что эффект привыкания к его присутствию на страницах как бы даже неизбежен. Но вот заокеанский читатель, лишенный иммунитета привыкания, однажды встретившись с работой А. Гостева, поспешил с откликом: прекрасно! Прекрасными фотографии Алексея Ивановича назвал Рокуэл Кент. А я помню, как были сделаны эти фотографии в поселке якутских алмазодобытчиков Айхал... Чувства новизны, способности удивляться фотожурналист А. Гостев не утратил до сих пор, хотя за ним дорога в 75 лет... Когда увиденному радуется Алексей Иванович, тогда его работам радуются и читатели «Огонька»: тут сказывается иной эффект — не привыкания от частого мелькания имени на страницах журнала, а эффект моментального общения. Узнавания! Алексей Гостев работает давно, очень давно, поэтому и для вернисажа выбор огромен: в его фототеке сберегаются образы поистине самого времени! Его родина — Бородино. Да, то самое село под Можайском. Начал работать лет с девяти: таскал ящик с фотопричиндалами за родным дядей — известнейшим фотографом Петровым. Фотограф был во всех горячих точках своего времени — и Алексей Гостев с ним. Грянула война, и Алексей Гостев оказался под командованием легендарного М. Громова в воздушной армии. А после затяжных лет военной фотосъемки — «Огонек». И еще сорок лет работы, то есть дороги, поиск кадров, проявка в номер...

И еще: под оперативными снимками из зала заседаний съездов ли партии, очередных ли сессий Верховных Советов Союза и Российской Федерации чаще всего стояло имя А. Гостева. Панорама Красной площади — его конек; праздничный центр столицы он отснял, а стало быть, показал мил-

СОРОК ЛЕТ НА ТОЧКЕ СЪЕМКИ

ФОТОВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

ПЕРВЫЙ БАЛ.

МАЛЕНЬКИЕ ЖИТЕЛИ АЛМАЗНОГО КРАЯ (ЯКУТСКАЯ АССР).

лионам со всех точек зрения съемок. Не повторялся. Мне как-то пришлось подниматься с Алексеем Ивановичем на колокольню Ивана Великого и на Спасскую башню — он на ограниченной площадке находил непостижимые точки, чтобы по-своему, по-гостевски представить архитектурные шедевры страны.

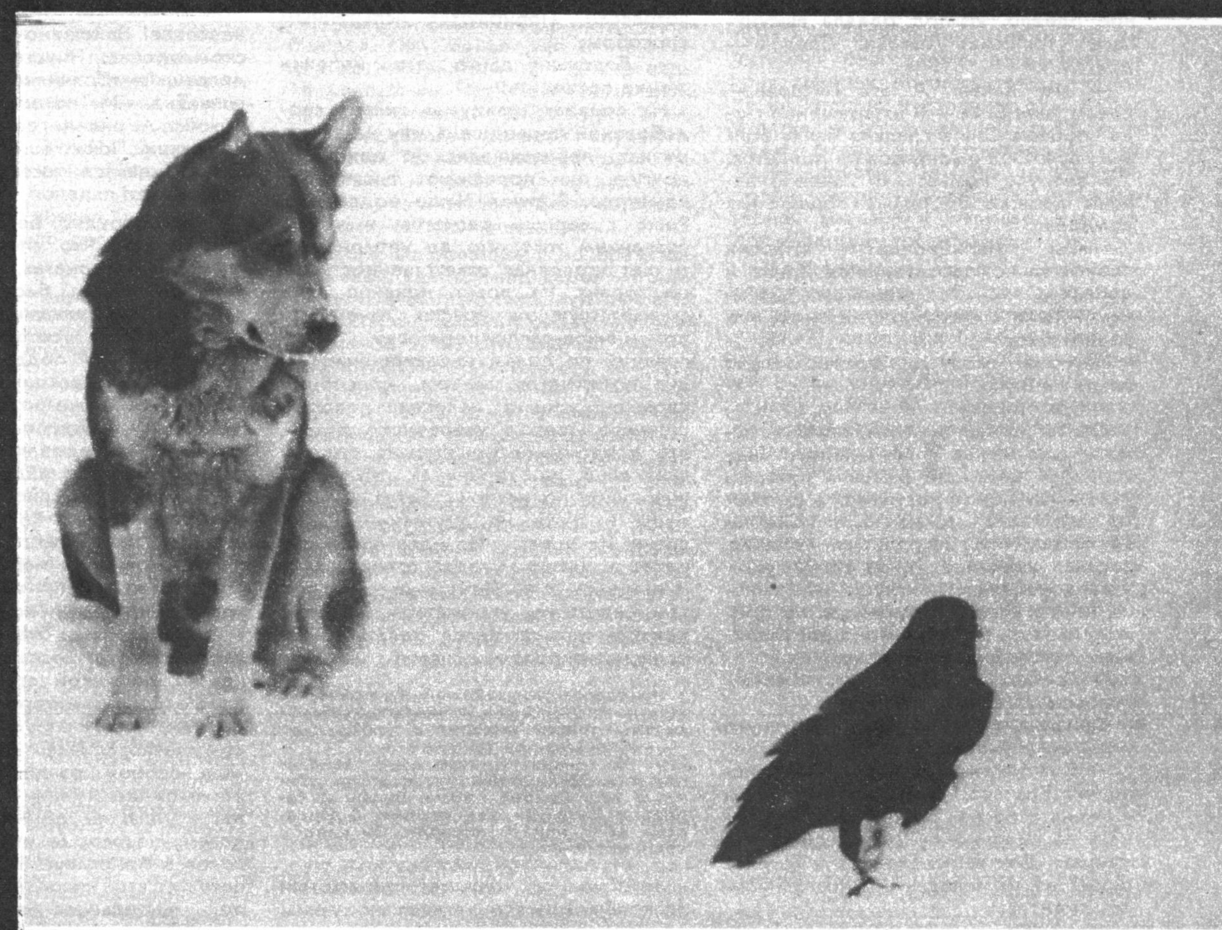
В архиве Алексея Гостева хранится фотолетопись всех — в с е х — строившихся и строящихся ГЭС. От Волховстроя до Саяно-Шушенской и Вилюйской!..

О человеке лучше всего рассказывает его дело. О фотомастере — репортере и художнике — его фотографии. То, что когда-то и однажды увидел Алексей Гостев, теперь можно будет увидеть через любое число дней и лет. Фотоархив — великий свидетель. Фотопимен — это место А. Гостева в «Огоньке».

Николай БЫКОВ

ДОМЕНЩИК МАГНИТОГОРСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА А. КАРПЕТА.

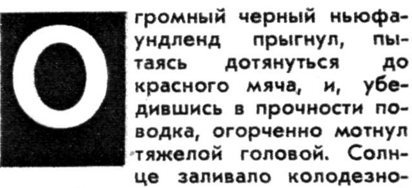
НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА.

«ПОБЕГУШНИ

МОЛОДЕЖЬ:
ДЕЛА. ПРОБЛЕМЫ.

...И КОРМЯТ ИХ ХОРОШО, И САМ ИНТЕРНАТ ХОРОШИЙ: УДОБНЫЕ СПАЛЬНИ, ЧИСТЫЕ ПРОСТЫНИ; ЕСТЬ СПОРТЗАЛ, БИБЛИОТЕКА... И ВСЕ-ТАКИ ОНИ БЕГУТ. ОБРЕТАЮТСЯ В ДУШНЫХ ПОДВАЛАХ, НА ПЫЛЬНЫХ ХОЛОДНЫХ ЧЕРДАКАХ, А КОГДА ИХ ЛОВЯТ, ПЕРВЫЕ СЛОВА: «ВСЕ РАВНО УБЕГУ!» ПОЧЕМУ ОНИ ТАКИЕ!— ЭТИМ ВОПРОСОМ ЗАДАЛИСЬ НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

Ксения МАХНЕНКО,
Владимир ЯКОВЛЕВ

Огромный черный ньюфаундленд прыгнул, пытаясь дотянуться до красного мяча, и, убедившись в прочности поводка, огорченно мотнул тяжелой головой. Солнце заливало колодезно-круглый и уже совершенно высохший после зимы ленинградский дворик.

— Так пойдете? — Витя, не дожидаясь ответа, первым стал спускаться по лестнице.

Внизу было темно. Желтый свет спички плясал на влажных стенах узкого подвального коридора. Вода заливала грязный бетонный пол.

— Сейчас!— Витя со скрипом открыл маленькую стальную дверь, расположенную на такой высоте, что ее с равным успехом можно было назвать окном, подтянулся и исчез в темноте.

Мы полезли следом. Сухо щелкнул выключатель. Вспыхнула лампочка под железным решетчатым колпачком. Пол маленькой, в три шага, комнатенки был устлан от сырости толстым слоем соломы. Деревянный топчан — точно такой, какие обычно стоят на пляжах,— покрывало драное одеяло. Из-под одеяла высунулась стриженая голова. Следом — другая.

— Это Хачев. А это Писарев,— представил Витя.— Я их временно сюда перевел. Они в спальне банку бензина сожгли. Ремонтировать придется.

В воздухе комнатенки свирепо зудели десятки здоровых подвальных комаров.

— Вы милиционер? — спросил окончательно проснувшийся Хачев и добавил, видимо, предрешая события: — Если в интернат отправите, все равно убегу.

Писарев молчал, вопросительно глядя на Витю.

— Не отправят.

Они облегченно заулыбались. А память услужливо рисовала картинку годичной давности: высокие сугробы у зеленых ворот ростовского детского приемника, его начальник Светлана Федоровна Заходякина — полная, веселая женщина. Из-за стены кабинета доносились приглушенные голоса, там, в классе, расхаживал по проходу между партами молодой лейтенант, проводил викторину:

— Грабеж с нанесением тяжелых телесных. Сколько лет?

Светлана Федоровна протянула нам пачку учетных карточек.

— Вот они, мои хорошие. Побегушнички! Крутько двенадцать раз из интерната бегал. Тибилашвили — семнадцать. Царьков Саша десять раз удирал. Да вы смотрите, смотрите сами, там их человек сто постоянной клиентуры.

Но и карточки эти, с аккуратно отпечатанными фамилиями, и цифры, свидетельствующие о количестве побегов, мало что давали для понимания ситуации. Побегушники... Так их зовут, пожалуй, по всей стране. Они ночуют по подвалам, чердакам и теплотрассам. Побираются испытанным способом:

— Дяденька, дайте две копейки мамке позвонить!

На поездах, придумав сказку сердобольной проводнице, или на электричках, пересаживаясь с одной на другую, они проезжают тысячи километров. Воруют. Чаще по случаю. Реже с верным расчетом и ясным сознанием того, что до четырнадцати лет уголовная ответственность им не грозит. Их ловят, конечно. И в соответствующих графах отчетности приемников-распределителей и инспекций по делам несовершеннолетних появляются цифры, способные серьезно удивить человека непосвященного, твердо уверенного в том, что понятие «беспризорник» существует лишь на страницах школьных учебников по истории. Бегут не единицы и даже не десятки — многие сотни. Их ловят... Но едва попав обратно в интернат, едва отъевшись и отмывшись, они бегут снова. Бегут с тем недетским упрямством, которое неизбежно заставляет задаться резонным вопросом: почему?

Из разговора с Ильей Хачевым, 13 лет, воспитанником ленинградской областной школы-интерната № 67.

— Сколько раз ты убегал?

— Не помню. В этом году раз двенадцать. Меня поймают, я опять убегу. И все. Сперва просто бегал. А теперь к Вите. Он нас кормит. А Писарева меня искать послали. Он взял и тоже убежал.

Автобус со станции электрички бесконечно долго катился по узким улицам Пушкина, мимо сверкающих на фоне неправдоподобно голубого неба куполов Екатерининского дворца. От остановки пришлось еще идти пешком, и в результате в интернат мы попали в самое неудобное, обеденное время.

— Ничего, ничего страшного!— Директор Любовь Евгеньевна Левченко сразу поднялась из-за обеденного стола, едва узнав о появлении журналистов.— Очень вовремя приехали, проверите, как мы детей кормим.

Кормили детей хорошо. Да и сам интернат производил вполне приятное впечатление. Был спортзал. Была библиотека. Были удобные спальни, которые и сравнить-то с сырой, комариной комнатенкой в подвале не получалось. Бегать отсюда по всем статьям было решительно незачем. Стены коридоров и классов покрывали роскошные стенды наглядной агитации.

— Шефы для нас делали,— не без гордости пояснила Любовь Евгеньевна.— Шесть тысяч, между прочим, стоят!

И стенды эти, и эти спальни, и вкусный обед — все вместе как нельзя лучше подтверждало то, что сказала она, плотно затворив за собой двери кабинета, то, что собственно, слышали мы и раньше—от людей опытных, не доверять которым вообще-то никаких оснований не имели.

Почему они бегут? Да по простейшим причинам, над которыми и голову незачем ломать. Их родители лишены родительских прав. Но для ребенка они все равно остаются родителями. К родителям и бегут...

— Понимаете, это же заложено в человеке! Заложено на физиологическом уровне. Ничего с этим не поделаешь!— горячилась Любовь Евгеньевна.— И потом учтите, у нас режим. А они к свободной жизни привыкли. Пока еще адаптируются. Одних удается остановить. Других засасывает!

И было трудно, бессмысленно спорить с ней. Что спорить с очевидным? В интернатах, в приемниках в инспекциях мы беседовали со многими побегушниками. И на вопрос «Куда бежал?» все они отвечали так, словно и сами поддерживали точку зрения своих воспитателей. Чего уж боле! И все же что-то смущало в железной педагогической логике, что-то не складывалось в аккуратно пригнанных друг к другу кирпичиках рассуждений. Трудности адаптации — причина побегов? Возможно, и так. Но какова продолжительность этого адаптационного периода? Месяц? Год? Но ведь бегут-то и через два, и через три года спокойного существования в условиях жесткого интернатского режима. Тоска по дому? Однако же до какой степени? У ребят, пришедших в интернат из той среды, где между словом «мать» и словом «алкоголичка» не просматривается особой разницы, нет дома в обычном понимании этого слова, как нет и иллюзий, обычно свойственных детям. Некоторые из них, впервые попав в приемник, боятся лечь спать потому, что никогда раньше не видели постельного белья. Что же, неужели так тянет обратно? И тянет не одного, двух — десятки, сотни человек?

Из беседы с Тильно Виктором, 14 лет... воспитанником ленинградской областной школы-интерната.

— В каком ты классе?

— Должен быть в восьмом. А так в пятом.

Из интервью Писарева Николая, 13 лет, воспитанника школы-интерната № 67.

— Когда ты в последний раз был на уроке?

— Не помню.

— Считать и читать умеешь?

— Считать до десяти Витя научил. Таблицы умножения я не знаю. Читаю по слогам.

Не слишком ли большая цена за то, чтобы повидать родителей? Вижу, ох вижу, как тактично улыбается, прочтя эти строчки, Любовь Евгеньевна, как вторят ей другие, столь же умудренные педагогическим опытом товарищи. Конечно, «постоянные побеги приводят к большому отставанию от программы». Так ведь это мы понимаем, взрослые! А разве они, дети — и какие дети!— понимают это? Разве сознают, что теряют? Не стану спорить — может, и не понимают, может, и не сознают. Но могут ли они не сознавать ценности сытного обеда, мягкой постели, крыши над головой? Могут ли не сознавать этой ценности они, которые в отличие от благополучных домашних детей отлично знают, каково живется без обеда, постели и крыши? Неужели с легкостью отказываются и от этого, меняя жизнь в интернате на прозябание по подвалам и чердакам?

Добрый час говорили мы в ростовском приемнике с побегушником Алексеем Поповым, после побега из интерната больше месяца прокочевавшим по стране.

— А что ты ел? — спросили в конце концов.

— В Нахичевани по ночам через забор в хлебопекарню лазил. Там сразу сайки давали!— Он улыбнулся впервые за весь разговор.

Видимо, это было очень счастливое воспоминание.

Из беседы с Железновым Владимиром, 14 лет, воспитанником школы-интерната г. Тихвина.

— Мы с приятелем, когда из интерната убежали, хотели до Ленинграда поехать. Да на электричку опоздали. Ну, переночевали в подвале. Ничего, тепло было. А в Ленинграде четыре дня жили.

— Что ели?

— В первый день на вокзале на окне полбатона нашли. Потом два дня не ели. А потом не выдержали и в овощной ларек залезли. Консервы взяли «Уха рыбацкая». Их поели. Только на полу в подвале все равно холодно было спать. Мы в подъезд пошли, чтобы коврики от дверей собрать, ну, те, о которые ноги вытирают. Нас и поймали...

Из документов ленинградского приемника-распределителя для несовершеннолетних: «Медицинское заключение. При осмотре доставленных подростков Борисова Д. и Суматина Е. обнаружено истощение, загаженность, завшивленность волосистой части головы. Волосы снять...»

Из интервью Осокина Виктора, воспитанника ленинградской школы-интерната № 1.

— Я этим летом первый раз деньги украл. Целых двадцать рублей. В бегах был. Есть очень хотел, вот и украл. А до этого по две копейки стрелял. Хватало. Мы те двадцать рублей проели. И еще две машинки купили и к себе в подвал унесли. Там еще две из бумаги сделали и играли, когда нас милиция нашла...

Большинство побегушников, покинув интернаты, живут именно в таких условиях. Живут порой не днями — месяцами. Живут, даже если добираются до родителей, которые обычно отнюдь не склонны их кормить и содержать. И даже если предположить, что, впервые совершая побег, они не знают, что ждет их за воротами интерната, как объяснить побег второй, третий, десятый? Ни один человек — будь то взрослый или ребенок — не решится на такое, если его не вынудят к тому серьезные обстоятельства. Да, они бегут к родителям. Только можно ли все объяснить лишь этой «физиологической» причиной? Бродя по коридорам интерната, разглядывая стенды, я не мог, как ни пытался, отделаться от назойливой мысли — бегут ведь не только куда-то, чаще бегут от чего-то...

Тихо было в кабинете Любови Евгеньевны. Было слышно, как гремят на кухне посудой повара, готовясь к близкому ужину. Любовь Евгеньевна молчала, тяжело глядя прямо перед собой, на пустую, выкрашенную в мягкие тона стену кабинета. Молчал и молодой человек, сидевший напротив нас за длинным столом, явно предназначенным для заседаний педсовета. Говорить, собственно, больше было не о чем.

— Иван Петрович, вы, вероятно, понимаете, все, что вы сказали, вам придется написать.

Иван Петрович Мельников, воспитатель того самого класса, где учились Илья Хачев и Коля Писарев, неуверенно покрутил ручку в пальцах.

— У меня с русским очень плохо. Или это ничего?

Из заявления Ильи Хачева, воспитанника школы-интерната № 67: «...воспитатель Мельников часто бил меня за различные провинности. Иногда бил ремнем, иногда рукой, надев перчатку, чтобы не оставалось следов от пальцев. Он называет это «разговор по-мужски». Однажды Мельников услышал, что от меня пахнет табаком, и в наказание заставил выкурить целую пачку. Совал мне в рот окурки и ругался на меня матом...»

Из заявления Николая Писарева, воспитанника школы-интерната № 67: «...Мельников бьет меня постоянно. Однажды восьмиклассники попросили меня достать им сигарет. Если бы я отказался, они бы меня побили. Мельников поймал меня с сигаретами и бил по рукам ребром ремня. Бьет ремнем и руками. Часто называл меня «дебилом»...»

Из объяснительной записки И. П. Мельникова, воспитателя школы-интерната № 67 (цитируется без исправления грамматических и орфографических ошибок): «Я, Мельников Иван Петрович воспитатель школы-интерната № 67 работая в школе-интернате № 55 несколько раз бил ремнем за различные провинности. Кроме того осенью 1986 г. я наказал воспитоника Хачева ремнем за совершонный им побег. Кроме того, был случай когда, я наказал воспитоника Писарева ремнем по рукам за совершонную им кражу 2 пачек беломора. Также был случай когда я застав Хачева за курение в туалете заставил его, чтобы отучить от курения выкурить несколько сигорет подряд, сколько именно сигорет я непомню».

— Больше вопросов не будет? — нервно спросил он и вышел, резко отодвинув стул.

— Хочу предупредить, — сказала Любовь Евгеньевна. — Этот человек работает в нашем интернате всего год. Его вместе с классом из пятьдесят пятого, который на ремонт закрылся, перевели.

Сквозь неплотно прикрытую дверь в кабинет тянуло запахом жареной рыбы. В коридоре то и дело раздавались быстрые детские шаги.

— Запах уже есть, а ужина еще нет, — пошутила Любовь Евгеньевна. — Вы ужинать останетесь?

Все было поразительно буднично. Все было совсем просто. Не только из желания попасть домой бегал из интерната Хачев. Не из желания повидаться с родителями бегал из интерната Писарев. Били их — вот они и бегали. Да только что это доказывало? Правил без исключения не бывает. Хачев — исключение. Исключение — Писарев. Пара фактов, которым нетрудно противопоставить десятки фактов иных. Пара неприятных срывов в отлаженной системе работы, которые, увы, случились и теперь будут немедленно исправлены. Завтра же, завтра обещала Любовь Евгеньевна провести внеочередной, экстренный педсовет, дабы разобраться с «этим отвратительным случаем». С места в карьер, по машинам, с достойной всяческих похвал оперативностью сорвались из кабинетов, едва узнав о случившемся, работники пушкинского РУВД. И было уже совершенно ясно, что деятельность Мельникова так не оставят. И можно было без труда догадаться, что вряд ли ему придется в дальнейшем возделывать педагогическую ниву. И нам, оказавшимся в центре всей этой оправданной суматохи, вроде можно было успокоиться, вздохнуть с чувством выполненного долга.

Но спокойствие не приходило. Признаемся честно, отправляясь в пушкинский интернат, мы готовили себя к одной из тех полудетективных коллизий, которые нет-нет да и встречаются в журналистской работе, ждали, что придется доказывать, уличать, загонять в угол хитрыми вопросами. Не пришлось... Иван Петрович, собственно, и не скрывал методов своей работы, в глубине души явно считая их вполне естественными. И едва закрылась за ним высокая дверь директорского кабинета, подумалось: а почему именно мы? Почему мы, заезжие журналисты, задали ему те вопросы, которые следовало задать задолго до нашего приезда, еще тогда всерьез заинтересовавшись причинами постоянных побегов того же Хачева? Почему не задала вопросов этих Любовь Евгеньевна? Почему не задали их работники пушкинского РУВД? Двенадцать раз убегал из интерната Илья Хачев. Двенадцать раз попадал он в милицию. Раз десять убегал Писарев. Неужели нельзя было расспросить, выяснить?

Из разговора с Ильей Хачевым.
— Тебя спрашивали в милиции, почему ты убегаешь из интерната?
— А я сам рассказывал, что меня Мельников бьет...

В ленинградском приемнике-распределителе шел ремонт, то ли уже заканчивался, то ли едва начинался. В бесконечно длинных коридорах витал запах свежей краски, в кабинетах грудами лежали архивные дела. Именно сюда, в приемник, доставляют перед отправкой в интернат большинство побегушников области. Именно здесь в обязательном порядке пишут они объяснение своих побегов.

Из документов ленинградского приемника-распределителя.
Объяснение Михайлова Андрея, 1974 г. р., воспитанника школы-интерната г. Боровичи: «...наши воспитатели все время воспитывают нас методом кулака. Моя воспитательница била меня вешалкой для одежды куда придется, часто было, когда воспитательница избивала меня ботинком по голове... Почти всех ребят таскает за волосы, оскорбляет нас гадами и идиотами. Все ребята нашего класса могут подтвердить мои слова...»

Представление №... от 13.3.87. Начальнику Сланцевского ГОВД Ленинградской области: «...в приемник-распределитель был доставлен Пикалев Алексей Михайлович 2.6.71 г. р. (г. Сланцы, Жуковского, 8, школа-интернат № 7). Пикалев А. пояснил, что в школе-интернате учиться не хочет потому, что его воспитатель беспричинно бьет его и других ребят. Сообщая об изложенном, прошу проверить факты избиения учащегося и при необходимости принять соответствующие меры...»

Скажем сразу, и до посещения ленинградского приемника таких писем и таких объяснений нам пришлось увидеть немало — в приемнике ростовском, в инспекциях по делам несовершеннолетних. Не пришлось ни разу увидеть ответов на них. Письма эти проваливались, будто в небытие, не вызывая обыкновенно ни малейшей сколько-нибудь заметной реакции. Положение, иными словами, складывалось фантастическое. Работники инспекций задерживали побегушников, честно выясняли у них причины побегов, честно излагали причины эти в письменном виде, а затем... отправляли и ребенка, и письмо в указанном порядке по соответствующему адресу, нисколько не беспокоясь, в собственной твердой уверенности в том, что на письмо ответа не придет, а ребенок, едва добравшись до интерната, скорее всего снова пустится в бега. Большинство побегушников своего района инспектора знали в лицо, легко узнавали их в толпе и тем не менее с поразительным упорством и не менее поразительным безразличием раз от раза повторяли все ту же формальную процедуру. Дело доходило до ситуаций почти парадоксальных, нереальных в обычном человеческом восприятии.

— Знаете, к нам все время ребята из колпинского интерната попадают, — говорила инспектор по делам несовершеннолетних Московского вокзала Ленинграда Елена Борисовна Найденова. — Все в один голос утверждают, что бегут из-за того, что их воспитатели бьют.

И что же? Да ничего! Положение такое сохраняется около двух лет. И около двух лет выводят инспектора на казенной графленой бумаге: «...задержанный пояснил, что...»

— Так они же и совրут, недорого возьмут! — пожала плечами Елена Борисовна. — Пойди разберись.

И действительно, пойти бы да разобраться, тем более что от инспекции до интерната минут десять езды на электричке. Нет! Летят письма. Не приходят ответы. Иногда с детьми перед отправкой в интернат случаются истерики. Тогда вызывают врача. Успокаивают и сдают с рук на руки приехавшим из интерната даже не воспитателям — старшеклассникам...

Говоря откровенно, ясно представляю себе, как пожмет, вероятно, плечами читатель: не перегнул ли палку журналист? Тысячи ребят по всей стране бегут из интернатов, что же, все потому, что воспитатели их бьют? Нет, конечно. И более того, в тех случаях, когда причина побега — педагогическая «ошибка» воспитателя, шансы на реакцию пусть небольшие, а все-таки есть. Было такое — по письму ленинградского приемника сняли с должности директора одного из интернатов. Было и шумное уголовное дело по интернату другому — тому, где воспитатель с директором отрабатывали на воспитанниках приемы каратэ. Куда хуже обстоит дело тогда, когда причины побега иные.

Из интервью Наташи Павловой, 11 лет, воспитанницы незельской школы-интерната.
— Меня старшие кулаками били. Я воспитательнице сказала. А она говорит: не жалуйся. Я покушала и ушла...

«Меня старшие били» — едва ли не классическая причина побегов, которую мне излагали во множестве различных вариантов. Обычно бывает так — появляется старшеклассник, требующий у младшего ежедневно приносить ему по 30—40 копеек. В случае отказов бьет, чем и доводит постепенно до побегов. Казалось бы, уж здесь-то устранить их причину не так трудно. И реакция на письма из инспекций должна быть. Казалось бы!

Из интервью Н. Л. Степановой, пионервожатой незельской школы-интерната.
— Наташа раньше убегала?
— Нет.
— И что вы собираетесь делать?
— Мы разберем ее на совете дружины!

Из интервью Виктора Осокина, воспитанника ленинградской школы-интерната № 1.
— Я убегаю потому, что меня бьют старшеклассники. Если перестанут, то убегать не буду. И пусть директриса часы вернет. Мне их мама подарила, а она, когда поймали, отобрала и сказала, что отдаст более достойному!

Из интервью Г. М. Васильевой, воспитателя школы-интерната № 1.
— Как вы считаете, почему Витя убегает?
— Он говорит, что ему в интернате неинтересно. Он вообще олигофрен!
— Почему вы так думаете, вы видели медицинские документы?
— Я документов не видела, но если к нам прислали, значит, олигофрен!

Причины побегов бывают разные. Строго говоря, у каждого побегушника причина своя, похожая или непохожая на другие. Объединяет их, пожалуй, только одно — поразительное, поистине странное нежелание работников интернатов разобраться в том, почему бегут дети. Вызов на совет дружины — еще далеко не худший вариант. Куда чаще применяют меры иные. В наказание за побег отбирают одежду и кладут в постель. На какой срок? Пока воспитатель не простит, как объяснил мне один из побегушников. Ему повезло, его воспитатель простил через три дня. Некоторые лежат по неделе. Бреют наголо — не из соображений гигиены, а чтобы провинившийся долго отличался от других и глубже сознавал свою вину. Иногда поступают и вовсе просто: поручают кому-нибудь из старшеклассников поводить день-другой побегушника на веревке. Говорят, очень помогает. Стоит ли удивляться, что за первым побегом нередко следует второй, за вторым — третий, десятый? Стоит ли удивляться, что появляются на свет документы типа той, красивой, позолоченной бумаги, изящно озаглавленной «Благодарственное письмо», которую мы видели на почетном месте в кабинете директора одного из интернатов. В письме интернат благодарили за воспитание трех девочек, которые теперь «учатся на хорошо и отлично, принимают участие в общественной работе» и даже будут сфотографированы на доску почета. Под письмом стояла подпись директора спецПТУ, куда интернат девочек и направил как не поддающихся воспитанию.

Парадоксально, но факт — никакой ответственности за побеги воспитанников администрация интерната не несет. И даже подобной формы отчетности не существует. Если побегов уж очень много, могут, конечно, пожурить работники местной инспекции по делам несовершеннолетних, могут даже обратиться в роно. Так ведь и здесь есть простой выход из положения: сплошь и рядом работники интернатов попросту не сообщают о побегах в местные отделения милиции, предпочитая в крайнем случае самостоятельно слать письма по месту жительства родителей убежавшего — может, обнаружится? В административном плане риска никакого. Даже если не обнаружится, даже если найдется где-нибудь в другом месте и выяснится, что вопреки правилам интернат в милицию не обращался, — никаких неприятных выводов не последует.

Из интервью директора пушкинского интерната № 67 Л. Е. Левченко.
— Сколько ваших воспитанников в данный момент находятся в бегах?
— Я так не помню. Надо у завуча по книге посмотреть.

Из интервью заместителя директора колпинского интерната Л. А. Миславской.

— Сколько побегов из интерната совершено с начала года?

— Знаете, когда милиция наших детей задерживает, нам обычно письма присылают. Можно по письмам посчитать.

Летят, летят по стране бумаги. Летят, будто белые, метельные хлопья в холодной, равнодушной тишине. И бредут сквозь бумажную метель дети. Их не ищут специально. Их время от времени находят, чтобы лишь ненадолго прервать путь по замкнутому кругу, вырваться из которого удается не всем, далеко не всем. Летят бумаги. С легкостью по ним читаются судьбы.

Из документов колпинской школы-интерната.

Начальнику Кировского РУВД г. Ленинграда от воспитателя 3-его класса школы-интерната Шарковой М. Н.: «Администрация школы-интерната просит оказать содействие в розыске Яковича А. Х., 1977 г. р., проживающего по адресу... Мальчик ушел с уроков 20 марта 1987 г. По адресу были 21 марта, но дома никого не оказалось. 21.03.87».

Начальнику 8-го отделения милиции Кировского района г. Ленинграда от воспитателя 3-го класса школы-интерната Шарковой М. Н.: «Просим оказать содействие в розыске Яковича Алексея Хамильевича, 1977 г. р., прописанного по адресу... Ушел с уроков 20 марта. 2.4.87».

Начальнику 8-го отделения милиции Кировского района г. Ленинграда. Начальнику РУВД Кировского района г. Ленинграда. Старшему помощнику прокурора Колпина Ленинградской области: «При захоронении ученика 3-го класса Яковича А., который погиб при пожаре на даче 31 марта, родственники его угрожали нам. Отец мальчика угрожал нам и неоднократно повторял, что он отомстит за сына, и особенно тем детям, которые обижали Алешу... Убедительно просим вас оградить нас и детей-сирот от этих угроз. 10.04.87».

Десятилетний Алеша Якович погиб, когда ночевал на пустовавшей ранней весной даче вместе с шестнадцатилетней девочкой, «какой-то наркоманкой», по небрежному определению одного из работников интерната. Рассказывал ли он о причинах своих побегов, когда за несколько месяцев до гибели был задержан и доставлен все в ту же инспекцию по делам несовершеннолетних Московского вокзала? Стоило тогда, в тот вечер, не ограничиться обычными формальностями, и сегодня Алеша был бы жив. Трудно ли было сделать это?

Трудно ли? — спрашиваем мы себя, и просятся на бумагу жесткие, гневные слова. И хочется стукнуть кулаком по затертой крышке канцелярского стола, словно специально для таких случаев прикрытой аккуратным листом плексигласа. И не сдерживать упреков. И не смягчать обвинений, приводя в доказательство своей правоты примеры совсем иного свойства.

Вите Волкову, тому самому, который пригрел Илью Хачева и Колю Писарева, пятнадцать лет. Вместе с мамой и братом он живет в небольшой квартирке старого дома на старой ленинградской набережной. Хачев и Писарев у Вити не первые. За последние два года он нашел, отогрел, вырвал из замкнутого круга постоянных побегов в общей сложности двенадцать ребят. Никто не просил его об этом. Никто ему этого не поручал. Все, что делал, он делал просто по собственной воле, да еще потому, наверное, что было время, и сам учился в интернате — том самом, кстати, где директор и воспитатель увлекались каратэ. Побегушники живут у него месяцами — по двое, по трое. Он их кормит, каждый день готовит обеды и ужины. Он их учит, ежедневно устраивая настоящие уроки. Он их одевает. Он выясняет у них истинные причины побегов, а потом ездит по интернатам и, как умеет, своими силами эти причины устраняет. И лишь после этого убеждает их в интернат вернуться. Только вдумайтесь, каково ему, мальчишке, было взвалить на плечи судьбы чужих и нелегких детей? Школу он бросил год назад, в восьмом классе, иначе не оставалось времени зарабатывать деньги, а маминой зарплаты, конечно, на всех не хватало. Впрочем, туго с деньгами и теперь: на следующий день после посещения подвала ранним утром мы зашли к нему домой, он смутился:

— Извините, у меня только чай. Будете?

Двенадцать детей. Двенадцать излеченных душ. Витя Волков лишь на два года старше своих подопечных. Так почему же он смог, а те, другие, которые обязаны, не могут?!

Просятся на бумагу гневные слова, но мы сдерживаем себя. Мы привыкли, едва речь заходит об искалеченных детских судьбах, взывать к совести, взывать к гуманизму. Привыкли до той степени, что уже не замечаем оборотной стороны собственных призывов. Много, очень много, вероятно, есть на свете хороших людей, способных откликнуться на чужую беду. Но даже если их будет в три, в четыре раза больше, мы не хотим, чтобы судьба ребенка зависела от того, встретит ли он такого хорошего, совестливого человека. Мы хотим прочной, продуманной системы, исключающей фактор случайности вместе с необходимостью проявлять гуманизм, выходящий за рамки служебных обязанностей. Обязанности эти сами по себе должны быть гуманны. Если же дело обстоит иначе, то и самые красноречивые призывы недорого стоят.

«Почему Витя Волков по собственной инициативе смог помочь детям, а те, другие, которые обязаны, помочь не могут?!» — написали мы. Так ведь потому и не могут, что обязаны! Обязаны поступать иначе. Работники инспекций должны отправлять письма в местные РУВД. Работники РУВД должны на месте проверять факты. И те, и другие честно свои обязанности выполняют. Другое дело, что и те, и другие отлично сознают: после того, как ребенок возвращен в интернат к тому самому, допустим, преподавателю, на которого он дал показания, смешно надеяться, что показания эти можно будет услышать еще раз. Только что из того? Обязанности остаются обязанностями. Их надо выполнять. Спору нет, просто, а потому даже, наверное, привлекательно обвинить в каждой отдельно взятой исковерканной детской судьбе каждого отдельно взятого ответственного работника. Есть ли в этом практический смысл? И что, собственно, произойдет, даже если работник этот прислушается к обвинениям, попытается изменить положение вещей?

За четыре года работы на должности начальника ленинградского приемника-распределителя Владимир Яковлевич Шибаев успел сделать много настолько, что сегодня приемник и на приемник-то в обычном представлении не похож: есть игротеки, есть мастерские и строится огромная спортплощадка, на которой будет даже теннисный корт. Естественно, что не прошел он мимо истории с письмами. Собирал совещания, звонил, требовал: отвечайте! И добился своего. Теперь в приемник аккуратно и регулярно приходят... отписки, проверять и перепроверять которые он, естественно, не в силах. Нет, не об ошибках или достоинствах отдельно взятого работника следует вести речь. Речь следует вести о сложившейся порочной системе работы, изменить которую один работник не в состоянии. О той системе, которая, будто Земля в представлении древних, зиждется на двух слоноподобно-непререкаемых истинах: к родителям их тянет, режима они не воспринимают. О той системе, в которой побег ребенка из интерната расценивается не как тревожный симптом, а как проступок, требующий наказания. И сколько бы ни писали писем работники инспекций, сколько бы ни проводили проверок работники РУВД, дело не сдвинется с места, пока того не захотят работники интернатов. Не захотят?.. Но ведь и их действия едва ли можно объяснить одним лишь отсутствием отчетности по побегам.

Интернаты, детские дома многие годы были острейшей болевой точкой нашей образовательной системы. И прежде всего в плане чисто материальном. Низкая зарплата воспитателей и скверное питание воспитанников, выбитые окна и обшарпанные стены — сколько же говорилось, сколько писалось об этом. И сколько делалось, чтобы этого не было. Таковы были условия, такова была данность, что много лет заботились мы в первую очередь о том, чтобы дети, попавшие в интернат, дети, успевшие вдоволь хлебнуть горя, были сыты и одеты, спали в тепле, учились в оборудованных классах, чтобы не воровали повара и не текли потолки. И правильны, конечно, гуманны были эти заботы. Но сегодня, когда многие проблемы решены, когда повышена, наконец, зарплата воспитателям и увеличены субсидии на содержание интернатов, следует честно признать: беспокоясь об одной, материальной, стороне дела, мы нередко забывали о другой — психологической. Имею в виду отнюдь не теорию, конкретную практику, создающую тот психологический комфорт, без которого человеку вообще тяжело, а уж в замкнутом мирке интерната — тем более.

Из интервью Ю. С. Дроздова, начальника колпинского РУВД.

— Что-то мы все-таки не так делаем, понимаете? Ну вот, к примеру, ведут их в театр, бесплатно ведут. В антракте все, естественно, в буфет за бутербродами, за мороженым. А они-то не могут. Нет, не в том дело, что голодны. Нормально их в интернате кормят. Но ведь мороженое в театре... Вы понимаете? Ладно, театр! Мальчишка по улице идет, кваса стакан себе купить не может. Это как? А кино? Нет, конечно, им кино в интернате раз в неделю обязательно показывают. Но ведь любой пацан может в любое время в городское кино сходить. А они? Чем они хуже? Выходит, хуже. Ну, естественно, воруют... Ну, естественно, попрошайничают...

Раз в три месяца приезжает в пушкинский интернат кассир, привозит деньги, которые воспитанники заработали, сколачивая ящики на уроках труда. Те, кто постарательнее, и получают больше — по 2 рубля 50 копеек. Те, кто не слишком старался,— по рублю девяносто. Нам рассказывала об этом Любовь Евгеньевна. Спокойно рассказывала, без нервов. Мы слушали ее и невольно вспоминали стенды наглядной агитации во весь коридор длиной, общей стоимостью в шесть тысяч рублей. И уж совсем насмешкой воспринималось — в день получки ребят обязательно везут в магазин, где они «могут купить все, что захотят»...

Нет, пусть правильно поймет нас читатель, дело, конечно, не только в карманных деньгах, о которых мы упомянули лишь ради примера. Дело в том, что на одного воспитателя по норме приходится 35 воспитанников, хотя, по подсчетам психологов, должно приходиться 20. Дело в том, что сплошь и рядом дети из одной семьи распределяются по разным интернатам — так, что встречаться они не могут, а порой и вовсе не знают о местопребывании друг друга, как не знает, к примеру, Илья Хачев, где находятся его сестры, в каком детском доме живут. Дело и в том, наконец, что ночью остается обыкновенно в здании интерната один-единственный дежурный воспитатель, и начинается по темным спальням иная жизнь — та самая, от которой, наверное, спасался в бегах погибший Алеша Якович. Дело — в тысячах мелочей, определяющих в конечном итоге тот простой факт, что сытый человек — еще совсем необязательно человек счастливый.

Казалось бы, неопровержимо ясно: с каждым побегушником следует разбираться в отдельности. Казалось бы, понятно: не наказывать нужно, а выяснять, что толкнуло его на побег, и принимать меры, рассчитанные на то, чтобы и в будущем не возникало аналогичных ситуаций. Но вот вопрос — могут ли делать это работники интернатов, могут ли на практике учитывать тот психологический фактор, без которого, хоть дворцы построй, все равно бежать будут? Не станем утомлять читателя перечислением номеров приказов и инструкций, цитатами из правил и положений. Применим доказательство от противного. Директор одного из ленинградских интернатов Владимир Александрович Дубровский прекратить побеги сумел. И вопрос с карманными деньгами решил он, и вопрос с ночными похождениями, и еще великое множество других крупных и мелких вопросов, которые возникали и продолжают возникать. Три психолога работают в интернате, и можно с уверенностью сказать: они не даром едят свой хлеб. Но если положить на одну чашу весов тот весомый факт, что не бегают дети из интерната Дубровского, на другую придется бросить факт увесистый — тридцать три выговора, вынесенных за пять лет работы Владимиру Александровичу. Тридцать три! Вот она, цена штурма параграфов и преодоления подпунктов. Отнес попавшему в больницу воспитаннику кило яблок — предупреждение. Надо было заставить главврача расписаться в том, что он яблоки действительно получил. В родительский день привез в пионерский лагерь посылки, чтобы интернатовские дети не чувствовали себя хуже других,— замечание. Если воспитанники в пионерлагере, питания на них не полагается. Купил ребятам одежду получше и не всем одинаковую, а всем разную — опять плохо, да еще с лишением премии! Кто решится, кто не махнет рукой и на яблоки, и на посылки: что мне, больше всех надо?! Единицы, уверенные в своей правоте... Десятки же будут работать как положено, как указано и утверждено.

Впрочем, почему будут? Работают... И привыкают работать так до той степени, что уже не видят, не воспринимают иных возможностей. Странное становится почти естественным, неестественное — нормальным. И кажется, будто запустил кто-то огромный конвейер, и теперь каждый из стоящих за ним честно выполняет свои обязанности, а все вместе стараются не смотреть на то, что получается в результате. Гудит конвейер. Кружится замкнутый круг, который куда шире, чем может показаться на первый взгляд. Иван Петрович Мельников и сам в прошлом воспитанник интерната. Начальник ростовского приемника Светлана Федоровна Заходякина ловит сегодня уже детей тех побегушников, которых ловила когда-то.

Их ловят, они бегут. Их ловят, опять бегут. Если все всё делают, как положено, а получается не то, что надо,— кто виноват? Они и виноваты, эти дети. Виноваты своей судьбой, тем, что они такие, слишком некачественные для педагогического процесса.

...В сырой, бетонной комнатенке вьются подвальные комары. И горит лампочка под железным, решетчатым колпаком.

— Они вообще-то чаще у меня дома живут,— объясняет Витя.— А здесь так, от милиции прячутся. Если эти двери закрыть, никто не достанет, совсем никто.

И он закрывает тяжелые стальные, будто с подводной лодки двери, неизвестно зачем установленные здесь.

— Вот так, видите?..

ТЕНГИЗ — МОРЕ НАДЕЖД

Юрий ЛУШИН,
соб. корр. «Огонька». Фото автора

Сначала летели над морем. Синь воды у горизонта незаметно переходила в синь неба, и казалось, что где-то там край Земли, и не верилось, что она круглая. Потом вода кончилась, началась земля, которой жители дали название — «Море», ибо именно так переводится с казахского слово «Тенгиз». Я всматривался в бескрайнее песчаное дно, испещренное паутиной дорог. Они были странно пустынны, как будто жизнь здесь откипела, кончилась. Но я-то знал, что она по-настоящему только начиналась!.. И вспомнился Мангышлак в начале освоения. Тогда каждый шофер невольно прокладывал в пустыне свой след, свою колею, и не из-за самолюбия, а из экономических соображений. Шоферы на собственном опыте поняли, что колея в пустыне разбивается мгновенно, потом покрывается предательским пухляком — слоем тончайшей пыли, скрывающей под собой такие колдобины, встреча с которыми не сулит ничего хорошего. Не тогда ли родилась поговорка: «Дороги — дороги, а бездорожье — дороже». И вспомнились еще давние мечты о том, что в будущем освоение нефтяных месторождений обязательно надо бы начинать с дорог, с хороших дорог — с асфальта!..

И вот оно, то самое будущее. Тенгиз, что в Гурьевской области,— восходящая звезда нефтяного Прикаспия. Основания? Богатейшие нефтяные залежи. Геофизики предполагают, что нефтеносные структуры здесь уходят в открытое море. Известные запасы на материке внушили такой оптимизм, что спешно строится город Кульсары, будущая столица нефтяников. В наших планах на 1986—1990 годы освоение Тенгизского нефтяного месторождения названо одной из важных и неотложных задач.

Итак, созданы десятки строительных подразделений, они возведут все, что нужно для жизни людей, для добычи, переработки и транспортировки нефти. Тресты «Прикаспийнефтегазстрой» и «Кульсарынефтестрой» уже сейчас выполняют работы на несколько миллионов рублей за месяц. Поэтому убыстряет разведку новых нефтяных залежей объединение «Прикаспийбурнефть», а объединение «Тенгизнефтегаз», созданное для освоения и эксплуатации месторождений, стремится начать пробную добычу нефти, не дожидаясь технологических линий...

Кстати, пока не добыто ни ведра тенгизской нефти. А промышленные запасы ее открыты были еще семь лет назад. Причина — строптивый характер нефти Тенгиза.

— Да, с такой нефтью нужно на «вы». С такой мы, нефтяники, еще не сталкивались,— говорил буровой мастер Николай Федорович Голубев, один из первооткрывателей Тенгиза.— Во-первых, она прячется на четырехкилометровой глубине. И пластовые давления тут просто сумасшедшие. Во-вторых, нефть содержит до тридцати — сорока процентов сероводорода, который не просто опасен, он агрессивен к оборудованию, разъедает трубы, задвижки, просачивается через уплотнения, грозя страшной опасностью, открытым выбросом...

Голубев прилетел на Тенгиз из Волгограда с первым десантом. Июнь 1974 года, пятидесятиградусная жара, шальной ветер, прозванный потом «коэффициентом». Ветер нес тучи пыли временами такой плотной, что буровая скрывалась из виду. Вахтовый вагончик за день так накалялся (сейчас везде кондиционеры), что остывал лишь к утру, тогда только мастер был в состоянии записать в журнал результаты проходки и данные анализов. Бурение шло успешно. Но с проектной глубины — свыше пяти тысяч метров — получили вместо нефти подсоленную воду. И вторая скважина оказалась пустой. Буровики ходили мрачные, хотя план по проходке выполняли, даже премии получали.

Тогда и назвали Тенгиз «морем надежд»...

Очередная буровая имела тринадцатый номер. Но именно она вскрыла нефтяной пласт колоссальной мощности. Нефть бешено рвалась с глубины! Давление около четырехсот атмосфер. С ним не справлялся глинистый раствор, которым обычно уравновешивают напор из недр. Причина? Нефть почти на треть состояла из сероводорода. Скважина начала фонтанировать. Фонтан, к счастью, был управляемый, его направили по отводам, но теперь с ним не справ-

лялись бакинские задвижки. И тогда Голубев принял решение: зацементировал скважину. Чтобы не случилось беды.

Скважина № 13 предупредила людей: тенгизская нефть требует к себе повышенного внимания. И нетрадиционного подхода к разведке и добыче. К сожалению, тревога дошла не до всех. «Море надежд» стало морем Проблем. Конечно, ученые быстро разработали рецепт тяжелого раствора пластового давления — растворенные битумы помогали укротить сероводород. Более того, ученые сразу поняли, что нефть Тенгиза без предварительной очистки добывать невозможно, и спроектировали для этой цели завод. А вот создание задвижек и надежной противофонтанной арматуры из специальных материалов с места не двинулось. После фонтана на тринадцатой минули полтора года, и наконец получили нефть на буровой мастеров Алексея Блинкова и Николая Фадина. Продуктивные скважины стали появляться одна за другой. И ни одна из них не имела надежного оборудования против внезапного выброса, неуправляемого фонтана. На что надеялись? На а в о с ь? Авось пронесет? «Проносило» пять лет, а в июне 1985 года на буровой № 37 произошла катастрофа. Вырвался нефтегазовый фонтан невиданной силы!..

Рассказал о беде Леонид Прокофьевич Арьков, помощник командира по оперативной работе Волгоградского военизированного отряда по предупреждению и ликвидации открытых газовых и нефтяных фонтанов:

— Случилось ночью. Мы узнали обо всем на следующий день. Когда вылетали из Волгограда, чтобы сменить вахту. Еще в вертолете составили примерный план действий. Но фонтан был такой, что опрокинул все наши логические построения... Такого никто еще не видел. Свистело и гудело так, что и в сотнях метров от буровой крик казался шепотом. Земля под ногами тряслась. Буровики не сумели закрыть обратный клапан. И струя нефти с сероводородом хлестала через инструмент. Хуже некуда. Огня еще не было, но случиться это могло в любой миг...

Да, в любой момент. Достаточно камушку, вылетающему из скважины с бешеной скоростью, чиркнуть по металлу, чтобы высечь крохотную искорку... Каждый ждал этого как неизбежности. И ожидание страшило сильнее огня. Надо перешагнуть через страх, преодолеть себя, преодолеть несколько десятков шагов от безопасной черты до ревущей скважины — реальной смертельной опасности. Решиться шагнуть первым. Кто? Решился Арьков. За ним — командир взвода Владимир Бердник. А следом — респираторщики Анатолий Тумарев и Михаил Седов. В респираторах и серебристых костюмах они, наверное, походили на инопланетян из фантастического фильма. Вскоре их реальная жизнь превзошла всякую фантастику.

Обратно, после осмотра буровой, Арьков шел последним. Трое уже спускались вниз, а он немного отстал и вдруг услышал, как позади и выше него словно парусина хлопнула! Он инстинктивно прыгнул вперед. Неизбежное случилось — газ взорвался. Горячая волна догнала Арькова, жестко хлестнула его по затылку и спине, бросила на землю. Товарищи подхватили его, понесли прочь от взбесившегося факела...

— Страшно было?

— До самого того момента очень. Когда вспыхнуло, страх прошел. Нам ничего другого не оставалось, как одолеть огонь, извечного врага нефтеразведчиков.

На их глазах через считанные минуты многотонная буровая вышка рухнула. Столб огня взметнулся на две сотни метров. Ветер относил шлейф теперь горящей нефти на километр.

Они знали, что делать: нужно расчистить от металлолома устье скважины, разрушить фундамент, подобраться к фланцу колонны и надвинуть на него противофонтанную арматуру... Под огнем. В атмосфере, в которой газоанализаторы зашкаливало, температура почвы превышала четыреста градусов, а температура воздуха доходила до 240. Защитные костюмы начинали дымиться при подходе к фонтану и приходили в негодность через десяток минут. Да и люди не выдерживали более семи минут. Отходили одни, их сменяли другие... Из-под огня выходили мокрыми насквозь, даже толстые телогрейки и суконные куртки под спецкостюмами — хоть выжимай. Защитные каски под капюшонами плавились на головах. И сжимали голову раскаленные обручи.

— Как же вы дышали?

— Спасали баллончики сжатого воздуха из арсенала аквалангистов. Их для наших нужд переделал командир взвода газозащитной службы Борис Леонидович Гущин. Очень они нам помогли. Дышали ртом, и запаса воздуха из литрового баллона, спрятанного под жароотражающий костюм, хватало каждому минут на семь...

Что можно успеть за шесть-семь минут? Отвернуть две, три гайки. Подтянуть конец толстого тяжелого троса и зацепить им очередную конструкцию, чтобы оттащить ее подальше сцепкой тракторов. Иногда не удавалось сделать и такой малости... И нельзя было расслабиться даже на миг, потому что те шесть или семь минут могли стать последними в жизни. Так погиб Владимир Бондаренко, красавец и атлет ростом под два метра. Где после этого взять новые силы? Откуда черпать мужество, чтобы заставить себя вновь и вновь идти под ревущий столб огня?

Поразительно, но никто из них не считал ни тогда, ни теперь ту работу героической. Этого слова стесняются...

В сентябре у аварийного фонтана появился танк. Некоторое время он служил пожарным в качестве такси, доставлявшего их поближе к опасной зоне. Но главная цель танка состояла в другом. Он должен был отстрелить от колонны мешавшие металлические части, которые не удавалось убрать вручную. Но так отстрелить, чтобы сохранить в целости фланец колонны. Тогда можно попытаться надвинуть и закрепить двадцатитонный превентор — оборудование для герметичного перекрытия устья скважины. И затем задавить фонтан...

Я не сумел установить, к сожалению, фамилию танкиста, но то был несомненно снайпер! Снайпер-ювелир. На учебном полигоне мне показали тот самый фланец — целехонький. Показывали его как музейную реликвию...

— Мы надеялись,— рассказал Арьков,— что и после отстрела оставленный в скважине буровой инструмент либо уйдет вниз под действием собственного веса, либо его давлением выбросит наверх. Выбросило наверх. Давление свыше восьмисот атмосфер не шутка...

Картина получилась феерическая. Почти четыре километра свинченных между собой труб и прикрепленный к нижнему их концу бур выбросило на глазах изумленных людей одним махом.

Трубы те не ломались, не рвались, а на высоте сгибались, свивались в гигантские восьмерки, громоздившиеся друг на друга.

Освободившийся от обузы фонтан стал еще мощнее и бил теперь ровной вертикальной струей, превращавшейся в пламя метрах в трех-четырех от точки отрыва. Люди знали, что ровную струю перекрыть проще, но для этого предстояло разобрать «лапшу» — завалы труб-восьмерок и взорвать фундамент, чтобы подобраться к самому устью, проложить к нему трубы-отводы, все подготовить для надвижки превентора...

...Шел пятый месяц борьбы с фонтаном.

Начался массовый перелет птиц, и каждую ночь в небе над полыхавшим факелом разыгрывались птичьи трагедии. Загипнотизированные огнем, они летели стаями прямо в пламя, словно мотыльки на свечу. Сколько их погибло, никто не знает. От них даже пепла не оставалось. Дорогая оказалась свеча. Ее пламя, по самым грубым прикидкам, обходилось ежесуточно в миллион рублей. Каждый день сгорал миллион. Люди торопились прекратить этот ужас. Но превентор сумели установить только с третьей попытки и лишь в канун нового, 1986 года.

Фонтан перекрыли, пустив его по четырем отводам далеко в сторону. Но не укротили. По-прежнему из труб вылетали и сгорали миллионы рублей. Попытки задавить фонтан тяжелым раствором привели к резкому скачку давления и угрозе срыва превентора. Пришлось искать другие варианты. Их оказалось два. Либо бурить наклонные скважины к аварийному забою, чтобы через них воздействовать на пласт,— несколько месяцев работы. Либо достигнуть той же цели с помощью специальной установки для спуска труб под давлением, хотя ни одной подобной установки наша страна не имела. Американские специалисты имели и запросили за них несколько миллионов долларов. Пришлось согласиться...

Американцы появились на Тенгизе в новом июне. Уже целый год буйствовал нефтяной джинн, и мощь его нисколько не слабела. Смонтировав оборудование, начали под давлением спуск колонны. Торопились, хотели дойти до самого забоя, но на глубине 3100 метров дело застопорилось. Труба не шла. Впрочем, хватило и этого. Заработали насосы, хлынул в скважину тяжелый раствор. Через несколько часов земля угомонилась — тряска кончилась, напор фонтана в отводах ослаб. И, наконец, наступила неправдоподобная тишина. Кончался четырехсотый день борьбы...

«Победа»,— хотел крикнуть Арьков, но не крикнул. Ничего не сказал. Он устал, его мучила жажда, ему осточертел этот ветер-«коэффициент». Он повернулся и пошел к вагончику. Но на полдороге резко обернулся, словно получил толчок в спину. Ему показалось, будто хлопнула вновь за спиной парусина, и сейчас он снова увидит бешеный огненный смерч, и все начнется сначала. Но там, у бывшей тридцать седьмой, было спокойно. И земля не дрожала под ногами, и остывали озера расплавленного песка, превратившегося в синее стекло, куски которого они будут потом откалывать на сувениры; и небо оставалось чистым; и птицы могли лететь спокойно; и люди дышать свободно. Не через распираторы — полной грудью.

— Кончено? — спросил Гущин, протягивая кружку холодного молока. Арьков кивнул головой. Еще многие недели будет врываться в их сны тот зловещий гул и они будут вскакивать ночами от приснившихся команд...

Сейчас на Тенгизе спокойно, но не в том смысле, что на Море — штиль. Бурятся десятки скважин на нескольких нефтеносных площадях, уточняются контуры уже известных месторождений, идет разведка новых.

Арьков и люди из его отряда время от времени группами уезжают на испытания пробуренных скважин — теперь таков порядок. Без «докторов», как называют здесь фонтанщиков, теперь никуда. Они и диагноз поставят, и болезнь скважины пресекут, если что.

Однако меня сильно тревожит одно обстоятельство: две импортные установки для погружения труб под давлением стоят на Тенгизе без дела, «для мебели», как сказали бы в Одессе. Причина нелепая: наших мастеров не научили на них работать! То ли предполагали, что в процессе совместной атаки на фонтан наши и так все поймут? То ли начальство решило сэкономить несколько тысяч рублей, необходимых на обучение? Понимаю, что теперь здесь постараются не допустить новой беды. Только ведь каждая буровая таит свои сюрпризы. А те заморские установки, кстати, сделаны в принципе не для тушения открытых фонтанов, а для ремонта скважин! И ремонта скважин требуют не только в условиях проклятого капитализма, но и в границах родного Отечества, хотя бы в Тюмени, Баку или здесь, на Тенгизе. Так, может быть, не стоило экономить, как говорится, на спичках? Установки-то хорошие, показали себя, помогли. А мастеров у нас не прибавилось.

До штиля на Море далеко. Коварный характер тенгизской нефти продиктовал единственно возможный метод ее поиска и добычи — вахтовый. Поэтому создание в пустыне вахтовых поселков — заботы особые. Меня приятно поразил, например, городок волгоградских нефтяников, где я прожил несколько дней. В домиках — кондиционеры, телевизоры и горячий душ, центральное отопление... А прилетел я в компании крупных строительных начальников и министров, делегацию которых возглавляли первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Г. В. Колбин и заместитель Председателя Совета Министров СССР Ю. П. Баталин. Обедали в рабочей столовой, были блюда отменного качества и разнообразия. Обед и заставил меня оторваться от делегации, остаться у волгоградцев: посмотреть, какие будут обеды в отсутствие начальства. Разницы я не заметил.

Я подумал, что вот такая забота о людях не может не влиять на производственные успехи. Предположения оправдались: Волгоградское управление буровых работ действительно шло впереди других...

Побывал я и в городке венгерских строителей. И здесь кондиционеры, прекрасные условия, а заведующий культурным центром Арпад Банки показал спортивный зал, радио-, теле-, видеоцентр, бытовой комбинат, телефонный узел, откуда можно связаться с Венгрией. Вахта венгерских строителей длится пять месяцев (у наших — от восьми до шестнадцати дней), потом — отпуск.

— Программа большая,— говорил Янош Юхас, представитель фирмы «Веденсер».— По договору мы должны вынуть миллионы кубометров грунта, забить тысячи свай, протянуть сотни километров кабеля, оставить после себя нефтеперерабатывающий комплекс и жилой район. Кстати, первая очередь должна принять нефть Тенгиза в конце следующего года, а вторая очередь комплекса заработает в 1992 году.

— Скажите, почему венгерские строители начали свою жизнь на Тенгизе со строительства асфальтовых дорог? — спросил я.

— Бездорожье дороже,— улыбнулся Юхас.— Это мы от ваших товарищей услышали! И сами точно подсчитали...

Кажется, и мы учимся считать. В северном Прикаспии, кроме нефти, обнаружены запасы так называемых киров, то есть битумосодержащих материалов, из которых получаются превосходные дороги. Добывать кир можно открытым способом. Уже уложено несколько десятков километров твердого покрытия, не уступающего асфальту. Может быть, такие дороги свяжут между собой не только поселки и города, но и промыслы, буровые.

Тенгиз становится морем Сбывающихся Надежд?

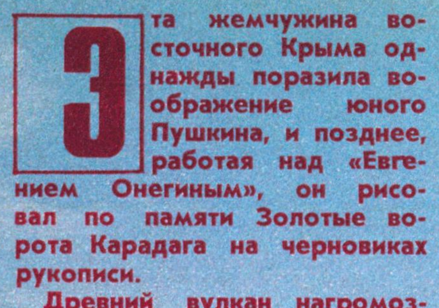
Это только тренировка.

КАК ДЕЛА, КАРАДАГ?

КАРАДАГ ВОСПРЯЛ, ОН СТАЛ ЕЩЕ КРАШЕ.
ОДНА ПРОГУЛКА ПО НЕМУ ЛЕЧИТ ДУШУ
НЕ ХУЖЕ КУРСА ЦЕЛЕБНЫХ ВАНН.
ТОЛЬКО ПОЧЕМУ ВСЕ-ТАКИ К ВОСПОМИНАНИЮ О НЕМ
НЕИЗБЕЖНО ПРИМЕШИВАЕТСЯ ГРУСТЬ!

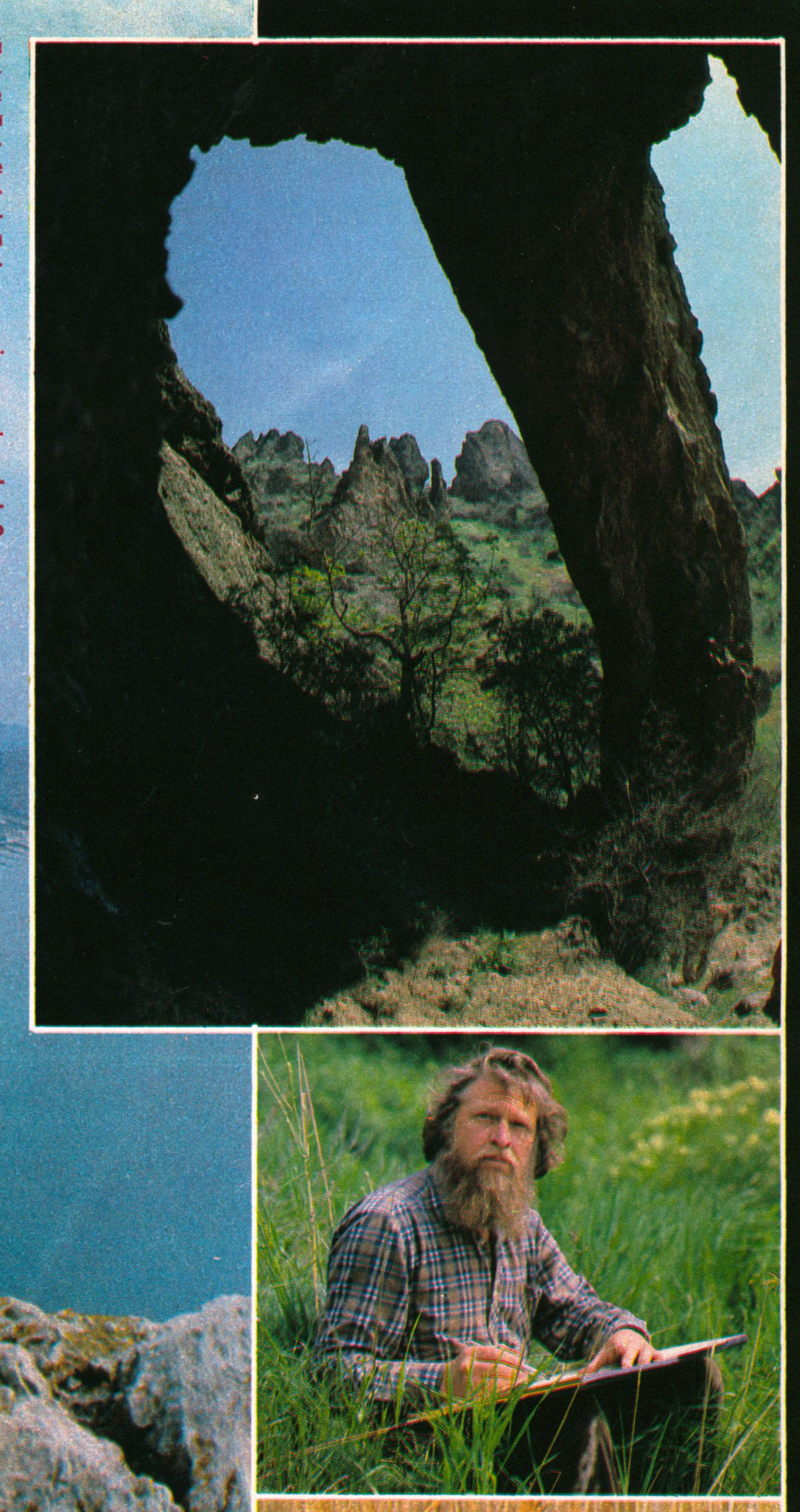
Эта жемчужина восточного Крыма однажды поразила воображение юного Пушкина, и позднее, работая над «Евгением Онегиным», он рисовал по памяти Золотые ворота Карадага на черновиках рукописи.

Древний вулкан нагромоздил тут базальты и туфы, а геологические потрясения поставили на дыбы полукилометровые террасы скал... За тысячелетия море поглотило большую часть вулканических нагромождений, дожди и ветры выели более мягкие породы и, как сумасшедший гений, изваяли и Мертвый город, и Чертов палец, и Короля с Королевой во главе целой свиты придворных. Зеленые рощи, повисшие меж скал над перламутровыми бухтами, обнаженные в разломах сердоликовые и яшмовые жилы, причудливые гроты, стометровые срезы земной тверди, сделанные неутомимыми волнами,— все это как раскрытая Книга истории Земли.

Заклепаны клокочущие пасти.
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена.

Так писал о Карадаге Максимилиан Волошин.

Омываемый с востока Коктебельским заливом, этот горный массив восхищал не одно

поколение писателей, художников, ученых.

Но говорят же, что наши недостатки — это продолжение наших достоинств. Так и в случае с Карадагом. Одним из достоинств этой гряды гор, взметнувшейся из голубых вод у юго-восточного берега Крыма, была ее доступность. Весь массив с его неповторимыми красотами можно пересечь пешком часа за два. А за несколько походов — изучить тропы, горные поляны и рощи, ожерелье бухт и лабиринты проходов меж скальных нагромождений. Вот и шли сюда... тысячи и тысячи, ежелетне и ежевесенне.

В семидесятые годы Карадаг уже был замусорен и общипан, обломан до жалкого состояния. Лишь скалы стояли незыблемо, да и то... все больше находилось недобрых молодцев, которые компаниями и в одиночку, с ломами и молотами крушили сердоликовые жилы, выбивали рвы по яшмовым затекам в горных трещинах.

Много лет общественность выступала за то, чтобы спасти уникальный уголок природы, не дать ему превратиться в мертвую зону. Эти хлопоты увенчались успехом. Восемь лет назад Карадаг стал заповедником.

До этого тысячи почитателей знали его, как правило, со стороны Планерского, где расположены Дом творчества писателей, пансионат и турбаза, где на горе Клементьева со времен Арцеулова, Королева, Ильюшина, Антонова и до сих пор собираются любители воздухоплавания... Западная же граница горного массива, где она подходит к Отузской долине, считалась его дальним концом. Тут, в последней бухточке у его подножий, скромно скрывалась в зелени одна не из главных примет на туристских маршрутах — биостанция.

Теперь все изменилось. Биостанция стала главным хранителем, надежным замком на парадных воротах Карадага. Интересна ее история. Еще в начале века этот укромный уголок Крыма облюбовал известный врач и ученый, приват-доцент Московского университета Т. И. Вяземский. Он мечтал создать идеальные условия для работы ученых. Будучи страстным собирателем книг, он говорил: «...построим библиотеку, образуем станцию, и тогда приходи, ученая Русь! Добро пожаловать!»

Она открылась незадолго до революции, но основатель был уже тяжело болен и вскоре умер. Он передал станции 50 тысяч книг своей библиотеки, но какие это книги! Газеты того времени называли библиотеку Терентия Ивановича «книжным сезамом, спрятанным меж утесов Карадага». Почти все они уникальны — от атласа «Описание и изображения российских произрастаний» 1784 года издания до полного собрания мемуаров Британского королевства с 1666 года и Собрания мемуаров Французской академии XVIII века. Основная часть этого богатства и поныне хранится здесь.

Биостанция, как ее до сих пор называют в просторечии, официально именуется Карадагским отделением Института биологии южных морей Академии наук Украины. Здесь три научных отдела, один из них — экологических исследований и заповедного дела — стал полновластным хозяином Карадага.

Захватывающе интересна работа, которую ведут ученые в дельфинарии. Его стройное, как греческий храм, белое здание далеко видно с моря. Здесь изучают котиков, сивучей, дельфинов, нерп. Не вдаваясь в тонкости, скажу, что научный интерес тут именно таков, что в проводимых опытах животные должны участвовать как бы сознательно, то есть они должны понимать и с желанием выполнять команды, которые подают им научные работники. Увлекательное, признаюсь, зрелище!

Вот замерла в бассейне, как поплавок, нерпочка Варвара. Рыженькая, с фельдфебельскими седыми усами, стоит в воде, не шелохнувшись, и «ест глазами» свою повелительницу — Е. С. Бабушкину, готовая ринуться к ней по первому сигналу.

— Удивительная работоспособность,— говорит Елена Сергеевна.— Работает, если можно так сказать о животном, с полной самоотдачей. Вот я опустила над нею метку, и нерпочка будет стоять в воде минуту, другую, хоть десять — пока не дам сигнал. И ведь бывает час, два — одно и то же. Человек не выдержал бы...

Но главное, что нас интересовало, это, конечно, Карадаг. Как чувствует он себя после восьми лет заповедного режима, что нового за этот миг произошло в его долгой жизни?

Изменения, конечно, разительные. На месте вытоптанных, как рыночные площадки, туристских биваков поднялись травы по пояс. Отцвели горные маки и крокусы, перестал быть редкостью тюльпан Шренка, который ни в одном уголке мира, кроме как здесь, не увидишь. Ожили многие виды различных растений, появились большие колонии птиц, грызуны, бабочки и прочая живность.

Вместе с директором станции А. А. Вронским и орнитологами мы на катере прошли вдоль знаменитых бухт Разбойничьей, Пуццолановой, Пограничной, Львиной, Сердоликовой... Это была плановая поездка, катер шел вдоль скал на малом и самом малом ходу, иногда ложился в дрейф, а ученые фотографировали скалы и гроты, что-то записывали... Но пристать к берегу ни в одной из бухт не посмели,— пока птенцы возросшего здесь семейства птиц не вылетели из гнезд,— категорический запрет беспокоить их распространяется и на сотрудников института.

Нас сопровождали чайки-хохотуньи, стрижи и еще какие-то птицы. Я спросил Александра Аполлинарьевича, как отразились заповедные меры на жизнь побережья.

— А разве эти колонии птиц на скалах ни о чем не говорят?

Мне привели такой пример. Восемь лет назад почти полностью исчезла одна из разновидностей баклана — их называют мохноногими или бакланами Аристотеля. Это отличные ныряльщики. Когда они высиживают яйца, то из гнезд высоко торчат их головы на изящных змеиных шеях. Это один из эндемиков, то есть вид, который на земле нигде больше не встречается, только здесь, на Крымском побережье. На Карадаге в отдельные годы оставались всего одно-два гнезда этих больших красивых птиц. Заповедный режим, как и многим другим эндемикам, пошел им на пользу. Уже в прошлом году на учете орнитологов биостанции было около сорока гнезд. В нынешнем же, когда мы проезжали вдоль бухт, то насчитали таких гнезд более шестидесяти.

Карадаг воспрял, он стал еще краше. Одна прогулка по нему лечит душу не хуже курса целебных ванн. Только почему все-таки к воспоминанию о нем неизбежно примешивается грусть?

Очевидно потому, что трудно в себе носить все это, хочется поделиться с людьми, привести их сюда, порадоваться вместе. Увы! Теперь знакомые очертания можно наблюдать только с большого расстояния.

А между тем вся эта красота может и должна служить людям. Директор станции, как и его заместитель В. А. Емельянов, который непосредственно возглавляет отдел экологических исследований и заповедного дела, согласны с тем, что на Карадаг можно пускать экскурсии без ущерба для всего природного комплекса. Конечно, при условии, что величину групп, их маршруты, время пребывания, места привалов и прочего должны определять ученые.

Думается, что сделать это не так уж сложно, например, организовать хозрасчетное экскурсионное бюро, пусть небольшое, подчиненное непосредственно директору станции или его заместителю, сохранить за учеными право в любое время сокращать количество экскурсий или вовсе отменять их, если того потребует экологическая обстановка. За экскурсии взимать плату не символическую, а вполне соответствующую затратам. Тогда, вероятно, и в бухты можно было бы доставлять экскурсантов — в ту пору года, когда птенцы уже покинули гнезда.

Такие экскурсии могли бы возвратить часть затрат на охрану заповедника и уход за ним. Ведь и до сих пор егеря выносят оттуда немало мусора восьмилетней давности! А организованные экскурсии, сопровождаемые квалифицированным рассказом и о самом заповеднике, и о делах ученых, только бы умножали ряды истинных любителей и защитников природы.

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
соб. корр. «Огонька».
Николай КОЗЛОВСКИЙ (фото).

Владимир ЦВЕТОВ

ТЕПЕРЬ ОБ ЭТОМ МОЖНО РАССКАЗАТЬ

ИСТОРИЯ ЭТА ПРИКЛЮЧИЛАСЬ В ТУ ДАЛЕКУЮ И ПОЧТИ ЗАБЫТУЮ ПОРУ, КОГДА ДЕФИЦИТ ТОВАРОВ В МАГАЗИНАХ И ЮМОРА В ТЕЛЕПЕРЕДАЧАХ СЧИТАЛСЯ САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩИМСЯ, КОГДА ВЕСЬ ИМПОРТ ИЗГОТАВЛИВАЛСЯ В ОДЕССЕ, НАША ФУТБОЛЬНАЯ СБОРНАЯ ЧАЩЕ ПОБЕЖДАЛА, ЧЕМ ПРОИГРЫВАЛА, И СТУДЕНЧЕСКОЙ СТИПЕНДИИ ВПОЛНЕ ХВАТАЛО, ЧТОБЫ СЪЕЗДИТЬ НА НЕДЕЛЬКУ В СОЧИ.

СОВСЕМ НЕ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Советское радио объявило тогда среди слушателей в Японии конкурс на лучшее сочинение об СССР. Пришло более сотни писем. Не побоявшись нарушить незыблемые в те времена каноны, редакция определила победителя, руководствуясь исключительно достоинствами работы.

Человек, завоевавший первый приз — двухнедельную поездку по Советскому Союзу,—очень трогательно и вполне достоверно изобразил свою жизнь в расположенном в тридцати километрах от областного центра колхозе «Рассвет», в семье Степановых, хотя никогда не видел ни колхоза «Рассвет», ни супругов Степановых, поскольку ни разу у нас не был. Японец основывался на прочитанных книгах и статьях.

Я должен был сопровождать победителя конкурса в поездке по стране. Мы встретились в аэропорту.

«Интурист» по дням и даже часам расписал наше путешествие. Были заранее оплачены экскурсии и посещения театров. И я с легким сердцем спросил у японца, сошедшего с трапа самолета, с чем он хотел бы у нас познакомиться, пребывая в полнейшей убежденности, что запросы гостя не выйдут, как заверили меня в «Интуристе», за пределы «джентльменского набора», состоящего из Третьяковской галереи, «Лебединого озера» в Большом театре и шашлыка в ресторане «Арагви».

— Я никуда не собираюсь ехать и ничего не стану смотреть,— спокойно ответил японец. И добавил: — Я хочу у вас поработать.

Дорогой гость изволит шутить, решил я и радостно, будто массовик-затейник в доме отдыха, ответил остротой, достойной такого затейника:

— Конечно, конечно! Мы засучим рукава, вернее, штанины, и займемся работой — бросимся изучать достопримечательности Москвы!

— Вы неправильно меня поняли,— перебил японец.— Я приехал действительно работать. Я занимаюсь сельским хозяйством и намерен потрудиться в вашем колхозе. Питаться буду тем, что заработаю. Из заработка оплачу жилье. Рабочую одежду я захватил.

Японец спустил с плеч рюкзак и показал на него.

Я все еще смеялся, но это был нервный смех. «Провокатор! — сверлила в мозгу мысль.— Вот он, результат присуждения премии за отличное сочинение, а не за отличную биографию. Тоже мне, шеф выискался! Может, ты и на овощную базу захочешь? Не-ет, голыми руками меня не возьмешь. Деньги «Интуристу» уплачены, и мы обязаны выполнить всю его программу».

— Разумеется, вы будете работать! Я тоже буду работать! Мы вместе будем работать! — Слова вылетали, как икота. С трудом мне удалось совладать с собой, и, чуть успокоившись, я сказал: — Но прежде, чем мы займемся работой, осмотрим Третьяковскую галерею.

— Ну, если вам так надо...— недовольно пробурчал японец. Он решил, что приобщаться к культурным ценностям, прежде чем брать в руки грабли,— наша святая традиция.

В Третьяковке с японца можно было писать портрет любого из великомучеников. Каждый раз, когда экскурсовод вежливо справлялся, нет ли у японца вопросов, тот неизменно говорил: «Есть. Когда поедем в колхоз?» «Мы на пути к нему»,— немедля вмешивался я и вел японца в следующий зал.

Перед картиной Шишкина «Рожь» японец замер. На лице отразилось крайнее любопытство.

— Это колхоз?

Экскурсовод растерялся. С мольбой о помощи во взоре он посмотрел на меня. Однако я принялся внимательно изучать раму, в которую была заключена картина.

— Возможно, земля эта принадлежит теперь какому-нибудь колхозу.— Голос экскурсовода явственно дрожал.

— Какие здесь урожаи? — деловито осведомился японец.

Экскурсовод на всякий случай выставил вперед указку, словно штык, и поискал глазами ближайший выход. Не дождавшись ответа, японец вздохнул и мечтательно произнес:

— Хочу в колхоз!

После осмотра Третьяковской галереи я бодро сказал:

— Ну, а сейчас — в Большой театр на «Лебединое озеро»!

— Рентабельнее разводить в озерах не лебедей, а гусей,— со всей серьезностью отреагировал японец.— И вообще я хочу в колхоз!

Что ж, в колхоз — так в колхоз, решили наконец мы и, отказавшись от интуристовской программы, придумали отправить японца в Грузию, в колхоз, где выращивают мандарины, потому что гость специализировался на этой культуре.

В Тбилисском аэропорту нас приветствовал мужчина с величавой и мужественной внешностью. Всю дорогу до гостиницы японец искал в автомашине тигровую шкуру — в том, что нас встретил витязь, японец не сомневался, его лишь интересовало, тот ли это витязь, о котором он читал в поэме еще в Японии.

— Я слышал, японский друг увлекается мандаринами? — сказал мужчина.— Ну, так передайте ему, что у нас он умрет от зависти.— В тоне сопровождавшего звучали одновременно уверенность и утомление.

Японец оживился. Перспектива сойти под мандариновыми деревьями в могилу явно его обрадовала.

— Сколько мандаринов вы собираете с гектара? — звенящим от волнения голосом спросил японец.

— А вы сколько? — вопросом ответил на вопрос сопровождающий.

— Пятьдесят центнеров,— сказал японец.

— А мы — сто.— Уверенность и утомление не исчезли из интонаций сопровождающего.

— Сто центнеров — не может быть! — вскрикнул японец.— Ветки сломаются!

— Ну, если не сто, так восемьдесят.— Сопровождающий снисходительно улыбнулся.

— Скорей хочу в колхоз! — Японец уже не просил. Он требовал.

В мандариновый колхоз мы добрались на следующий день. Там нас ждали. Селение украшал протянутый через улицу огромный плакат на грузинском и русском языках: «Добро пожаловать, гость из Японии!» Перед плакатом машина остановилась, мы вышли из нее, и нас окружила толпа веселых, празднично одетых людей. Председатель колхоза зачитал прочувствованную речь и извинился, что не успел написать плакат и по-японски.

Было торжественно, словно при вручении верительных грамот. Японец не был чрезвычайным и полномочным послом, и поэтому все происходившее вызвало у него не веселую улыбку, а беспокойство:

— Скажите им, пожалуйста, что я буду работать изо всей мочи и что я оправдаю ожидания, какие здесь на меня возлагают,— произнес японец.

Пока я переводил его фразу, он развязал рюкзак и достал рабочую одежду — старые брюки, выцветшую рубашку и поношенные кеды. Толпа с интересом следила за японцем. А когда я кончил переводить, озадаченно уставилась на председателя колхоза. Но тот не растерялся.

— Наш гость устал с дороги. Ему надо подкрепиться,— сказал председатель. Толпа снова весело зашумела и повела нас по улице.

— Да, перед работой не мешает перекусить,— согласился японец.— Я взял с собой пакетик быстрорастворимого «мисо»,— продолжил он.— Попросите полстакана кипятку. Чашка у меня есть.

«Мисо» — японский соевый суп.

Я принялся было переводить, как слова застряли в горле. Нам открылся протянувшийся вдоль улицы стол, уставленный яствами. Нет, я выразился неправильно. Это был не стол, а водруженное на ножки, покрытое скатертью четырехрядное шоссе, уходившее за горизонт. Блюда с лобио и сациви, с сулгуни и овощами и зеленью не уступали по размеру небольшим автомобилям и усиливали впечатление, что мы присутствуем при установлении рекорда хлебосольства для занесения в книгу Гиннеса.

— Я, кажется, начинаю верить в урожай мандаринов по сто центнеров с гектара,— растерянно прошептал японец.— Чтобы иметь такое, и этих урожаев может оказаться мало...

Термин «негативные явления» в те годы был в Грузии еще не в ходу, и чрезмерные винные возлияния не имели этого четкого определения. Наполненный вином рог, величиной с бивень мамонта, торжественно поплыл от тамады в нашу сторону. Глядя сейчас в мультфильме «Ну, погоди!» на зайца, ожидающего роковой встречи с волком, я всегда вспоминаю японца: он следил за приближением к нему рога с заячьим ужасом в глазах. Японец не брал в рот ни капли спиртного.

Участники застолья оказались великодушными: они не принуждали японца пить. Прихлебывая боржоми, японец записывал тосты и названия блюд, которые пробовал. А исписав толстый блокнот, встал, чтобы самому произнести тост.

— Вел как-то стражник провинившегося монаха в тюрьму,— начал японец. Тамада мог убедиться, что заморский гость — способный ученик.— Бонза и говорит: «Зайдем, стражник, в харчевню, выпьем напоследок, а то в тюрьме деньги все равно отберут»,— продолжил тост японец.— Зашли они в харчевню. Монах напоил стражника до беспамятства, потом вывел на дорогу, надел на него свою рясу и обрил ему голову, как это делают бонзы. А сам в одежде стражника убежал. Стражник под вечер очнулся, увидел на себе рясу, пощупал свою обритую голову и сказал: «Ага, бонза здесь. Остается выяснить, где же я сам?» Так выпьем же,— японец кивнул в сторону рога,— за то, чтобы память не изменила нам после этого бокала и мы нашли дорогу на мандариновые плантации!

Отпив боржоми, японец поднялся из-за стола. Воля гостя — в Грузии закон, и хозяева, сокрушаясь, что надлежащим образом не угостили японца и он наверняка остался голодным, потянулись за ним на плантацию.

«Негативные явления» не ограничивались тогда застольем посреди рабочего дня. За обедом японец видел только мужчин. Снимали мандарины с деревьев сплошь женщины. Маленькие зелено-желтые плоды они насыпали в деревянные ящики, и, хотя каждый из них был весьма скромных размеров, наполнялись ящики медленно. Если бы запомнившийся японцу по картине в Третьяковской галерее Иван Грозный убивал сына прямо тут, под мандариновыми деревьями, японец, я уверен, поразился бы меньше, чем плодам, мелким, как горох.

— На сок идут эти мандарины? — спросил японец, разыскивая глазами сгибающиеся под тяжестью обильного урожая деревья, о которых слышал по дороге в колхоз.

— Зачем на сок? — обиделся агроном колхоза, приготовившийся, как я понял, давать объяснения.— Первым сортом сдаем!

— Так какой же у вас сбор с гектара?

Это был не вопрос, а стон тяжелораненого человека.

— Двенадцать центнеров,— гордо ответил агроном.

Японец посмотрел на мужчину, встретившего нас в Тбилисском аэропорту. Будь у японца в руках царский посох, он не замедлил бы обрушить его на темя витязя без тигровой шкуры и в отличие от Ивана Грозного ничуть бы потом не раскаивался. Но витязь упорно не замечал испепеляющего взора японца. Уверенным и одновременно утомленным тоном он о чем-то повествовал колхозникам.

— Сколько листиков оставляете вы на дереве в расчете на один плод? — Японец взял себя в руки и ровным голосом обратился к агроному.

Тот сначала недоуменно, а потом подозрительно воззрился на японца.

— Я что, листики считать должен? — Лицо агронома медленно налилось кровью.— У меня диплом высшего образования по сельскому хозяйству.— Агроном закипел возмущением.— В колхозе бухгалтер есть, пусть он и считает!

— Я не бухгалтер, но считаю,— спокойно сказал японец.— И оставляю по пятьдесят листиков на каждый плод. Потому у меня мандаринов — пятьдесят центнеров с гектара, а у вас — только двенадцать.

— Зато у вас американские военные базы! — неожиданно выпалил агроном. Он проводил в колхозе беседы о международном положении и регулярно читал журнал «За рубежом».

Японец развел руками и сокрушенно сказал:

— К сожалению, это так...— Он печально оглядел деревья с очень редкими золотистыми искорками плодов среди темно-зеленой листвы, вынул из рюкзака рабочую одежду и решительно произнес: — Ну что ж, давайте работать! Ведь мы должны оплатить роскошный стол, что накрыт на улице...

* * *

Колхоз «Рассвет» действительно оказался в тридцати километрах от сибирского областного города. В Сибирь мы срочно отправились из Грузии. Чета Степановых с хлебом и солью в руках ждала нас у крыльца своего дома. А в доме тоже был накрыт стол. Но прежде, чем сесть за него, японец потребовал расчетные книжки семьи Степановых: хозяина и хозяйки — полеводов, сына — тракториста и невестки — скотницы. Переписал содержание книжек в свой блокнот. Затем осмотрел приусадебный участок, выдернул куст картофеля и пересчитал клубни. Проинвентаризировал грядки с огурцами, помидорами и капустой. Измерил шагами огород и на листке прикинул возможный урожай.

Вернувшись в дом, снял со стены ружье. Заглянул в дуло — есть ли следы копоти, проверил казенную часть — давно ли стреляли.

— Кто охотник? — спросил японец. Узнав, что ружье принадлежит хозяину, потребовал: — Покажите охотничий билет!

Хозяин предъявил билет.

Обнаружив в одной из комнат гармошку, японец дотошно исследовал ее — пользуются инструментом или нет, а если пользуются, то как часто — и попросил хозяина что-нибудь сыграть. Гармонистом был сын. Он и исполнил «Катюшу».

Не меломания руководила японцем. Он хотел удостовериться, что гармошка, как и ружье, как и радиола и телевизор, что стояли в горнице, на самом деле принадлежат Степановым, а не принесены к ним в дом специально к его приходу. И только после этого японец сел за стол, предварительно придирчиво изучив содержимое тарелок, как только что подверг осмотру дом и огород Степановых. Надо полагать, снедь по количеству и разнообразию соответствовала выкладкам, которые произвел японец на основе расчетных книжек и вида на урожай на приусадебном участке. Он заявил, что хочет произнести тост, и так узнаваемо изобразил тамаду из грузинского колхоза, что Степановы сразу догадались, откуда мы к ним приехали, и заулыбались.

— Один паломник пришел поклониться большой статуе Будды, что стоит в городе Нара,— со специфической интонацией заправского мастера говорить тосты сказал японец.— На обратном пути решил паломник купить лепешки. «Что это они у тебя такие маленькие?» — спросил паломник торговца. «Просто вы насмотрелись на большого Будду,— ответил торговец.— Теперь вам все будет казаться маленьким». Паломник купил лепешки и остался голодным. Так выпьем же,— японец поднял кружку с домашним квасом,— за то, чтобы все виделось нам в своих истинных масштабах!

Через месяц после того, как я проводил японца на родину, из Японии пришла объемистая бандероль. В ней находились восемнадцать номеров газеты с восемнадцатью очерками о поездке в СССР. Японец начал очерки так:

«В Советском Союзе почти нет красноземов, и мандарины — культура не для этой страны. За Полярным кругом, где живет много советских людей, дети радуются и тем маленьким мандаринчикам, которые с трудом выращиваются на Кавказе и самолетами доставляются в полярную ночь. Но советским людям очень хочется, чтобы у них все получалось хорошо, даже мандарины. Они уверены, что в конце концов все так и будет, как им хочется, и, случается, заранее оповещают об этом, словно все ними задуманное уже свершилось. Вероятно, такое происходит из-за их большого оптимизма. Он особенно присущ людям в Грузии».

А дальше японец описал семью Степановых, но не выдуманную им, а подлинную — из реально существующего колхоза «Рассвет», что в 30 километрах от областного центра, описал сам колхоз, его достижения и трудности — и то, и другое в колхозе от японца не скрыли. Однако поработать в колхозе ему не довелось. Мандаринов там не выращивали, а вручную доить коров — это японец умел тоже — не позволили. В колхозе была машинная дойка. Но японец не обиделся. Закончил он очерки русской поговоркой, услышанной где-то на полпути между Грузией и Сибирью: «Что в сердце варится, на лице не утаится». «В справедливости поговорки,— написал японец,— я убедился и в Грузии, и в Сибири, где живут добрые, гостеприимные люди».

* * *

Я рассказал эту историю потому, что совсем недавно японец напомнил о себе. Он прислал письмо. «Сейчас, когда деловитость, инициативность, отсутствие пустозвонства сделались характерной особенностью вашей жизни,— говорилось в письме японца,— я хотел бы снова попасть в Грузию, в мандариновый колхоз, урожаи в котором, может быть, и не достигли пока ста центнеров с гектара, но к такому показателю наверняка движутся. И еще мне хочется посетить Третьяковскую галерею...»

ДАЮ УРОКИ-2

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки Петра ПИНКИСЕВИЧА

В №№ 39—50 нашего журнала за 1986 год был опубликован роман Лазаря Карелина «Даю уроки». В нем говорилось о том, что журналист-международник Ростислав Знаменский, находясь за границей, проиграл в рулетку деньги, выданные на покупку служебной автомашины. Знакомые иностранцы, оказавшиеся разведчиками, дали ему взаймы денег под расписку, а потом пытались завербовать его для шпионской работы. Знаменский рассказал обо всем в советском консульстве. Он был отозван из-за границы, исключен из партии. Захар Чижов, друг по институту международных отношений, вызывает Ростислава в Туркмению и рекомендует на работу. В Ашхабаде Знаменский подружился с Аширом Атаевым, уволенным с работы следователя по особо важным делам. Торговцы наркотиками, на след которых он напал, оклеветали Атаева. Они подложили в его сейф крупную сумму денег и представили все так, будто это взятка. Ашир не складывает оружия, продолжает расследование, но ему нужна помощь верного человека, так как за ним следят. И тогда Знаменский, выполняя поручение Атаева, отправляется в поездку по Туркмении, во время которой друзья Ашира передают ему сведения о посевах опийного мака. Однако подпольные изготовители наркотиков догадываются о роли Знаменского в этой поездке. Вот почему на возвратившегося в Ашхабад Ростислава нападают вооруженные наркоманы. Ценой собственной жизни Атаев спасает раненого Знаменского от гибели. Предлагаем вниманию читателей продолжение романа Л. Карелина «Даю уроки».

1

Так что же это было? Видение? Померещилось Знаменскому, что между могильных надгробий, в просветах между старыми стволами протянулась зыбкая цепочка детей, взявшихся за руки. А впереди шла мать, она не оглядывалась. Она несла на руках крошечного ребенка, свесившего черную головку, и она несла свою печаль. На красное в черноту платье до пят спадал с головы белый платок, но с черными кистями. Она шла, прямо ступая, глядя поверх этих плит куда-то. Дети ее шли так, как уже однажды такой же вереницей прошли перед его глазами, когда старший вел младшего, младший — еще более младшего, и так по нисходящей, до замыкающего, который едва поспевал, года два ему было, но все же не отставал, подтягиваемый ведомым, которому было года три, а его подтягивала девочка лет четырех.

Эта вереница прошла перед глазами еще до той черты, до удара ножом, который оказался бы смертельным, если бы его не отвел Ашир Атаев, до выстрела, убившего Ашира Атаева. В другом городе скользнула перед его глазами эта взявшаяся за руки семья, то было в Кара-Кале, и тогда были живы Ашир и Самохин, да и сам он жил иной жизнью, лишь в подступе только был к той черте. Не ведая, приближался. Та женщина в Кара-Кале шла легко, будто пританцовывая, она была счастливой женщиной, счастливой матерью. Эта, на ашхабадском кладбище, мелькая между надгробий, была вдовой, и шли за ней осиротевшие дети. Он вгляделся, шла ли, замыкая шествие, собака. Шла, вон она, такой же рыжей масти, с такой же тяжелой головой. Но и собака казалась понурой и осиротевшей. Наваждение? Привиделось? От жары? От волнения, которое ударило по глазам, когда прочел на свежем камне сверкающие от непоблекшей позолоты слова?

...АШИР АТАЕВ, ОТДАВШИЙ ЖИЗНЬ ЗА РОДИНУ... Вот что это были за слова, блескучие буквы которых, расплавленные солнцем, слепили глаза. И как все сразу и просто объяснено. За Родину как не отдать жизнь?

Но почему эта женщина в белом траурном платке, почему эти дети мал мала меньше, так и не разняв руки, замерли у надгробия Ашира Атаева? Они к нему пришли? Семья кара-калинского гостиничного сторожа? Наваждение...

— Глядите, глядите,— шепнул Знаменскому из-за спины Дим Димыч.— Семья Ашира... Восьмой родился уже без него...

Так вот оно что! Семья Ашира! И этот, восьмой, спящий на руках матери, еще не ведающий ничего, родился уже после смерти своего отца, да, да, отдавшего жизнь за Родину. Нет, не измерить, что отдал Ашир Атаев за Родину, никакими словами не объяснить. И он ведь знал, против какой силы идет. Он знал. Мог бы свернуть ради этих ребятишек, ради этой женщины. Мог бы, мог бы. Не свернул.

— Когда хоронили, столько слов понанесли,— шептал за спиной Дим Димыч.— И коммунист-то замечательный, а он был исключен из партии, и друг-то надежный, а почти все от него отвернулись. Те, кто не отвернулся, молчали здесь. Клялись про себя. Мы тут даже не плакали. Другие плакали. Слезы тоже ведь лгать научились.

— Смотрите, уходят,— сказал Знаменский.— Рука в руке.

— Да, рука в руке. Так и по жизни пройдут. Вот увидите, вы еще молодой, еще доживете до поры, когда эти мальчуганы и девчушки свое слово скажут. Они не простят.

— Как же они живут?

— Помогаем. Вы будете помогать. Встанете на ноги, будете помогать. Родни у них много. Помогают. Из родного селения Ашира идет помощь. Не все люди, но есть среди людей люди. Ашир это знал, он на людей надеялся. Он смелым был не сослепу.

— Мне бы поговорить с ней.

— Не сейчас. Она еще молчит. Она долго будет молчать. И дети станут молчаливыми. Они не простят, дети Ашира. Не к мести взываю, к справедливости.

Они стронулись и пошли — эта вереница детей, взявшихся за руки, эта женщина в красно-черно-белом знамени вдовства и рыжий пес, друг того, кто лежал под надгробием, верный друг, пока не подохнет, преданный.

— Пошли и мы,— сказал Дим Димыч.— Тут недалеко...— Он пошел, сохлый, сутуловатый, кладбищенскую обретя походку, когда не нужно ничего в себе пружинить, казаться пусть даже и перед самим собой еще в силе, еще в энергии, поскольку вокруг взирают обладатели особой зоркости, особой правдивости, витает эта зоркоправдивость между звездами, и крестами, и полумесяцами, между деревьями, венками и цветами, вспархивает птицами, в небе парит, в надкладбищенском особом небе, где тучи замерли в библейских фигурах.

Это кладбище было из старейших в городе. Даты на могильных плитах уводили к началу века, когда, собственно, и начался Ашхабад. Здесь много было богатых могил, аляповатая пышность которых уже была смягчена временем, когда памятники, изваянные небрежной и жадной рукой, доводятся до тайны печали и высокой думы резцом, зажатым в длани великого скульптора, которому люди давно нашли имя, да только одни зовут так, а другие — этак, спорят из-за этого между собой, убивают из-за этого друг друга, утверждая первенство своего бога,— им первенство важно, в любом деле важно им первенство, кровью мир залит из-за этого первенства, веками кровь льется, она и сегодня обильна, эта кровь, а скульптор продолжает ваять, идет работа.

Теперь пришло время Дим Димычу замереть. Встал, уронив руки, перед крохотной лужайкой российской травы, где три камушка паслись, один побольше, два маленьких. И все. Но трава зеленела молодо, ухожен был лужок, зной здешний яростный его не осилил, песок с близких барханов — вон они, за кладбищенской оградой,— не припорошил. В ногах лужка виднелась медная дощечка. Знаменский наклонился, прочитал: «Коноплины: Нина, Коля, Мария». И все. На дощечке оставалось место еще для одного имени. И все. Дат рождения и смерти не было.

— А даты?— спросил Знаменский, глянув снизу в лицо Дим Димыча, изумившись синеве его всегда сощуренных глаз, распахнутых и синих-синих, таких же российских, как эта трава.

— Тут все пространство кладбища по эту сторону аллеи отдано землетрясенцам. Тут все одной даты — в ночь с пятого на шестое октября 1948 года. Мария умерла позже, но искалечило ее землетрясение, позвали дети.— Дим Димыч склонился над лужайкой, полоть начал траву, выискивая едва приметные, едва начавшие сохнуть стебельки. Потом он зашел за могилу, там у него лейка под деревом была укрыта, там невдалеке колонка виднелась. Дим Димыч набрал воды в лейку и стал поливать лужок, кропя водой через ладонь, чтобы согреть ее, тревожно поглядывая в небо, где солнце уже унималось, идя на закат.

— Не рано ли поливаю?— усомнился Дим Димыч.— Пообожду, пожалуй. А вы, Ростислав Юрьевич, пока вон с тем товарищем побеседуйте. Нужны вы ему зачем-то.— Дим Димыч отставил лейку, присел на местный лад на корточки у своего лужка и замер, отгородился от Знаменского. Так замер, будто надгробием стал.

Знаменский оглянулся. Тот человек, о котором ему сказал Дим Димыч, разглядывал могилу на противоположной стороне аллеи, вчитывался, наклонившись, в надпись на постаменте памятника. А памятник был приметный. Во весь рост был

отлит из бронзы военный, закованный в портупею, с повисшим на бедре громадным маузером. Буденовку он сдернул, смял в руке, и ворот гимнастерки был распахнут. Жарко ему было. В том зное пребывал, который сильнее яростного солнца. Кончился бой. Только-только. Соскочил с коня, ощутил ногами землю, еще не веря, что живой, сорвал буденовку, распахнул ворот, начал остывать, не чувствуя испепеляющей жары. Миг назад было жарче.

Знаменский стал приближаться к этому памятнику и к этому человеку, которому зачем-то был нужен. Человек обернулся, всматриваясь в Знаменского, одернул, выдавая в себе военного, легонький пиджак, необжито топорщившийся на нем, складками подтянувшийся к сильным плечам. Смотрел он на Знаменского с интересом, откровенно рассматривая, оценивая, что ли. На миг представил Знаменский себя его глазами. Не понравился, глянув со стороны. Недавнего себя утратил, нового не нашел. Одет был в донашиваемое из былого, в измятое, утратившее вид. Обозлили и смутили пыльные сандалеты, фальшивкой рассверкались на руке золотые часы. «Омега»! Эта фирма ему сейчас не подходила.

Аллея была широкой, Знаменский шел, закипая, что его в упор и столь откровенно рассматривают. Сам стал в упор рассматривать. Этот человек в штатском был человеком именно в штатском, всем сугубо штатским видом подтверждая свою военную суть. Из легонького пиджачка, из брюк в обтяжку выпирало сильное, натренированное тело. Надо же, хоть и осень, но жара же, а он сковал шею галстуком, и совершенно немодно повязанным, по памяти молодой, двадцатилетней давности поры. Сейчас этому человеку было за сорок, по глазам угадывался возраст.

— Здравия желаю! Чем могу быть полезен?— Знаменский, подойдя, нарочно шаркнул, приставив ногу к ноге.— Со мной уже беседовали, еще в больнице. Спохватились, а Ашира-то нет!

— Да, спохватились. Полковник Мальцев. Из Москвы.— Мальцев достал удостоверение, раскрыл на ладони, поднес ладонь к глазам Знаменского.— Читайте. Внимательней. Вдруг да еще кто захочет с вами побеседовать. Запоминайте нас. Рана болит?

— Побаливает. К непогоде.

— Вот видите, к непогоде. Ветераном становитесь. Прочли, Ростислав Юрьевич?

— Прочел, Владимир Иванович.

— Так.—Мальцев сомкнул удостоверение, спрятал в нагрудный карман пиджака, прихлопнул для верности.— Ну что ж, хотелось бы продолжить разговор, начатый с вами в больнице моим коллегой. Возникли вопросы. Точнее, всего один.

— Я все рассказал. Ваш коллега выжал меня основательнейшим образом. Впрочем, я весьма мало осведомлен.

— Есть, есть вопрос. Повис, как говорят. Кстати, и хорошо, что вы мало осведомлены. Про это не только мы понимаем, но и они понимают.

— Кто?

— Выясняем. Так поговорим?

— Я в ваши игры дальше играть не собираюсь. Хватит с меня.

— В игры мы не играем, Ростислав Юрьевич. Какая ж тут игра? Если бы Ашир Атаев не отвел руку бандита с ножом, вас бы уже в живых не было. А Ашира убили. На глазах множества людей выстрелом в упор был убит младший советник юстиции Ашир Атаев. Нет, это не игра.

— Младший советник юстиции, говорите? Он был лишен этого звания. Где вы были раньше, товарищ полковник? Его из партии исключили, он стал жертвой наглой провокации. Где вы были раньше, все вы?

— Что ж, отвечу вам, Ростислав Юрьевич, хотя...— Мальцев прямо глянул на Знаменского, взвешивая свой ответ, но это вот «хотя» уже и содержало в себе ответ, Знаменский понял, мигом к себе это «хотя» отнес, раним стал, угадывать научился самомалейшие намеки в будто бы ничего не значащих, будто бы невзначай оброненных словах. Да, да, а где он сам-то был, когда его повели, чуть было не вербанули,— там, в той его жизни, от которой остались эти дерзко-богатые часы точнейшего хода — зачем ему теперь эта точность?— и эти вещи модные, но измявшиеся, будто павшие духом, как и он сам? Смотреть в полковничьи глаза стало невыносимо трудно, многое знали эти глаза, читали его сейчас, дочитывали. Знаменский напрягся, чтобы выдержать этот досмотр, глаз не отвел, но к спасительной своей улыбке не мог не прибегнуть, хотя как-то виновато улыбнулся, не просветлел лицом, как обычно, когда разгоралась его улыбка.

Полковник молчал, задерживая ответ, менял слова, редактировал, прощупывал их на силу чуть вздрагивающими губами. И вдруг обернулся, глянул на этого из бронзы красного командира, только лишь выскочившего из яростной рубки. Глянул, рукой на него повел, сказал:

— Им было легче. Вот — враг, вот — друг. Бой!

Знаменский тоже поглядел на бронзовую фигуру, поглядел и на нынешнего воина, вбившего свое сильное, натренированное тело в жалкий штатский костюмчик, которому была явно непосильна маскировочная роль.

— А вы похожи,— сказал Знаменский.

— Думаете?— Полковник взметнул зрачки на бронзового и вот и сам смутился.— Нет,— буркнул,— нет, подрастеряли...

— Похожи, похожи,— настаивал Знаменский.— Вам бы его наряд, ему бы ваш — не отличить, кто где, кто когда.— Полегче стало Знаменскому, повеселел, вслух даже произнес это упрекающее словечко: — Хотя...

— Понял. Я же говорю, подрастеряли... Но... им было легче. Хотя...

Тут они рассмеялись оба, взаимной симпатией как бы прониклись, это «хотя» их помирило.

— Какой вопрос ко мне, Владимир Иванович?— спросил Знаменский.— Отвечу, если смогу.

— Даже не вопрос. Недоумение...— Мальцев покосился на воина из бронзы, хмыкнул и пошел от этой могилы, подхватив под руку Знаменского.— Трудный свидетель. Поговорим без него. А то еще спросит: как же это вы, братцы, дошли до жизни такой? Это самое спросит: за что боролись?— Мальцев свои слова улыбчиво проговаривал, но глаза у него грустили.— Да, недоумение... Тот человек, с которым вы встретились в самолете, Ростислав Юрьевич... ведь такого человека не существует. Нет такого сценариста Петра Сушкова, нет просто в природе. И не бывал никакой Петр Сушков на Капри, имея целью что-то там разузнать про Максима Горького, соврал и про эту надпись на воротах: «Кани мордачи», что означает «Злые собаки»; и, кстати, ловко соврал, на воротах дома, где некогда квартировал Горький, действительно такая надпись когда-то была. Ныне ее нет, но была. Легенда — все им вам о себе сказанное, он вас морочил, Ростислав Юрьевич.

— Но Ашир Атаев мне потом подтвердил, что этот мой попутчик, как оказалось, везший в сумке килограммов с десять наркотиков, действительно некий Петр Сушков, действительно некий киносценарист.

— Кто-то заморочил голову и Аширу Атаеву, а у него не было ни времени, ни возможностей, чтобы проверить. Он главное установил: в сумке некоего Петра Сушкова были наркотики. Установил он и место их изготовления. Одно из мест, одну из лабораторий. Вдумайтесь, на нашей земле, вот где-то тут неподалеку, существуют подпольные лаборатории по изготовлению наркотиков. А?!

— Вам нужен мой спутник по самолету, чтобы он указал адреса?

— Да, чтобы указал адреса! Но не только лабораторий, но и адреса тех, кому он вез наркотики. Одни изготовляют, а другие-то заказывают. И, стало быть, сбывают. Он, этот сценарист липовый, может стать для нас миноискателем. Цены ему нет. Но после убийства Ашира Атаева он залег на дно. Приказали, так думаю, исчезнуть. Его нет. Нигде. Я раз десять прокручивал кассету с вашим рассказом, что он вам там наболтал про кино и остров Капри. Занятно врал. Сведущий человечек. Околокиношный явно болтун. Но сколько таких. Где его искать? Ростислав Юрьевич, а ведь вы единственный, кто знает этого «Кани мордачи» в лицо. Ашир знал, но Ашира нет. Вот такое недоумение....

Звоночек вдруг послышался Знаменскому. Далекий, едва различимый, из былого. Тот самый, что сзывал ребятню, когда был он маленьким, когда только пошел в школу. Заигрывались на переменах, отбегали куда-то, теряя из глаз красный кирпич школы, но вот начинал дребезжать слабо и издали школьный звонок, приказывая вернуться. И вел от дома к дому, от двора к двору, будто взяв строго за ухо, подводил к школе. А там могли вызвать и спросить, а он чего-то обязательно не знал, всегда страшился, что спросят, страшился опозориться. В школе учиться было мучительно, в институте было куда легче, потом и вовсе стало легко жить-поживать. Звоночек школьный остался в памяти, как недобрый звук, мучительный. Редко когда подавал о себе весть. Но когда начинал звенеть издалека — это означало, что надо к чему-то скверному изготавливаться, вопреки своей воле поступать, шагнуть в несвободу. Иногда такой звоночек снился. Но всегда радостно было понять, что звук этот всего лишь сон. Сейчас звонок звенел и звенел в ушах, не унимался, какой-то упрямец тряс их дребезжащую школьную реликвию, этот от детства символ насилия.

— Разве не хватит с меня?— сказал Знаменский, ожесточаясь, отводя руку, которую так мирно поддерживал под локоть полковник Мальцев.— Сколько можно сложность на сложность громоздить?

— Я ведь вас ни о чем еще не попросил,— сказал Мальцев. Он подобрался, зашагал как-то иначе, запамятовав, что в штатском.

— Еще?..

— И на том спасибо, что вы для нас сделали, помогая Атаеву. Могли вполне и отказаться. Не ныла бы сейчас спина-то. Кстати, эта карта из маковых лоскутов нам очень пригодилась.

— Ашир Атаев попросил. Мы как-то с ним сразу подружились. У меня беда, у него беда.

— А беды-то у вас были разными, Ростислав Юрьевич.

— Ашир мне тоже про это втолковывал. Сказал даже, что оказывает мне честь, что мне повезло, что ведь убить же могут.

— Да, потеряли мы замечательного человека, замечательного. Ну, будем прощаться, Ростислав Юрьевич. Мне пора нырять в свои сложности, вам — в свои.— Мальцев руки не протянул, кивнул лишь, повернулся четко через левое плечо, опять забыв, что штатский он сейчас, сугубо штатский, и пошел, резко, будто отмахиваясь, поводя руками.

Рядом со Знаменским возник Дим Димыч. Он еще там был, возле камушков тех, отрешенно глядел, еще не распрямился.

— Это ваша идея здесь, на кладбище, свести меня с ним?— Знаменский кивнул на удаляющуюся фигуру полковника Мальцева.

— Моя, моя,— покивал Дим Димыч.— Тихо тут, мыслям свободно. А вот они — это уж не моя идея. Его!— Дим Димыч простер руку, указав на скамью у ворот кладбища. Этой скамьи сейчас не видно было, ее всю захватила стайка ребят, будто то была стайка птиц, присевшая после долгого перелета, через моря перелета, на первую же на суше ветку. Знаменский вгляделся и узнал детей, это были дети Ашира. Мать, присев на корточки, расположилась возле скамьи. Она сейчас кормила грудью маленького. И все ее дети тоже кормились. Старший передал большой кусок чурека младшему, младший — тому, кто был младше его, тот — дальше, другой — еще дальше, передаваемый кусок чурека дробился, уменьшался, маленьким стал, когда зажал его в ручонке совсем маленький мальчуган, и все дружно зажевали, не споря, не завидуя, не отнимая куска у другого.

— Они не простят,— шепнул Дим Димыч, так и позабыв опустить руку, напротив, к небу ее возвел.— Он не допустит...

— Вы знаете, где этот полковник остановился?— спросил Знаменский и снова услышал, как задребезжал в ушах ничего хорошего не сулящий звоночек из детства.

— Найду.

— Спросите его, чем я могу быть полезен? Ну что я могу, ну что, что я могу?!— Знаменский эти слова выкрикнул в отчаянии.

— Спрошу, спрошу,— кротко покивал Дим Димыч.— Человек своих возможностей не ведает, Ростислав Юрьевич.

— Да, да, он нами ведает!— зло вскинул руку Знаменский.

— Именно, именно. Но я вам своего мнения не навязываю, не гневайтесь.

— Уж вы-то не навязываете! Прямо какой-то сценарист!

— Что вы, что вы, Ростислав Юрьевич...

Они двинулись к выходу и, когда проходили мимо скамьи, низко поклонились этой кормящей женщине, ее детям, которые сейчас делили между собой, передавая, виноградную гроздь.

2

Все было не просто. Даже как-то фантастически не просто. К тому, с чем приехал в этот город, упав с московского неба в ашхабадский зной, и что было тягчайшей тягостью, помрачением, падением именно, когда с нуля предстояло все начинать, так вот к нулю этому прибавились новые нули, как бы нанизываться начали один на другой. Проникающее ранение схлопотал, едва прожив здесь неделю, должность, пусть почти никакую, но все-таки должность, утратил, отвалялся с месяц в больнице, бок ноет и не только к непогоде, та ниточка, которая связывала с женой, с Москвой, с элитарным тем мирком, в котором обретался годы и годы, почти прервалась, репетиторство, которым занялся на пару с Дим Димычем, было жалким уделом... Ну, что еще вспомнить? Косые взгляды, когда идешь по улице, уклончивые, из-под век вспышки-лезвия неких личностей, лиц которых не углядеть, они взглядывали и исчезали, как тот, в мареве Небитдагского аэродрома, человек в черной тюбетей-

ке. Он, скорее всего, и «засветил» Знаменского, пробил тревогу. Люди с лезвиями глаз были врагами Ашира, они стали врагами его, Знаменского. Их преследовали, вся сила правоохранительная была кинута на них, вот полковник Мальцев появился из московского управления, гибель Ашира всколыхнула всех, но до победы было далеко, еще просто не видно было, сражение шло в тумане, в мареве, с людьми, умеющими залечь на дно, переждать, выдать себя за другого, обмануть, перелукавить, а то и ударить ножом в спину, и даже выстрелить, убить.

Так в чем дело-то? Ну, не вышло тут, кати домой. Жена прилетала, когда он лежал в больнице, звала, настаивала. Ниточка все же не прервалась. И примут, и помогут устроиться, в зачет пойдет, что помогал в каком-то важном расследовании, что даже ранен был. И уже сообщила жена, в их там кружке легенда начала слагаться, что-де геройски вел себя Ростик, что еще не вечер, ибо за битого-то, как известно, двух небитых дают. Жена звала. Жалела? Или что-то выгадывала и для себя, чутко уловив новый ветерок для его поникшей судьбы? Нюх у нее на эти ветерки был изумительный. Он тоже в них умел разбираться, подлаживая под крыло. Не это ли умение и свело их? Как-то не вспоминалось про любовь, когда складывалась их семейная жизнь, вспоминалось иное: точное ощущение, что подходят друг другу, что вместе потянут, эти ветерки их взметнут, словом, общая у них роза ветров. И они смотрелись друг подле друга. «Отличная пара!»— говорили о них. Как вместе жизнь проходила? Пестро вспоминалось. Вот лежал в больнице и вспоминал, вспоминал. Где еще и вспоминать? Про разное, без всякого порядка вспоминалось. То одно, то другое. Пестро и жилось. Торопливо как-то, очень уж весело, сказать точнее, беспечно. Нет, какое-то еще есть более точное слово, чтобы уяснить ту жизнь. Безоглядно — это? И еще точней надо сыскать слово. Самое точное, в десятку чтобы. Но такое слово не отыскивалось.

Так что же, взять да и действительно покатить домой? Ведь чуть было и не укатил, когда вернулись они с Аширом Атаевым и Самохиным из Кара-Калы в Ашхабад. Чемоданы еще были не разобраны, защелкни замки — и в путь, на аэродром, а там четыре часа лета — и дома. «Здравствуйте, а вот и я!»

Но вернулись они, и закрутилось. Умер Самохин, был убит Ашир Атаев, а его ткнули ножом в спину, и, если бы не отвел удара Ашир, лежать бы и ему на этом кладбище. Или, может, жена перевезла бы его тело в Москву? Скорее всего, перевезла бы. Вдова героя, погибшего в борьбе с преступной шайкой изготовителей наркотиков... Звучит! Глядишь, и о нем бы, когда прощались на кладбище, скорее всего, на Новодевичьем, стали бы речи толкать, слагая их из тех же слов, какими одарили, прощаясь, Ашира. Какая разница, что Ашир Атаев их заслужил, а ты нет,— покойников принято перехваливать, не жаль добросердечия для покойников, его жаль для живых.

И была в том закруте Светлана. Это было самым сложным, стало самым сложным в его теперешней жизни. Ну, случались у него женщины и раньше, в той пестроте всякое бывало, многое случалось. Но она, пестрота эта, и спасала, не пускала в серьезность. Ну, сошлись, ну, разбежались. Легко, все легко. Со Светланой так не получилось. Другая полоса жизни началась. В этой жизни все было серьезно, судьбой повеивало.

Он терял Светлану. Она вернулась домой, в ненавистный ей дом, из которого ушла, порвав с мужем. Казалось, окончательно порвав. Женщина сделала выбор. Был потом тот вечер в городском парке, тот миг счастливый, когда все, кто был в этом парке, могли разглядывать их и их счастье, но миг этот сметен бып ненавистью, звериным выплеском, ударом ножа, выстрелом, убийством. Потом была больница, куда она его привезла, где не навещала, потому что прилетела его жена, всего на три дня, но свое право на него подтвердила. А потом он выписался из больницы, пришел домой, к Дим Димычу, который ждал его. Светланы там уже не было.

— Уехала к себе,— сказал Дим Димыч.

— К мужу?— не веря, но и веря, в отчаяние ступив, спросил Знаменский.

— К себе,— повторил Дим Димыч.— Отгородилась ото всех. Я было заговорил, но в молчание уперся. Понять ее можно. Так думаю, что можно. У нее больной мальчик на руках. Это — долг, это — крест. Понять ее можно.

— Но она там, у этого Зотова, живет?— допытывался Знаменский, проваливаясь в отчаяние, в ту почти черную муть, которую принято считать ревностью, принято осуждать, но не дай бог, если это тебя коснется.

— Она у себя живет,— упрямо наклонил голову Дим Димыч.— Там стены, замки, но это пустое. Такая женщина, как Светлана, незримую преграду может возвести, но непреодолимую. За ней и живет.

Да, он терял Светлану. Она избегала встреч с ним. Ашхабад, как оказалось, был громадным городом. Нигде не мог он ее встретить. Знал, прикидывал, где она может быть, выстаивал там подолгу, но ее не было. Впрочем, были ему ведомы и те места, где он наверняка мог ее встретить. Димина школа... Ее поликлиника... Ее, зотовский этот, дом... Но к этим местам он себя не подпускал, чтобы она не подумала, что он ее подкарауливает. Вот если бы случайно встретились. «Здравствуйте, Светлана,— сказал бы он тогда, протягивая руку. А потом, когда бы она ответно протянула руку, он тихо спросил бы:— Света, почему ты исчезла?» Эти слова он вытвердил, каждое свое движение продумал. Ведь жалкие же слова, как и эта протянутая рука, ожидающая ответного движения,— и век, и пять веков тому назад используемые отвергнутыми мужчинами слова и жесты. Далее следовало: мгновенное примирение, тот рывок друг к другу, который не знал ни слов, ни жестов. Но могло случиться, что она не протянет ответно руки, никак не откликнется на жалкие слова, за которыми такой громадный смысл, колотящееся сердце. Тогда подсказывались и еще слова, такие же жалкие, такие же древние: «Ну что ж... Как знаешь...» Кивок, поворот, прямая спина, спокойные шаги, когда станет уходить. Так что же, эта затверженность и скованность, мгновенная эта обморочная глупость, так что же, стало быть, он влюбился? Как мальчишка? Сколько всякого-разного было у него, и вдруг, как мальчишка? Он пытался высмеивать себя, он запрещал себе думать о Светлане, об этой женщине, ну, промелькнула, ну, всего лишь промелькнула в его жизни, и которой не до него сейчас, а ему-то и подавно не до нее, но — все так, промельк, промельк она!— но он не переставал ждать встречи с ней на улицах, случайной, чтобы подойти и сказать: «Здравствуйте, Светлана...» И протянуть руку. И если она ответно протянет ему руку, спросить: «Света, почему ты исчезла?..»

Конечно, он давно бы встретил ее в этом все же небольшом городе и, кажется, не раз уже встречал, когда проскакивала мимо глаз машина с красным крестом, ее машина, с знакомым ему номером, но женщина в белом халате, сидевшая рядом с водителем, всегда смотрела куда-то в сторону, в ней лишь угадывалась Светлана, машина исчезла, она мчалась по улице быстрее других машин, как и должно «Скорой помощи». Светлана избегала его.

Так что же, уехать? Час на сборы, билет на любой рейс, а затем — самолет, четыре часа лета, еще часок в такси — и он дома. И нет никакого Ашхабада и всего того, что там было, включая эту женщину в машине с красным крестом. Нет и не было. Мираж! Приснилось! Почудилось! Бок болит? И пусть его болит. Главное, чтобы память не болела. Москва поможет от этого недуга, растормошит. О, Москва это умеет!

Они шли с Дим Димычем по проспекту Свободы, прямой и нескончаемой улице, очень широкой и потому невыносимой в зной, но в эту пору, осенью, улица добрела, хорошела, ее древние тополя и редкие, короткопалые тутовники отбрасывали влажные тени, рисуя кронами на отполированном асфальте загадочные узоры, свой собственный, из сказки выстилая ковер.

Многие из шедших навстречу знали Дим Димыча; и он их знал, раскланивался с ними, всегда первый спеша поклониться, улыбнуться морщинками, а если попадались навстречу дети, Дим Димыч им особенно усердно кланялся, для или только начиная с ними дружбу. И столько было этих поклонов и кивков, замедлений шага и пришаркиваний, что казалось со стороны, что сохлый этот и старый человек пританцовывая шествует, что он весел безмерно, ну просто счастливый, радостью охваченный человек.

Они не переговаривались. Каждый был занят

своим делом. Дим Димыч вот здоровался, страшась кого-нибудь обделить вниманием, Знаменский все вглядывался и вслушивался. Вглядывался в вереницу машин, попутных и встречных, высматривая с красным крестом и ловя, ожидая особый сигнал тревоги, когда такая машина, спеша на помощь, вынуждена бывает нарушать правила, обгоняя все прочие машины. Он теперь всегда так ходил, всматриваясь и вслушиваясь. Себя не узнавал, куда-то совсем в юность отъехал; влюблённые десятиклассники так ведут себя, ну, первокурсники, а он-то, он-то!.. Но он всматривался и вслушивался. Смешная пара. Один все раскланивается, другой всматривается и вслушивается. Смешно порой ведут себя люди на людях, если глянуть со стороны. Так мы друг на друга и поглядываем, читая друг друга, не умея прочесть, заблуждаясь в выводах.

Всматривался и вслушивался Знаменский, но первым углядел в потоке машин красный крест Дим Димыч. И решительно вскинул руку, раскланиваясь, раскланиваясь.

Скрипнули тормоза, перед глазами Знаменского встала машина с красным крестом, и из кабины выскользнула женщина в белом халате, мелькнув стройными ногами. На женщин взглядывают от ног, от бедер, всходя к лицу, узнавая еще до того, как посмотрят в лицо. Знаменский узнал Светлану, не успев даже глаза вскинуть, а он медлил с этим. Взойдя к лицу, к глазам, он мог приговор себе прочесть. Лицо женщины, когда она принимает решение, неумолимо. Но — почему, почему?!.

И вот, она даже ответно не взглянула на него, она смотрела мимо, туда, где стоял Дим Димыч. Знаменский оглянулся, досадуя на старика. Но его не было, исчез, неведомо куда подевался. Может, за тот вековой карагач спрятался, в будку часовщика нырнул? Его не было, исчез старик.

— Куда подевался?— спросила Светлана, чуть улыбнувшись.— Размахивает руками, останавливает — и нет его.

— Это я размахивал руками,— сказал Знаменский, хотя помнил, что следует сказать: «Здравствуйте, Светлана...»

— Да?— Теперь они встретились взглядами, их глаза заметались, чтобы скорей, чтобы побольше разглядеть, но когда так глядят, то ничего почти не видят.

— Здравствуйте, Светлана,— сказал Знаменский, хотя теперь бы можно было сказать: «Света, что случилось?..»

— Как ты похудел.— Она первая пришла в себя.— А я думала, тебя уже нет в Ашхабаде. Я думала, жена увезла тебя.

— Света, что случилось?— сказал Знаменский и облегченно вздохнул, протянул ей руку. Она помедлила, метнулись зрачки, но тоже протянула руку. Недолго постояли так, прощаясь, он понял, прощаясь этим прикосновением, а не сближаясь.

— Но почему, почему?!— спросил Знаменский, отпуская ее руку, покоряясь ее воле.

— Я причиню тебе только одно горе, Ростик,— сказала Светлана, не для слов этих весело улыбнувшись. Потому что на них смотрели, со всех сторон смотрели,— так улыбнулась? Да, она послеживала, кто идет мимо, кто взглядывает.

— Как же мне без тебя?— спросил Знаменский.

— Уезжай.

— Я не могу тебя потерять.

— Ростик, милый, уезжай. Так будет лучше и для тебя, и для меня.— Она вдруг попросила:— Улыбнись мне на прощание. Как это только ты умеешь. Беспечно-беспечно. Прошу тебя.

— Светлана...— У него жалко дернулись губы, она и не ждала его улыбки, повернулась и скользнула в кабину, мелькнув стройными ногами. И сразу же рванулась «Скорая помощь», пронзительно засигналив, ибо опаздывала для кого-то с помощью.

Из утлого киоска, где горбился старый часовщик и где тикали, раскачиваясь, древние маятники, вынырнул маятником показавшийся Дим Димыч.

— Уехала,— горестно поделился с ним Знаменский.— И мне велела уезжать.

— Настаивала?

— Да.

— Ну, значит, надо оставаться.— Дим Димыч покивал, снова маятником показавшись, старому часовщику.— Лева, не сегодня! Как-нибудь в другой раз! Спешим! Он хотел взглянуть на ваши великолепные часы,— пояснил Дим Димыч Знаменскому.— Углядел, что «Омега». Эти часовщики — зоркий народ. Домой? Пешком?

— Домой. Пешком.

И они зашагали. Один все раскланивался, раскланивался, а другой опять начал всматриваться и вслушиваться.

3

Самолет задиристо шел в небо, оставляя там, в сумеречном рассвете, едва различимое земное пространство, по которому рассыпались домики Ашхабада, где ниткой протянулся Каракумский канал, блюдцем лежало Ашхабадское водохранилище, это море в пустыне, и где у самого края обзора начиналась солнечная яркость. Еще миг, еще рывок — и самолет выйдет из сумерек к солнцу, к надоблачной белизне и сверканию, а земля исчезнет.

Знаменский летел назад — домой, в Москву. Трех месяцев не прошло, как он прилетел в Ашхабад, где за первую лишь неделю напоролся на зной, на наркотики, на нож и где полюбил, где обрел друга, потерял его, где ступил на стезю новой судьбы, эта судьба влекла его сейчас назад, в Москву. А там, что там его ждет?

Рядом с ним, приткнувшись плечом к зашторенному оконцу — он не стал вглядываться в отлетающую землю,— подремывал полковник Мальцев Владимир Иванович. Он снял свой кургузый, тесный в плечах пиджачок, отчего сразу покрупнел, твердоруким стал. Этот человек посапывающий тоже был для Знаменского судьбой. Вот взял за руку и повел. Опять тебя повели, Ростик, опять ты ведомый. Так, да не так. Это Ашир его повел. Вот Ашир его повел и ведет. Дети Ашира позвали его в свою цепочку. Он тогда на кладбище понял, что ему не отойти в сторону. Не крепкорукий этот полковник повел его, ребятишки ручонками своими потянули. Могила Ашира... Дети Ашира... Вдова Ашира... Он не мог не сказать Дим Димычу: «Спросите его, чем я могу быть полезен?» Дим Димыч вечером того же дня нашел полковника и спросил. А на следующий день, едва рассвело, очутился Знаменский в этом самолете. Вот и все. Судьба уселась за баранку и рванула вперед, тянет со скоростью девятьсот километров в час и даже чуть больше, если попутен ветер.

Были проводы.

Дим Димыч ли оповестил или еще кто, но примчался со своим Алексеем Захар Чижов. Ну, а Алексей не мог не прихватить, хоть и наверняка вызвал неудовольствие своего почти заместителя министра иностранных дел, Лану и Лару. Девицы, столь рано вырванные из объятий сна, были сонными, молчаливыми и какими-то застенчивыми, будто не до конца успели одеться, они кутались в платки и прятали лица, становясь похожими на тех старых туркменок, которые еще чтут обычаи старины.

— Не успели загримироваться,— пояснил скованность своих приятельниц Алексей.— Без грима они чувствуют себя почти голыми. Вот потеха!

Алексей ликовал. Он провожал человека, которому еще в первый день его приезда в Ашхабад отдал свое лукавое шоферское сердце. Тогда этот человек, знавший высочайшие вершины, был повержен, был почти на нуле. Но случились события из ряда вон, сделавшие в какую-то одну неделю этого человека знаменитостью в городе, и вот он отбывает домой, в Москву, и явно отбывает на коне. Шутка ли, его сопровождает некий полковник Мальцев. А то, что этот кряжистый в штатском — полковник, так это он сам подтверждает, протягивая каждому из провожающих руку, представляясь всякий раз:

— Полковник Мальцев.

Лане представился, Ларе представился, а Алексею особенно дружески потряс руку. И разве не ясно, что это за полковник, каких, так сказать, войск.

— Если сравнить с общевойсковыми званиями, так и весь генерал-лейтенант?— почтительно и шепотом спросил Алексей.

— Думаю, перехватили,— улыбнулся Мальцев.— А что, мало вам полковника?

— В самый раз. Но предчувствую, будете генералом. Такие дела!

— А какие дела?

— Как же, наркотики! А парень-то наш не побоялся, на нож попер. А?! Вы уж его, товарищ полковник, представьте там к чему-нибудь. Отличный малый. Ну, ошибся разок, с кем не бывает. А зато... Ашира жаль, вот Ашира жаль... Такой человек громадный! Как же это вы? Недосмотрели, прямо скажу. Так?

На этом доверительная беседа Алексея со столь общительным полковником прервалась. Вдруг, как на стену, натолкнулся Алексей на взгляд полковничий, попятился даже.

— Разрешите идти?

— Идите.

Алексей подхватил все три нарядных чемодана, которые так пленили его воображение, когда встречал Знаменского, и кинулся к весам.

Захар Чижов, отведя Знаменского в сторонку, последние внушал ему слова. Неловко было Захару, все ведь не так получилось, трещинка пробежала через дружбу, но вот вроде бы все и улаживается, осмысливается, плохое как бы перетекает в хорошее.

— Ты нас с Ниной прости, Ростик. Если что... Ведь многого мы не знали... Да и не могли знать... Полагаю, теперь у тебя на новый виток пойдет. Ты оказался на высоте. А Нина... Ну, женщина, ну, ты ведь умница у нас... Писать будешь?

— Буду,— пообещал Знаменский. Он поймал себя на том, что все время к чему-то прислушивается, приглядывается. Не ждал ли он, что вот подкатит к аэропорту машина с красным крестом? Да, он ждал, надеялся. Если Светлана заступила на дежурство во вторую половину дня вчера, то еще дежурит. И может же с кем-то в аэропорту случиться, ну, недомогание какое-нибудь, когда необходимо вызвать «Скорую помощь»? Вполне вероятен такой вызов. Плохо с кем-то. Вот с ним плохо. Он улыбался, прощался, обнимался, шутил даже, но ему было худо. Догадался бы кто-нибудь, вызвал бы «Скорую». «А какой диагноз, что там у вас случилось?» «Да так, человек теряет любимую женщину... Теряет, понимаете?» «Да, да, сочувствуем вашему человеку, но по таким поводам мы не ездим...»

— Ты что там шепчешь?— спросил Чижов.

— Да, да, спасибо за сочувствие,— покивал Знаменский и улыбнулся другу, изо всех сил своих улыбнулся.— Нет, Захар, про новый виток это ты напрасно сказал, я не рвусь на новый виток. Подучился тут у вас кое-чему. Мне бы по старому витку пройти. Я еще вернусь, Захар.

— Ты кого-то ждешь? Ее?..

— Друг, ты ей скажи, перехвати где-нибудь на улице, она в «Скорой помощи» работает, и скажи, что я обещал вернуться, мол, прикипел парень сердцем к Ашхабаду. Скажешь?

— Скажу.

— Но только невзначай все проделай, незаметно. Да ты сумеешь, ты же профессиональный дипломат. Ну, обнимемся.

Они обнялись, время было вступать Знаменскому под арку досмотра, в триумфальные эти ворота недоверия, воздвигнутые ныне повсюду.

Лана и Лара повисли на нем. Можно было в сей миг последний расцеловать этого парня, красивого и загадочного, и особенно теперь загадочного, не их, а другой женщины судьбу, расцеловать, как любовника бы поцеловали,— прощание прощает многое. Дим Димыч с ним простился, минуя слова. Отпуская, старик перекрестил его.

Вместе с Мальцевым подошел Знаменский к триумфальной арке. Тут настиг его Алексей и, так же гримасничая, чтобы не заплакать, как там на танцплощадке гримасничал, ткнулся Знаменскому в плечо. И вдруг оглянулся на полковника, в упор глянул, безбоязненно. Сказал, ужимая губы:

— Смотрите не подставьте парня!

Триумфальная арка позади, и — вот новость!— теперь возле нее две собачки шныряли, принюхиваясь, все принюхиваясь, но поводки не натягивали, не тревожили своих молодых строголиких хозяев.

— Видали?— усмехнулся Мальцев.— Принимают меры...

Обнюхали и чемоданчик полковника эти две умные собачки неведомо какой породы.

— Привет, коллеги!— сказал им полковник.

Прошли. Вот и аэродромное поле, вон там, невдалеке, громадная металлическая птица, глядя на которую трудно было поверить, что она сможет поднять свое грузное тело в небо.

Решетка отгораживала взлетное поле от аэропорта, от чахлого садика, стекляшки кафе, от встречающих. Улетающие были по эту сторону решетки, остающиеся на земле — по ту. Разные уже это были люди, разной судьбы. Двинулись отлетающие к самолету, к неподъемной этой птице, которая и взлетит, и рванет, являя чудо нашего века, скорость из сказок. Да, много чудес напридумал наш век. Летаем со сверхзвуковой скоростью, взобрались в космос, но и ядерной бомбой разжились, но и эти собачки не зря принюхиваются на контроле, ибо наркотики начали наползать на человечество, а наркотики эти куда пострашней орд Чингисхана, туч саранчи, холерного мора. Эх, век двадцатый!

А Знаменский, когда уж незачем было прислушиваться да вглядываться, вдруг оглянулся, уже ступив на лесенку, взбегающую в чрево птицы.

Там, за решеткой ограды, далеко и в рассветном мареве, увидел он машину с красным крестом на кузове. Женщина в белом халате стояла возле машины, подняв руку.

Продолжение следует.

«...Художник может быть свободным и несвободным в любых внешних условиях. Мне приходилось слышать от многих своих коллег: «Если бы мне разрешили...» и даже: «Если бы я разрешил себе...» Смешно и страшно ждать разрешения, ибо, когда оно наступит, художник уже не будет художником, а станет, как всякий ожидающий и получивший разрешение, просто человеком, делающим и говорящим дозволенное... Художник всегда пытается выразить свои чувства наиболее сильно, а для этого ему приходится обнажать свою душу.

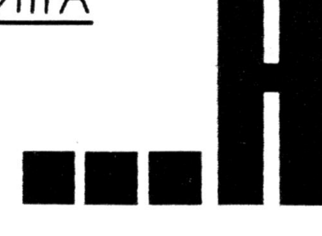
И он всегда рискует, что найдутся желающие плюнуть в эту обнаженную душу. Художник не должен бояться или стыдиться этого. Лично для меня формальное новаторство никогда не было главной целью. Но я всегда старался говорить на языке своего века...» (Вадим Сидур. 7 марта 1975, Москва. Из предисловия к каталогу выставки в Констанце, ФРГ).

ВЗЫВАЮЩИЙ

ПАЛИТРА

Юнна МОРИЦ

Фото Эдуарда ГЛАДКОВА

На Комсомольском проспекте, в одном из жилых домов, есть глубокий Подвал, Мастерская, Творильня, где за 30 лет создал более 500 скульптур и 1000 графических работ советский художник Вадим Сидур. Его монументальные шедевры установлены в Москве, ФРГ, США. Монографии, каталоги его выставок увидели свет в Европе, Америке, Австралии. В Западном Берлине, перед зданием суда, где производилась регистрация ссылаемых в лагеря смерти, установлен в 79-м году его памятник жертвам жесточайшего фашистского концлагеря «Треблинка» — геометрический реквием, чудовищный организм катастрофы. По инициативе и на средства граждан Касселя (ФРГ) в 74-м году установлена на одной из городских площадей работа Сидура «Памятник погибшим от насилия» — взлетный миг обезглавленной плоти, лира воздетых и скованных рук, речитатив несогбенной духовной свободы. «Памятник современному состоянию», «Памятник погибшим от бомб»... Десять антивоенных монументов подарил Сидур жителям Европы и Америки, борющимся за всемирное разоружение, за прекращение войн и насилия. Эти бесценные произведения — его личный вклад в дело мира. Был он сказочно богат — духовно. Сказочно бескорыстен и щедр. Последние тридцать лет жизни у него не было в СССР ни одной выставки. Но никогда никому не жаловался, ни о чем не просил. Был готов отдать свои произведения любому отечественному музею бесплатно — не брали. Большой талант? Имя? Признание? Для властительной серости особый смак — «давить» художника с именем, крупного и яркого. В. Сидуру жесткой рукой «перекрыли кислород», даже издательство отказало ему в оформительской работе. Еще в 1970 году в «Советском писателе» мне удалось «пробить» его иллюстрации к моей книге «Лоза». Но три года спустя его дивный графический цикл к моей книге «Суровой нитью» был зарублен безоговорочно: «Сидур у нас не пройдет! Ищите другого художника, или ваша книга выйдет без иллюстраций». Книга вышла без иллюстраций.

Тяжело больной человек, великого

таланта и мужества, инвалид Отечественной войны, перенесший несколько инфарктов, он ежедневно уходил под землю, в свой благословенный Подвал, и творил самоотверженно, с упоением, неистощимо, заряжая мощной энергией очень многих людей в трудные времена. Да кто бы из «нормальных», здравомыслящих, благонамеренных чиновников согласился на эту пожизненную каторгу: тридцать лет простоять в холодном, заливаемом водой Подвале, занимаясь тяжким физическим трудом—без зарплаты, творческим трудом в атмосфере яростного официального неприятия, травли, подозрительности и клеветы, без единой выставки в своем Отечестве, за которое пролил кровь?

«...Когда восемнадцатилетним младшим лейтенантом, командиром пулеметного взвода я действительно дошел до своего родного города и своей улицы, то уже от угла увидел, что от дома, где я родился и вырос, не осталось ничего. Только печная труба торчала как новаторский памятник моему детству... Потом я был убит на войне. Но произошло чудо воскресения, и я остался жить. Иногда мне даже кажется, что это было предопределено для того, чтобы я смог в конце концов создать «Памятник погибшим от насилия», «Треблинку», «Памятник погибшим от бомб».

Я остался жить, но это произошло не сразу. Довольно долго я раскачивался между жизнью и смертью в госпиталях для «челюстных и полостных», среди людей без челюстей и дрожащих мелкой дрожью, искромсанных желтых животов. Голова моя с момента ранения была постоянно опутана бинтами. Пуля немецкого снайпера попала в левую челюсть, чуть ниже глаза и виска, раздробив и выбив все, что только было возможно, потом прошла сквозь корень языка, почти отсекла его и разорвалась в углу нижней челюсти справа, образовав огромную дыру. Металлические осколки этой разрывной пули до сих пор сидят во мне... Операцию сделали в ЦИТО. Там же изготовлялись искусственные лица для тех, кто в прямом, а не в переносном смысле потерял свое собственное на войне. Это осталось во мне навсегда! Я считаю, что не совсем верно говорить о моем «жгучем» интересе к войне, насилию, бесчеловечным жестокостям. Это не интерес и даже не долг, а жизненная необходимость. Многие годы я пытаюсь и не могу освободиться от того, что переполнило меня в те времена. Так появилась скульптура «Раненый», где голова — кокон из бинтов и только щель рта обнажена...» (из интервью 1980 года).

В. Сидур родился в Днепропетровске в 1924 году в семье педагогов. В девятом классе рвался добровольцем на фронт. До фронта работал в колхозе на Кубани, токарем в Душанбе. В 1942 году стал курсантом 1-го пулеметного туркестанского училища, в звании младшего лейтенанта воевал на 3-м Украинском фронте («орлы Малиновского»), был ранен под Кривым Рогом. В 19 лет стал инвалидом II группы, награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями. С детства рисовал и лепил, но мечтал стать врачом. Поступил в медицинский институт в Душанбе, год проучился, подавал большие надежды, но понял: «Никогда не притерплюсь к страданиям больных». В 21 год уехал в Москву, перенес там очередную тяжелую операцию, поступил в Строгановское училище, спал в аудиториях на столах; общежитие было переполнено. Вдруг подвалило счастье — койка в общежитии в подвале, где в одной комнате восемь человек плюс семья с ребенком,— до потолка можно рукой достать, лежа на кровати. Жил там до 1957 года. Двенадцать лет жил в подвале, потом тридцать лет работал в подвале. В 1957 году принят в Союз художников. С 1964 года его работы публикуются в Европе. В 70-е годы приходит известность всемирная. 26 июня 1986 года Сидур скончался после третьего инфаркта. Последнее, что он прочел о себе в нашей прессе,— несколько издевательских строк.

Необычное, неподотчетное (из ряда вон!) искусство Сидура энергетически вызывало отвращение тех, кто свою усредненность, помпезность и дряблую мертвечину выдавал за «верность традиции», за искусство, свободное от «чуждых влияний».

Мыслимо ли было в те времена всенародное обсуждение проекта памятника на Поклонной горе и сокрушение бездарного творения на стадии миллионных затрат?..

Своя рука — владыка, и тяжелая артиллерия воинственной серости изничтожала все, что грозило ее безобразному образу жизни. И это не стоило никакого труда — ведь нескончаем набор нашлепок и ярлыков на тему «чуждый». «Чуждый мир», «чуждый взгляд», «чуждый язык», «чуждый стиль», «чуждый Сидур»... Кому чуждый? Какому человеческому опыту, какому страданию, какой традиции, какой правде? Нет, Сидур не выдумал кошмары войны, чтобы омрачить радость победы. Он также не выдумал Хиросиму, радиоактивные ливни, химические и биоэксперименты, мутации, чтобы исказить образ современного человека. Не он выдумал бедствия, страдания, унижения, духовную нищету, отчаяние, одиночество, свинское отношение к природе, абсурд «звездных войн», обжорство одних и голод других, тиранию и рабство, насилие и страх. Правда — это традиция нравственного здоровья народа. Она никогда не бывает лишней, избыточной. Она очищает от низких истин. Традиционно язык правды у каждого художника свой, а язык искусства — стихия творческих поисков, мук, обретений, утрат, великих открытий. Ловко оперируя вкусами невежд, мнениями «окультуренного» обывателя, можно так извратить понимание отечественной традиции, что она предстанет враждебной всем традициям мирового искусства. И тогда не слишком ли много художников, писателей, композиторов, режиссеров мгновенно окажутся «чуждыми»?

Сидур в зрелые годы обрел «скупой, лаконичный, обобщающе-геометричный» скульптурный язык. Путь его поиска — сквозь толщу древних традиций.

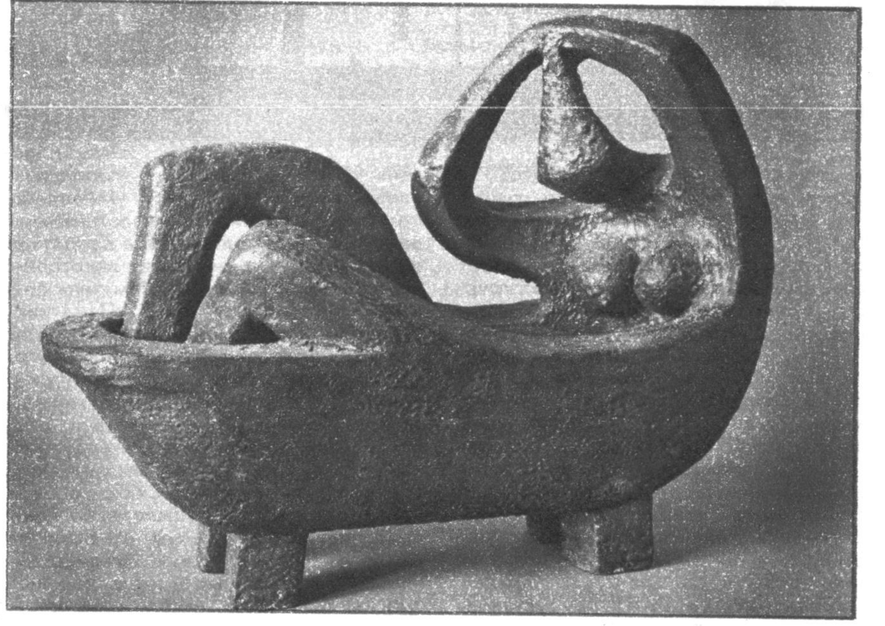
«Самым первым и незабываемым впечатлением от архаической скульптуры было детское изумление от огромных идолов, высеченных из серого гранита скифами и установленных на курганах в украинской степи. Несколько таких изваяний стояло перед Историческим музеем в Днепропетровске. Я подолгу рассматривал этих скифских баб, как их называют на Украине, поражаясь их грандиозности и спокойствию, рассчитанному на вечность. Через много лет это же впечатление НЕПРЕХОДЯЩЕГО было главным, основным из того, что я вынес, посещая залы древней скульптуры Музея изобразительных искусств имени Пушкина, где я проводил многие часы почти ежедневно в течение нескольких лет. Это воздействие на меня египетского, ассиро-вавилонского искусства, греческой архаики было столь могучим и долговременным, что продолжается до сих пор. Его можно проследить даже в таких работах, как «Железные пророки» и «Гроб-Арт». К стыду своему, должен признаться, что в те времена я даже не знал, что существуют такие скульпторы, как Мур, Липшиц, Джакометти, Цадкин. Мне ничего не говорили имена Кандинского и Малевича. Напомню, что время моей учебы и становления как художника было для нашей страны эпохой борьбы с «космополитизмом» и «преклонением перед Западом». У меня до какой-то степени получилось по пословице: не было бы счастья, так несчастье помогло. Возможно, именно отсутствие информации заставило меня самостоятельно совершить многие формальные открытия в искусстве, которые стали моими кровными. В натуре из современной западной скульптуры я практически ничего не видел, так как ни разу из своей страны не выезжал, а чем старше становлюсь, тем меньше потребность видеть. Мир моего Подвала так разросся, что поглощает меня целиком и полностью...

Работа с использованием не только внешнего, но и внутреннего пространства дает неисчислимые преимущества и еще больше сближает скульптуру с архитектурой. Я испытываю физическое наслаждение от тяжести скульптуры. Даже маленькая, она должна быть очень весомой. Пропорции своим скульптурам я почти всегда стараюсь придать такие, чтобы и в небольшом размере они не оказались статуэтками и могли выдержать любое увеличение».

Можно прочесть на память стихи. Скульптуру нельзя. Ее надо видеть. Изнутри, снаружи. Сквозь личный опыт. Сквозь память жизни, преджизни. Сквозь чувство Будущего. Не может и не должен художник нравиться всем. Даже море не все любят. Разница вкусов естественна. Неестественно лишь яростное неприятие, чья истребительная сила претендует на единоличную власть.

«Откуда такая мрачность, такой трагизм? Есть ли нечто подобное в нашей жизни?»— вопрошали чиновники МОСХа.

ЖЕНЩИНА В ВАННЕ. 1966.

«И это все вы сделали сами? Один человек?»— спросил слесарь и снял перед Мастером шапку (прежде, чем сварить трубу, из которой Подвал заливало водой).

«...Потрясающая скульптура, мощное и волнующее произведение, немота гнева и состраданья» (С. Беккет о скульптуре Сидура «Инвалид», август 1975 г.).

Сидур отнюдь не чувствовал себя ни отверженным, ни сломленным, ни одиноким. Не секрет, что все мероприятия «проработчиков» и «клеветунов» обладают обратной силой воздействия, вызывая лишь вспышку интереса к объекту нападок. Тысячи соотечественников и люди пяти континентов побывали в Подвале у Мастера. Среди них — люди самых разных профессий, вкусов, пристрастий: писатели — В. Шукшин, Ю. Трифонов, Г. Бёлль, А. Гофмейстер, Б. Окуджава, Д. Самойлов, Т. Гуэрра, Ф. Искандер, М. Рощин, М. Валек; академики — И. Тамм, Е. Велихов, В. Гинзбург, А. Мигдал, Р. Сагдеев, Д. Бардин (США, дважды лауреат Нобелевской премии), режиссеры — Э. Климов, М. Форман; пацифисты Петра Келли и Герт Бастиан — генерал, который в знак протеста вышел из бундесвера.

Есть пословица в Индии: «Говорят ангелы, что истинный человек прекрасен; жалуются гурии, что он необщителен».

19 мая этого года в Комитете защиты мира открылась выставка скульптур В. Сидура. 24 работы, среди них — модели всемирно известных монументов, знаменитая голова Эйнштейна, «Инвалид», «После экспериментов», «Формула скорби», «Пулеметчик», «Семья».

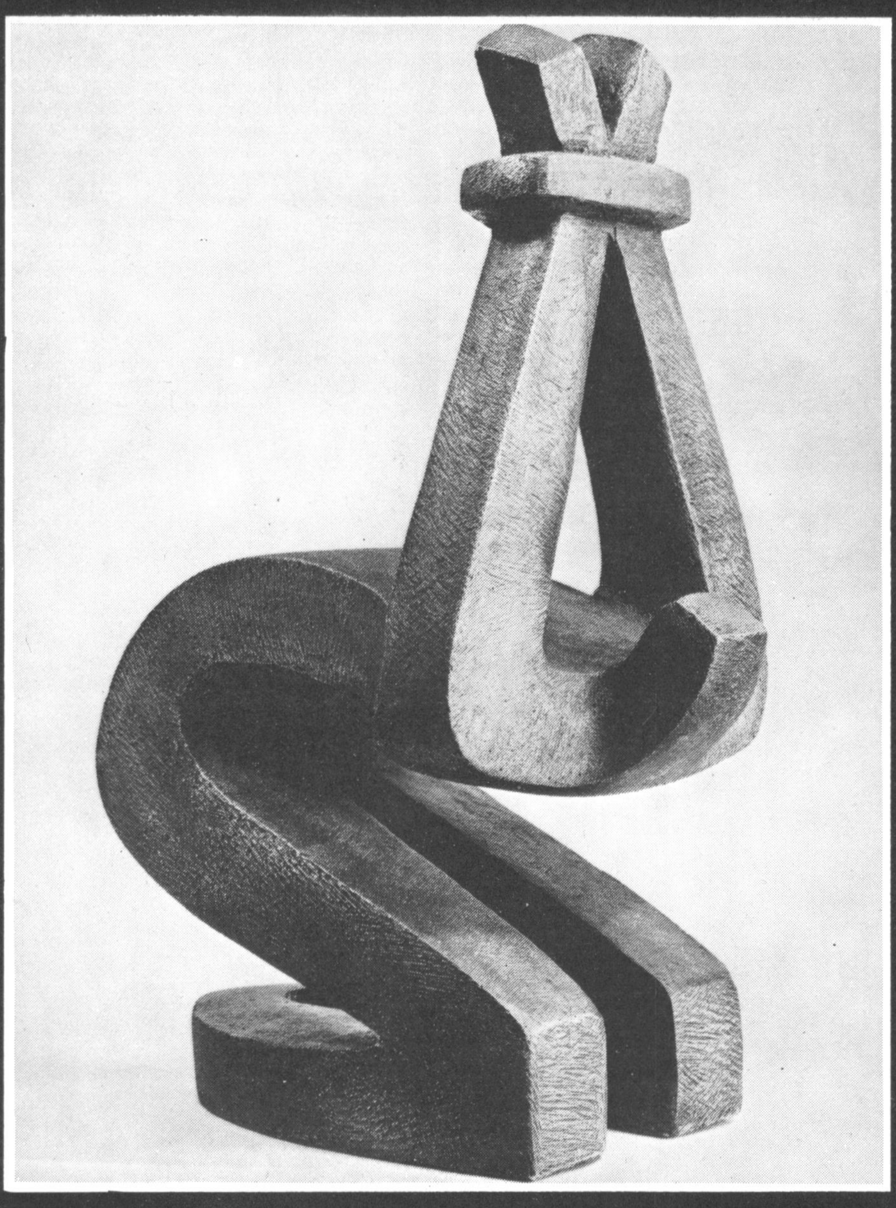
Сидур до этой выставки не дожил. И дожить не надеялся, хоть обладал незаурядным провидческим даром и верил в очистительную силу Времени. Он не смог при жизни преодолеть чиновничье самодурство и произвол. Но смог «привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов». Скульптура «Взывающий»— один из шедевров этой маленькой выставки. Из продольно зияющей, обезглавленной, трагически стройной плоти — крик немого отчаяния, мольба о спасении, воззвание духа. К этой скульптуре Сидур написал стихи, которые так начинаются:

Я раздавлен
Непомерной тяжестью
ответственности
Никем на меня не возложенной...

Посетившие выставку смогли эти стихи прочесть до конца.

Среднее никогда не остается в искусстве, остаются одни только «крайности», такова природа человеческой памяти. Любая эпоха уйдет в прошлое, а искусство останется в будущем навсегда — как лицо и душа «своего времени».

«...Остальные циклы скульптур и графики, о которых вы спрашиваете, я считаю ИСКУССТВОМ ЭПОХИ РАВНОВЕСИЯ СТРАХА, когда большие государства уже достигли, а малые достигают апогея в запугивании друг друга сверхъестественным по разрушительной силе оружием. Чем дальше, тем больше создается впечатление, что человечество совершенно незаслуженно, самочинно присвоило себе звание HOMO SAPIENS. Особенно ясным это становится теперь, в конце XX века, когда почти достигнута вершина надругательства над природой, когда загрязняется и отравляется не только наша планета, но и околоземное пространство... Об этом вопиют мои «Железные пророки». Каждый из нас мог не родиться, но умереть должны все. Поэтому главным становится, КАК УМЕРЕТЬ! Получат люди в конце концов ПРАВО НА ДОСТОЙНУЮ СМЕРТЬ?!.

ПАМЯТНИК ПОГИБШИМ ОТ НАСИЛИЯ. 1966.

ПОРТРЕТ АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА. 1967.

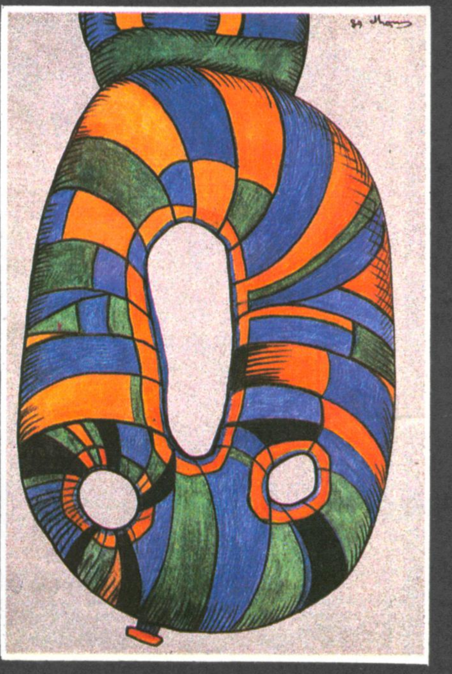
КОМПОЗИЦИЯ, УСТАНОВЛЕННАЯ У ЗДАНИЯ ИНСТИТУТА
ГЕОХИМИИ АН СССР ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО. 1980.

И вот, наконец, напечатана очень сильная статья академика В. Гинзбурга «Скульптуры, которых мы не видим» о судьбе работ Вадима Сидура, и вот уже Комитету защиты мира удалось вежливо убедить МОСХ, что негуманно отнимать у вдовы Сидура (она же и пильщик, и шлифовщик, и главный подмастерье, и единственный, кто способен завершить неоконченные работы), непристойно отнимать у нее подвал, где практически не только мастерская, но и хранилище всех работ выдающегося художника.

Почему такие элементарные вещи решаются с таким трудом! Почему

ВЛЮБЛЕННЫЕ.
1985.

ИЗ СЕРИИ
«НАДУВНЫЕ ИГРУШКИ».
1968.

...В центре моей модели мира всегда стоял и стоит человек и наиважнейшие, на мой взгляд, проблемы его бытия. Мир без человека мне неинтересен».

Было у Сидура два чуда: первое чудо — «Я ОСТАЛСЯ ЖИВ!». Второе чудо — БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ — редчайшая, всезащитная, пожизненная. Когда нестерпимо болело сердце и не мог он ни рисовать, ни лепить, сочинялась книга стихотворений «Самая счастливая осень»:

Мы оба ходим по воду
К голубенькому колодцу
Юля крутит ворот
Я стою рядом
Юля тащит ведра
Я иду рядом
Морально ей помогаю

Прекрасный альбом с репродукциями всех лучших работ Сидура издал Карл Аймермахер. Я часто перелистываю этот альбом... «Портрет Альберта Эйнштейна» — два лица гения: чертовская радость открытия, чертовский ужас последствий. «Памятник академику И. Тамму» (Москва, Новодевичье) — гранитной рукой прикрывающий зияние в груди, неизбывную боль за ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ в эпоху равновесия страха. Благодаря усилиям наших крупных ученых мы имеем возможность увидеть в Москве две бетонные «структуры» Сидура — возле Института морфологии человека и Института геохимии имени Вернадского.

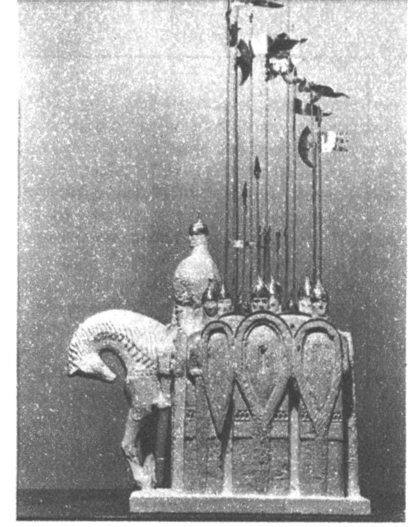
так беспощадно мы равнодушны к большим и трудным талантам? Почему нельзя наконец устроить большую выставку скульптуры и графики Сидура в выставочном зале, издать каталог, книгу с репродукциями его лучших работ?

Отечественным искусствоведам предстоит пролить свет на творческую судьбу этого художника и ответить наконец на волнующий публику вопрос: почему революционные идеи многих выдающихся наших скульпторов, живописцев, поэтов, прозаиков, композиторов, так щедро питавшие искусство Европы XX века, так долго и так упорно под разными соусами преподносятся нам как «чуждые»? Ведь и сегодня творческая молодежь не верит, читая о «чуждом языке авангарда» и о противостоящем ему в неравной борьбе «всем понятном и всем доступном языке» именитого рутинера.

В чьих интересах насильственно обеднять нашу великую культуру?

И когда же, как не сейчас, весьма полезно узнать, увидеть и ощутить, каким непреклонным трудом служили свободе и правде ВЗЫВАЮЩИЕ.

Вадим Сидур в мастерской.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И БЮРОКРАТЫ

5 апреля 1242 года произошло знаменитое Ледовое побоище, одно из славных сражений, решивших судьбу России. Труды комплексной экспедиции АН СССР, возглавляемой военным историком генералом Г. Н. Караевым, позволили наконец уверенно определить место и ход битвы («Огонек» рассказывал об этом в № 49, 1985 г., в очерке «На месте Ледового побоища»). Сообщалось также и о том, что намечено увековечить подвиг русского народа установкой монумента в память о битве. Редакция получила ряд писем, где читатели просят рассказать о судьбе памятника, о том, когда и где он будет установлен.

Даже уменьшенная в несколько раз модель монумента выглядит весьма внушительно. Сомкнутое каре воинов, впереди на коне — фигура Александра Невского. Ритм древних шлемов напоминает многоглавие исконной псковской архитектуры, сведенные полукружия щитов — традиционные позакомары.

Этот проект, представленный скульптором И. И. Козловским и архитектором П. С. Бутенко, единодушно был признан на конкурсе лучшим, авторы тут же приступили к изготовлению рабочей модели, а почти через восемь лет, в 1976 году, была наконец изготовлена модель «в величину сооружения». Первоначально монумент должен был быть установлен на месте сражения, на острове Городецкий. Для этого требовалось поднять остров, намыв на его поверхность сотни тонн песку. Однако расчеты оказались неверными, остров не мог выдержать веса сооружения, а для поиска нового места установки потребовалось четыре года.

А что в это время происходило с памятником? В Пскове, в сарае, где были сложены его фрагменты, по халатности случился пожар, и они погибли. По халатности же работников Министерства культуры СССР средства, потерянные в результате пожара, забыли списать.

В 1983 году вообще все работы были приостановлены. Козловский бил тревогу: памятник необходимо собрать на время вынужденной консервации, ведь оставшиеся части, сложенные как попало, деформируются, огромная работа могла погибнуть.

Наконец, были сняты запреты на продолжение работ, но опять же Министерство культуры СССР обратилось к автору с предложением уменьшить монумент и выполнять его в бронзе, хотя вначале предполагалось делать памятник из бетона.

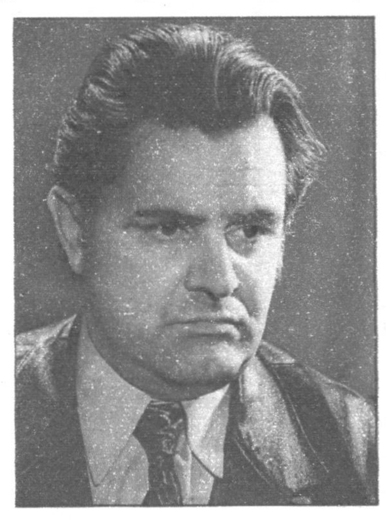
Казалось, все мытарства позади. Козловскому выделили наконец скульптурную мастерскую, бригаду мастеров во главе с опытным Александром Мотиным, установили леса, начали варить каркас, но вдруг снова поступило распоряжение: работы прекратить. Почему? А потому, что возникло решение устроить всенародное обсуждение памятника...

В конце марта сего года получено было долгожданное разрешение на сварочные работы, но договор с авторским коллективом до сих пор не заключен. А ведь изготовление памятника в другом размере, из другого материала — это не шутки.

Страшно подумать, что было бы, если б Александр Невский принимал свои решения с той скоростью, с которой ставят ему памятник благодарные потомки!

Владимир ПОТРЕСОВ

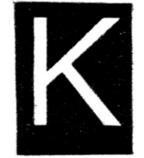
ЧИК И ЛУНАТИК

Фазиль ИСКАНДЕР

РАССКАЗ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Красная звезда стояла в небе. Иногда, словно пробуя привязь, она вздергивалась и стремительно прорезала синеву, но через мгновение вдруг замирала и победно парила на месте. Вытянутый красный хвост подрагивал и посверкивал на солнце.

Этого змея, сделанного в виде красной звезды, запустили в небо два десятиклассника — старший сын доктора Ледина и старший брат Анести. Сейчас они, стоя рядом, гордо, как на плакате, смотрели в небо. Сын доктора держал в руке катушку. Рядом толпились Чик и его ровесники.

Змей, сделанный из красной материи в виде красной звезды, казался Чику чудом техники. Чик умел делать змея, но только из газетной бумаги и в виде четырехугольника. А тут красная звезда парит в небе!

— Пошлем «телеграмму»,— важно сказал брат Анести и вытащил из кармана блокнот. Он вырвал из него один листик, надорвав со всех сторон, округлил, сделал внутри дырочку и нанизал бумажку на нить, уходящую в небо.

Бумажка трепыхнулась и пошла вверх, мгновениями раздумчиво останавливаясь, словно набирая силы, и снова скользя в небо. И это было удивительно. Какая сила подымает листик? Почему, если просто так подбросить такой же листик, он поколыхается, поколыхается и падает на землю? А этот идет вверх и вверх. Почему? Чик не мог понять.

Он слышал, что существуют восходящие и нисходящие потоки воздуха, и готов был согласиться, что листик подымают восходящие потоки. Но почему, почему листик всегда попадает на восходящие потоки и никогда на нисходящие? «Телеграмма» ни разу не возвращалась.

— Чик,— окликнул его в это время Бочо,— подойди ко мне.

Бочо пришел со своей улицы и теперь стоял в тенечке напротив компании, запускающей змея. Чику не хотелось отрываться от «телеграммы». Он взглянул на Бочо и сказал:

— Подойти ты!

Чик снова поднял голову. Уже мерцающий клочок белой бумаги шел и шел в сторону звезды.

— Подойди, Чик, дело есть!— снова крикнул Бочо.

Чик взглянул на него, удивляясь его упорству. Бочо сделал руками таинственные знаки, показывая, что владеет тайной, которой нельзя поделиться при свидетелях. Чик, переходя на его язык, показал руками, что ему очень интересно досмотреть, как «телеграмма» дойдет до змея.

Бочо, презрительно махнув рукой, сделал вид, что сплюнул, и даже растер ногой невидимый плевок, показывая, что и запущенный змей, и «телеграмма» — все это полная ерунда по сравнению с тайной, которой он хочет поделиться.

Чик еще раз взглянул на небо и подошел к Бочо.

— Ну что?— спросил Чик.

— Ну что, ну что!— засопел Бочо.— Пойдем сядем на крыльцо, и я там все расскажу.

Он кивнул на толпящихся ребят, давая знать, что новость, о которой он собирается рассказать, не терпит случайных ушей. Чик понял, что дело нешуточное. Они молча отошли к парадному крыльцу Богатого Портного и сели на прохладные ступеньки.

— Чик,— взволнованно засипел Бочо,— мы вчера с одним пацаном с нашей улицы ходили ночью вырезать бамбуковые удилища.

— Где?— спросил Чик.

— Ты не знаешь,— сказал Бочо,— на Беследке. Туда только на лодке можно подойти. Со стороны улицы собака привязана.

— Ну и что?

— Послушай дальше, потом будешь нукать. И вот мы подошли к берегу, возле которого заросли бамбука. Привязали лодку — и в заросли. А дальше там дом стоит. Вроде вашего, двухэтажный. И вот мы выбрали себе два бамбука и вырезаем. Вдруг из дому какая-то музыка раздается. Но я даже не слушал. Подумаешь, музыка! А этот пацан с нашей улицы стал бить меня в бок, как малахольный. «Ты что,— говорю,— очумел?»–«Тише,— говорит,— сейчас лунатик появится».—«Где?»— говорю.— «На крыше!»— говорит и снова толкает меня в бок.— И, Чик! Я чуть не умер! Он появился, Чик!

— И что?— спросил Чик, чувствуя, что у него волосы на затылке заинтересованно ожили.

Ребята, следившие за змеем, радостно завопили. Чик понял, что «телеграмма» дошла. Но сейчас ему было неохота смотреть ни на змея, ни на «телеграмму».

— Он появился на крыше весь в белом, Чик!

— В белом ходили привидения, и то до революции,— поправил его Чик,— разве лунатики ходят в белом? Может, он был в нижней рубашке и в кальсонах?

— Нет, Чик! Весь в белом, как курортник на бульваре!

— Ну а дальше что?

— Он прошел по краю крыши, а потом пропал.

— Как пропал?— спросил Чик, недовольный, что лунатик так быстро исчез.

— Он зашел за дерево. Там внизу растет дерево, и ветки в том месте нависают над крышей. Он слез с крыши на балкон второго этажа.

— По ветке, что ли?

— Не знаю, Чик. Но он слез с крыши и через балкон зашел в дом. Его из дому эта музыка приманила.

— Как так музыка приманила?

— Точно, Чик, приманила! Он идет по крыше, а она его приманивает. Он идет, а она его приманивает. Он так и идет на музыку!

— А потом что?

— А потом, когда он уже вошел в дом, приманивать его было незачем. И музыка кончилась. Приманила! Этот пацан, с которым я ходил срезать удилища, говорит, что за лето он уже три раза видел, как лунатики гуляют по этой крыше...

— В одном доме столько лунатиков!— удивился Чик.— Они что, стараются в одном доме жить?

— Если б из одного дома, Чик,— горестно вздохнул Бочо,— я бы даже не стал рассказывать тебе об этом. В том-то и дело, что они совсем не из этого дома, Чик!

— Откуда же они?— удивился Чик. Он до сих пор считал, что лунатики гуляют по крыше собственного дома. Оказывается, у них есть любимые крыши, где они встречаются и молча прогуливаются.

— В том-то и дело, что там рядом военный санаторий, Чик! Чуешь? Военный!

Чик почуял, и у него мурашки пошли по спине. Приближалось коварство врага, но Чик еще не знал, почему им выгодны лунатики.

— А разве военные бывают лунатиками?— спросил он.

— Еще как бывают, Чик, еще как! Это шпионская квартира. Они лунатской музыкой приманивают военного из санатория. И он по крыше к ним сходит. А они у него выпытывают тайны и отпускают: теперь иди! Лунатик как загипнотизированный. Он говорит все, о чем спрашивает шпион.

— А разве бывает лунатская музыка?— спросил Чик, потрясенный и все-таки стараясь изо всех сил держаться здравого смысла.

— Есть, Чик! Какой-то немец составил. Пацан, с которым я срезал удилище, в музыкальную школу ходит. Он все про музыку знает. Они все время играют одну и ту же музыку. Лунатскую. Приманят военного лунатика, узнают у него военную тайну и отпускают: теперь иди!

— А почему они свет гасят?— спросил Чик, стараясь изо всех сил держаться здравого смысла.

— Я и это разгадал, Чик! Я все время о них думал. Они гасят свет и начинают допрашивать лунатика. На всякий случай. Лунатики иногда неожиданно просыпаются. И если они будут допрашивать его при свете, он проснется и может их запомнить в лицо. А потом где-нибудь на базаре или на улице встретит и разоблачит. А так, проснулся в чужой квартире, кругом темно. «Где я?»— говорит лунатик.—«Вы в чужую квартиру залезли. Уходите, а то милицию позовем!»— Лунатику стыдно. Он же знает, что сам не свой. Он к балкону. А они ему: «Куда? Вон дверь!»—И он выходит. Вот как они действуют, Чик! Пойдем заявим на погранзаставу!

— Я сначала должен все увидеть своими глазами,— сказал Чик.

— Так пошли, Чик! Сегодня тоже будет лунная ночь, если тучи не наползут.

— Нет, не наползут,— сказал Чик, взглянув на небо.

— Пойдем,— сказал Бочо,— только надо достать бутылку вина.

— Для чего?— удивился Чик.

— Сторожу-лодочнику надо дать,— сказал Бочо,— думаешь, он бесплатно отпускает на лодке?

Чик вспомнил, что наверху у тетушки в зале рядом с письменным столом на тумбочке стоит бочонок с вином. Когда приходят гости, кто-нибудь из домашних вытягивает шлангом из бочонка в графин вино и угощает гостей.

— Бутылку вина я достану,— сказал Чик.

— Вот и хорошо!— обрадовался Бочо.— Ты можешь в десять часов вечера тихо выйти из дому, чтобы родители не знали?

— Да,— кивнул Чик,— ровно в десять часов жди меня под этим балконом.

Чик кивнул на тетушкин балкон. Он решил заночевать у тетушки. От тетушки улизнуть будет легче, чем из дому от мамы. Чик это точно знал.

— Я тебе свистну,— сказал Бочо,— только никому ни слова. Вспугнуть могут.

— Могила,— сказал Чик и встал,— значит, до вечера?

— До вечера,— согласился Бочо и пытливо взглянул в глаза Чика,— а ты не мандражишь, Чик? Что мы будем делать, если лунатик опять спустится к шпионам?

— Там видно будет,— сказал Чик,— приходи под наш балкон.

— Хорошо,— сказал Бочо и пошел к себе домой.

Чик посмотрел на ребят, глазеющих на небо, и удивился, что можно заниматься такими пустяками, когда шпионы чуть ли не каждую ночь потрошат наших военных лунатиков.

Надо заняться вином. Чик вошел во двор и поднялся на второй этаж. Сумасшедший дядюшка Чика стоял на верхней лестничной площадке и, не сводя глаз с кухонной пристройки, где возилась его любимая тетя Фаина, распевал свои песенки. Бабушка сидела рядом на скамеечке и перебирала четки. Чик зашел на веранду. Тетушка ее сейчас подметала.

Он прошел в столовую, оттуда в залу, где возле письменного стола на тумбочке громоздился пузатый бочонок с вином. Легкий резиновый шланг был накинут на бочонок.

Надо было действовать быстро и решительно. Тетушка еще минут пятнадцать будет подметать веранду. За бабушку и дядю Колю можно было не беспокоиться. Бабушка подолгу любит сидеть на солнце, перебирая четки, а дядя, если уж тетя Фаина у себя на кухне, так и будет петь и поглядывать туда.

Чик вошел в столовую и вынул из буфета пустую бутылку. Нашарил в ящике с вилками и ложками пробку. Вставил в бутылку. Подошла. Чик снова перешел в залу и подошел к бочонку. Рядом с бочонком стоял стул. Чик открыл бутылку и поставил ее на стул. Потом открыл втулку бочонка и сунул туда конец шланга. Другой конец взял в рот. Чик тысячи раз видел, как это делают взрослые, но сам никогда не вытягивал вино из бочонка.

Он никогда не мог понять, какая сила заставляет вино подыматься вверх по шлангу. Он понимал, почему со вздохом подымается первая струя вина. Это как восходящий поток. Но почему потом, нарушая закон о сообщающихся сосудах, вино продолжает идти вверх по шлангу, он не понимал. Это тоже было маленьким чудом.

Чик был равнодушен к вину, но делал вид, что презирает его, потому что взрослым это нравилось. Взрослые слегка гордились надежным презрением Чика к вину. Старший брат Чика уже несколько раз тайно пробовал вино, и ему за это попадало. Тем более домашние гордились стойким презрением Чика к вину.

Чик втянул несколько раз воздух из шланга и вдруг почувствовал, что рот наполнился прохладным вином. Он быстро сглотнул его и вставил кончик шланга в бутылку. Вино мягко полилось. Чик прислушался к действию проглоченного вина. Никакого действия не было. Вино было, пожалуй, повкуснее воды, но похуже лимонада.

Вдруг вино перестало литься в бутылку. То ли Чик не так шевельнул шлангом, то ли с запозданием задействовал закон сообщающихся сосудов. Чик снова взял в рот кончик шланга и изо всех сил втянул воздух. Снова рот его наполнился прохладой вина, он пару раз глотнул его и сунул конец шланга в бутылку. Вино снова полилось мягкой, бесшумной струей и наполнило бутылку.

Чик осторожно приподнял шланг и вытянул его из бочонка. Конец шланга, побывавший в бочонке, был красным, как гусиная лапа. Все время прислушиваясь к веранде, он тщательно вытер о штаны этот конец, накинул шланг на бочонок, заткнул его втулкой, а бутылку пробкой.

После этого он взял бутылку, подошел к кровати дяди Ризы и сунул ее под матрац. Дядя Риза был в командировке, и Чик собирался сделать вид, что будет спать на его кровати. От мамы сбежать было трудней. Только Чик сунул бутылку под матрац, как в столовой скрипнула дверь и тетушка загремела у буфета посудой.

— Чик, почаевничаем?— спросила она, не видя Чика, но зная, что он здесь.

Тетушка много раз в день чаевничала и кофейничала.

— Хорошо,— сказал Чик, и ему вдруг стало ужасно весело,— сначала почаевничаем, а потом повинněничаем.

Он сам не знал, почему он так сказал. Просто ему стало ужасно весело от того, что он так все ловко проделал.

— Я не поняла, что ты там сказал, Чик?— спросила тетушка.

Чику стало ужасно весело от того, что он так ловко набрал вино в бутылку и так вовремя успел ее спрятать. Он подошел к бочонку с вином, несколько раз поощрительно похлопал его ладонью, а потом шлепнулся рядом на стул и запел бодрую песню:

Утро красит нежным цветом
Стены древнего Кремля.

Чик вовсю распелся не хуже своего дядюшки. Ему было весело оттого, что все так хорошо получилось.

Тетушка, удивленная его пением, вошла в залу. Она еще больше удивилась, увидев его поющим рядом с бочонком.

— Чик, почему ты уселся здесь и поешь?— спросила тетушка, заподозрив, что близость бочонка как-то поощрила его петь.

Чику стало еще веселей. Он продолжал петь. Тетушка подошла и, наклонившись к бочонку, приподняла шланг. Внимательно рассмотрела его. Нет, шланг сухой.

Чик распелся вовсю. Тетушка склонилась над бочонком и стала внюхиваться во втулку, думая, что утечка винных паров могла подействовать на Чика. Нет, вроде утечки тоже не происходит.

— Не морочь голову, Чик,— сказала тетушка, словно стряхивая неприятность минутного недоумения,— пошли пить чай!

Быстрой, легкой походкой, словно продолжая стряхивать минутное недоумение, она ушла на веранду. Чик допел и пошел пить чай. За чаем он вдруг с удивлением подумал: что это на него нашло? Как это он, забыв об осторожности, запел возле бочонка? Надо же дойти до такой глупости!

Вечером он сказал маме, что останется ночевать у тетушки. После чая все уселись играть в лото. Чик не стал играть. Часов с девяти он стал клевать носом, но взрослые, увлеченные игрой, заметили это только через полчаса. Тетушка, не отрываясь от игры, предложила ему лечь на кровать дяди Ризы. Чик как бы неохотно встал и пошел. Обычно он старался ложиться вместе со взрослыми.

— Чик такой,— сказала тетушка ему вслед,— или целыми днями читает, или убегается до смерти.

Чик прошел в залу, где уже спала бабушка на своей высокой кровати, а дядя Коля, лежа, вовсю распевал свои песенки. Чик снял сандалии и, не раздеваясь, лег на кровать.

— Тюри! Тюрих! Тюри! Тюри! Тюм-пам-пам!

Вовсю распелся дядюшка, изредка прерывая свое пение и поглядывая на Чика, чтобы вовремя перехватить его попытку подбросить ему кошку, стащить брюки или еще что-нибудь в этом роде.

Чик сейчас сожалел, что иногда дразнил дядю. Теперь тот не будет выпускать его из виду. Это затрудняло выход на балкон, откуда Чик собирался спуститься к Бочо. Сначала спустить бу-

тылку, для этой цели он запасся шпагатом, а потом спуститься самому. Если прямо пройти на балкон, то дядя рано или поздно подымет тревогу. Умственных сил его хватало на то, чтобы сообразить: вышедший на балкон должен вернуться с балкона.

Можно было туда проползти. Но если бы дядя заметил ползущего Чика, он обязательно поднял бы шум, думая, что Чик что-то затеял против него. Чтобы усыпить его бдительность, Чик не отвечал на его взгляды, когда тот, прервав пение, оглядывался, стараясь разглядеть его в полутьме. Чик не шевелился и делал вид, что заснул.

Наконец, раздался осторожный свист Бочо. Чик тихо встал с кровати, сложил одеяло такими складками, чтобы казалось, что под ним находится человек, сел на пол, надел сандалии, застегнул пряжки, вытащил бутылку из-под матраца и пополз к балкону.

Пока он полз, дядюшка дважды прерывал пение и вглядывался в кровать, где должен был лежать Чик. Чик в это время замирал на полу. Дядюшка принимался петь, и Чик полз дальше, стараясь не стучать бутылкой.

Он выполз на открытый балкон, завернул так, чтобы его из зала не было видно, и выпрямился. Бочо стоял под балконом и ждал его. Чик вынул из кармана шпагат и привязал его к горлышку бутылки. Подставив под бутылку ладонь, другой рукой тряхнул ее — узел крепко держал бутылку. Оглядел улицу, убедился, что она пустая, и спустил бутылку на руки Бочо. Бочо поймал бутылку, и Чик бросил шпагат.

Чик перелез через перила балкона и вышел на карниз. Это было очень трудное место. Надо было пробираться, цепляясь за карниз и сильно нагнув голову, чтобы из окна ее не было видно. Если бы дядюшка увидел в окне какую-то голову, он поднял бы шум, думая, что это вор.

Умственных сил его хватало на то, чтобы понять — в мире есть воры. Вернее, его научили бояться воров, сам бы он не догадался. Пройдя окно, Чик выпрямился и спустился на козырек парадного входа, а оттуда легко сошел на землю.

Они быстро пошли по пыльной немощеной улице. Бочо спрятал бутылку за пазухой и снаружи придерживал ее одной рукой, как будто у него под рубашкой голубь.

Над городом стояла огромная луна. Слева от луны застенчиво мерцала одинокая звезда. Из окон, с балконов, а нередко и с крыш домов доносились то арии классических опер, то джазовая музыка. В Мухусе входили в моду приемники, и владельцы их, кто от широты души, а кто желая похвастаться, старались так установить свои приемники, чтобы как можно больше людей слушали музыку. Два-три раза, пока они шли через город, из приемников вдруг вырывался голос Гитлера, грозно проклинающий и Чико, и Бочо, и все человечество. Так казалось.

— Стой! Стой! Опять!— шептал Чик, заслышав голос Гитлера. Чик знал, что подлый голос Гитлера как бы запрещено слушать, и в то же время знал, что считается как бы молодечеством послушать этот голос две-три секунды. Включить и выключить — нырнуть и вынырнуть из темного омута. Тоже интересно.

— Чик, когда же будет война с Гитлером?— спросил Бочо. По голосу его видно было, что он теряет терпение.

— Будет, будет,— успокоил его Чик.

Взрослые говорили, что войны может и не быть. Но Чик, как и большинство ребят, был уверен, что война должна быть и будет. Было как-то обидно и неприятно, что Гитлер живет и живет на свете. А как ты его уничтожишь без войны? На революцию в Германии Чик уже не надеялся. Даже взрослые перестали о ней говорить.

Они вышли к морю, и теперь луна стояла над морем. Было тихо. На Собачьем пляже вода еле-еле плескалась о берег. У пристани стоял теплоход «Абхазия» весь в электричестве, как праздник. Они дошли до устья Бесле́дки, открыли калитку и вошли на территорию лодочного причала.

Вода реки была мутно-желтая. Видно, в горах прошел ливень. Обычно она была спокойная, но сейчас казалась грозной и опасной. Они пошли вдоль реки и дошли до мостков лодочного причала. Привязанные цепями и веревками, лодки стояли у причалов. В лунном свете они казались странно пустыми.

— Это ты, Бочо?— вдруг раздался хриплый голос.

Чик обернулся. В глубине причала темнел навес, где громоздились перевернутые лодки.

— Да, дядя Юра,— сказал Бочо.

Пожилой небритый человек в тельняшке заковылял из-под навеса, издали свирепо всматриваясь в Чика. Чик заволновался. Ему хотелось, чтобы Бочо поскорее вытащил бутылку, но Бочо ее не вытаскивал. Скрипнув деревяшкой протеза, человек ступил на мостки причала и приближался, свирепо всматриваясь в Чика.

— А это кто?— кивнул он на Чика.

— Это Чик, мой товарищ,— сказал Бочо и, наконец, вытащил бутылку из-за пазухи,— он достал.

Сторож взял протянутую бутылку, небрежно выдернул пробку и хищно запрокинул ее над головой. Отсосав несколько глотков, он со шлепнувшим звуком оторвал бутылку ото рта.

— Вот это, я понимаю, вино!— сказал он и потеплевшими глазами взглянул на Чика.— Гудаутское?

— Да,— кивнул Чик со скромной гордостью.

Бочо тоже явно взбодрился и, подойдя к краю причала, спрыгнул в одну из лодок.

— Оставь «Диану»,— прохрипел сторож.

— Почему?— обернулся Бочо.— Мы же на ней вчера ходили?

— Перелезай на «Оленя»,— кивнул сторож,— у него ход легче.

Чик почувствовал, что это прибавка за хорошее вино. Сторож уковылял с бутылкой в темноту навеса и вышел оттуда с веслами. Бочо перелез на «Оленя». Скрипнув протезом, сторож наклонился над краем причала и передал весла Бочо. Тот быстро и умело вдел их в уключины. Сторож ухватился за веревку и притянул лодку.

— Прыгай!— сказал он Чику.

Чик спрыгнул на переднюю банку и хотел пройти на корму, но сторож его остановил.

— Сиди там,— прохрипел он,— будешь следить, чтобы не напороться на корягу или бревно. Если попадется хорошая доска, тащите в лодку.

Он отмотал веревку от крюка, вбитого в причал, и кинул ее в лодку. Потом, присев на корточки и ловко вытянув ногу с протезом, оттолкнул лодку от причала. Она прошла между другими лодками и стала разворачиваться по течению. Бочо повернул ее носом против течения и стал грести. Сторож, не глядя на них, ушел в темноту.

Они плыли по мутно-желтой реке, озаренной луной. Было тихо. Иногда перелаивались собаки с одного берега на другой. Чик следил за поверхностью воды, чтобы не прозевать какую-нибудь корягу. Бочо старался не выходить на середину реки, потому что там течение было быстрей и грести против него было трудней.

Они прошли под ивами, свисающими над рекой тихим, голубеющим в лунном свете водопадом. Ветки шелестели и нежно, как руки сестры, щекотали затылок Чика. Чику хотелось, чтобы ивы никогда не кончались. Но они кончились, и лодка подошла к Красному мосту. Они прошли под мостом, и гул машин, пробегающих сверху, колотил по голове.

Вскоре впереди показалась полянка, где вокруг костра в просвечивающихся лохмотьях стояли и сидели беспризорные мальчишки. Один из них только что раздобыл гуся на противоположном берегу. И сейчас голый, вместе с гусаком, под радостные вопли друзей бросился в воду. Гусак встрепенулся в воде и, брызгая крыльями, пытался улететь. Но мальчик, крепко держа его за одну ногу, плыл к своим. Гусак, громко хлопая крыльями, рвался от него. Казалось, не мальчик плывет с гусаком, а гусак тащит мальчика через реку.

Проплывая мимо компании беспризорных, Бочо на всякий случай выгреб на середину реки. Но беспризорные окружили мальчика с гусаком, когда тот вышел на берег, и не обратили внимания на лодку. Вернее, один из них погрозил им вслед кулаком, но они уже были на безопасном расстоянии.

Бочо продолжал грести без передышки. Чик всматривался в мутно-желтую поверхность реки. Несколько раз видел проплывающие коряги, но они проплывали в стороне. Вдруг Чик увидел на реке большой черный предмет. Покачиваясь на воде, он приближался.

— Бочо! Бочо! Что-то плывет!— крикнул он.

Бочо обернулся. Черный предмет приближался и принимал очертания маленького домика с плетеными стенами.

— Собачья будка, что ли?— проговорил Бочо. Он смотрел, обернувшись и в то же время медленно и осторожно подгребая веслами, чтобы не столкнуться с этим странным предметом.

— Курятник!— первым догадался Чик.

Такие плетенки-курятники с крышей, покрытой дранью или папоротниковой соломой, он часто встречал в Чегеме. Курятник медленно проплыл мимо лодки. Мелькнули в дырочках плетенки тени кур. Когда курятник заплыл за лодку, они увидели в открытой дверце белого петуха. Он удрученно посматривал вокруг.

— Чик,— вдруг заорал Бочо,— погнались за курятником! Завтра на базаре загоним! Сколько денег будет, Чик!

Он уже хотел развернуть лодку. Чика всегда поражали такие переходы.

— Ты что!— крикнул ему Чик и добавил язвительно-отрезвляющим голосом: — Будем кур ловить или шпионов?!

— Но, Чик...— пробормотал Бочо, однако, вздохнув, налег на весла,— беспризорные перехватят.

— Может, не перехватят,— сказал Чик,— они сейчас гуся будут зажаривать.

Бочо замолчал и стал усердно грести.

— Здесь,— наконец сказал он и повернул лодку к берегу. Лодка заскрипела килем о песчаное дно и остановилась. Чик спрыгнул на берег. Следом Бочо. Взявшись за веревку, они немного вытянули лодку и привязали к бамбуковому пню.

Бочо и Чик вошли в бамбуковую рощицу. Они прошли метров десять между многолетними стволами пожелтевших бамбуков и вышли к мелким зарослям молодняка.

Бочо кивнул на дом, стоявший метрах в сорока от них. Это был белый двухэтажный дом с оцинкованной и сейчас голубеющей под луной крышей. В нескольких окнах горел свет. Бочо показал рукой на левый край дома. Там стояла большая шелковица. Сквозь ее крону смутно виднелся балкон и распахнутое окно. Горел свет.

— Там,— кивнул Бочо.

Они стояли под бамбуковыми кустами и ждали. Грустно пели цикады. Чик почувствовал, что начинает все больше и больше волноваться.

— Чик, если сегодня опять придет лунатик, что мы будем делать?— шепотом спросил Бочо.

— Пойдем на погранзаставу,— ответил Чик,— и там все расскажем.

Было тихо-тихо. Одиноко пели цикады. Чик почувствовал, что все больше и больше волнуется. Стараясь не выдавать своего волнения, он внимательно обшарил глазами кусты бамбукового молодняка. Оглянулся на рощицу. Если там в доме, подумалось Чику, занимаются шпионскими делами, они могут выставлять одного человека, чтобы проверять, следят за ними или нет.

— Чик,— шепнул Бочо, словно угадав его мысли,—а вдруг кто-нибудь из них сейчас следит за нами?

— Нет,— сказал Чик уверенным голосом,— этого не может быть.

Он так сказал, чтобы успокоить Бочо. Чик не любил паники. Было тихо-тихо. Пели цикады. Изредка где-то за домом протарахтит машина, и снова тишина.

— Чик,— взволнованно прошептал Бочо,— мне один пацан рассказывал, что у китайцев есть такая казнь. Привязывают человека в бамбуковых зарослях, а там сквозь него прорастает бамбук. Представляешь, Чик? Сквозь живого прорастает!

Чику стало не по себе. Но он взял себя в руки, чтобы взбодрить Бочо.

— Это сказки,— ответил Чик и, кивнув на дом, добавил: — Они же не китайцы.

— Нет, Чик, это не сказки,— шепотом горячился Бочо,— ты лежишь, а сквозь тебя прет и прет бамбук! Знаешь, как он быстро растет? За день прорастет тебя насквозь! А кричать невозможно, потому что во рту кляп.

Бочо протянул руку и вдруг положил ладонь на грудь Чика. Чик от неожиданности вздрогнул. Даже волосы вздрогнули у него на затылке.

— Не имей привычки лапать!— шепотом выругался Чик и отбросил руку Бочо.

— Я хотел посмотреть, как у тебя бьется сердце,— виновато сказал Бочо.

И вдруг из дому раздалась музыка.

— Началось, Чик, началось!— шепнул Бочо и больно впился пальцами в руку Чика.

Они замерли, прислушиваясь к музыке и не сводя глаз с крыши дома. Они смотрели, смотрели, а музыка играла, играла, выманивала, выманивала и, наконец, выманила человека. На противоположном конце крыши появился лунатик весь в белом. Он задумчиво прошел по краю крыши и скрылся за шелковицей на другом конце. Вдруг смолкла музыка, а через минуту погас свет.

— Начался допрос, Чик, начался допрос,— засипел Бочо и снова впился пальцами в руку Чика. Чик молча отбросил его руку. Он терпеть не мог все, что напоминает панику. Сам он с ужасом представил темную комнату, в углу которой сидит резидент и резким голосом гипнотизера задает вопросы военному лунатику, а тот, бедный, сонным голосом все ему рассказывает.

Они долго смотрели в сторону окна, в темноте слившегося с кроной шелковицы, и не знали, что делать. Бежать на погранзаставу или ждать, чем это все кончится? Вдруг снова зажегся свет.

— Допрос окончился,— шепнул Бочо.

Чику захотелось во что бы то ни стало загля-

нуть в это окно, чтобы узнать, что там делается. Слева от бамбуковых зарослей рос большой инжир. Было похоже, что с вершины этого инжира можно заглянуть в окно.

— Я залезу на инжир,— кивнул Чик,— посмотрю в окно.

— Не надо, Чик, не надо,— засопел Бочо,— нас отрежут от реки...

Чик махнул рукой и, низко пригнувшись, выскочил из зарослей бамбука и подбежал к инжировому дереву. Чик с трудом вскарабкался до первой ветки и стал быстро продвигаться к вершине. Когда он почти докарабкался до вершины и, раздвинув листья, хотел усесться на самой верхней ветке, он увидел, что на ней стоит человек. Чик окаменел.

Это был взрослый дядя. Горбоносое лицо его, гладко выбритое и голубоватое в лунном свете, казалось зловещим. Человек жадно смотрел в окно, куда собирался заглянуть Чик. Потом он вдруг опустил глаза и посмотрел на Чика. Взгляд его был страшен уже тем, что он ничуть не удивился Чику, как будто заранее знал, что притянет сюда Чика, и притянул. Не удивляясь Чику, он вдруг поднес палец к губам и показал, чтобы Чик молчал. Продолжая не удивляться Чику, он снова перевел взгляд на окно. А Чик все смотрел на него и не мог отвести от него глаз.

Это был высокий человек в желтой хорошо выглаженной рубашке с закатанными рукавами и черными брюками клеш. Чик мог, если бы решился, дотронуться до его блестящих, хорошо начищенных черных туфель. Но он только смотрел и смотрел на него, не в силах отвести глаз.

Вдруг человек снова опустил глаза на Чика и знаками показал, чтобы Чик следил не за ним, а за окном. Чик повернул голову и увидел между ветвями шелковицы распахнутое, озаренное электричеством окно. Он увидел парня в белой рубашке, сидящего за столом. Парень ел арбуз. Чик по облику его угадал, что это тот же лунатик, только теперь он проснулся и уплетает арбуз. Чику показалось, что он еще и раньше где-то его видел, но где, он никак не мог припомнить. Вроде не на крыше, но где именно, он никак не мог припомнить.

Напротив лунатика сидела девушка в халате и, опершись на руку, уютно следила за ним. Потом лунатик что-то весело сказал и вскочил, девушка подала ему полотенце, он вытер рот и бросил полотенце ей на плечо. Девушка улыбнулась и, не снимая с плеча полотенца, подошла и поцеловала его. Они обнялись, а потом парень разжал объятия, и они скрылись из глаз.

— Сейчас выйдет,— вдруг сказал человек. Чик почувствовал в его голосе какое-то дружество по отношению к себе. Чика так и обдало теплом: свой! Это переодетый пограничник следит за домом!

Уже на крыше лунатик вышел из-за кроны шелковицы и пошел назад. Дошел до края, завернул, исчез.

— Почапал домой,— вздохнул человек, стоявший над Чиком, и вдруг, протянув руку, сорвал инжир, очистил от кожуры и отправил в рот.

— Дядя, вы пограничник?— спросил Чик.

Тот перестал жевать и удивленно уставился на Чика.

— Нет,— сказал он,— я не пограничник и не сторож. Так что можешь рвать инжир. Я артист драмтеатра. А она артистка. Я из нее сделал актрису. Неблагодарная! Мы любили друг друга! Мы вместе играли «Коварство и любовь»! Нам аплодировал весь город! Вся Абхазия! Мы ездили летом по колхозам! Что это было за время! «Еще раз, Луиза!» Еще раз, как в день нашего первого поцелуя, когда ты прошептала — «Фердинанд» и первое «ты» сорвалось с твоих пылающих губ!! О! Словно прекрасный майский день простиралась вечность перед нашими взорами, золотые тысячелетия весело проносились, словно невесты, перед нашей душой... Я был тогда счастлив! О, Луиза! Луиза! Луиза! Зачем ты так поступила со мной? Зачем ты променяла меня на футболиста?

Он посмотрел в сторону окна, словно дожидаясь ответа. Но там никого не было. Чик понял, что все рушится, все не то, что они думали.

— Он лунатик?— спросил Чик, пытаясь спасти хотя бы это.

— Лунатик?— презрительно удивился артист.— Он даже слова такого не знает. Пиндос! Это я стал лунатиком, пока их выследил. Она сказала, что меня уже не любит, но никого у нее нет. Так я и поверил! Все лето слежу за ними. Он приходит по крыше, потому что боится соседей. Ей стыдно! Я два года ходил в их дом, как честный человек! Тогда она мне играла «Лунную сонату», а я подходил к ней и вот так брал на руки!

Он вытянул руки ладонями кверху, слегка придвинул их друг к другу, словно показывая, как пристойно и точно он подымал ее и она никак не могла провалиться между его рук.

— И вот она теперь эту же музыку играет футболисту, чтобы дать знать — родители ушли в кино или в гости. Они строгие! Родители из дому, а этот по пожарной лестнице и оттуда к ней на балкон. Они с ума сойдут, когда узнают про футболиста! О, женщины, женщины! Как тебя зовут, мальчик?

— Чик,— сказал Чик.

— Вот так, дорогой Чик! Теперь ты будешь знать, что такое коварство и что такое любовь!

Он протянул руку, дотянулся до инжира, сорвал его, очистил и съел, внимательно поглядывая на Чика, как бы стараясь определить, достаточно ли Чик проникся его грустной историей. И вдруг так мило, дружески улыбнулся Чику.

— Я знаю артиста Левкоева,— сказал Чик,— он у нас в школе вел драмкружок.

— Левкоев неплохой актер,— сказал артист,— но я тебе прямо скажу — устарел. Так сейчас Отелло никто не играет! Провинция! Да и она, честно скажу тебе, бездарная, хотя внешние данные у нее есть. Я ее полгода учил в обморок падать. Валится, как мешок с кукурузой. А в «Коварстве и любви» несколько раз надо в обморок падать. Хотя бы один раз прилично упала! Но внешние данные у нее есть. Я из нее сделал актрису! А теперь она в руках пиндоса, весь ум которого в бутсах!

— Чик, Чик!— раздался снизу голос Бочо.— С кем ты там разбубнился? Слезай! Лунатик уже ушел!

— Это не лунатик, Бочо,— внятно сказал сверху Чик,— сейчас все узнаешь!

Чик стал быстро слезать, чтобы подготовить Бочо.

— Я к ней главрежа не подпускал, а она ушла к футболисту,— говорил сверху артист, слезая и аккуратно дотягиваясь длинными ногами с ветки на ветку.

— Тут не шпион,— сказал Чик, спрыгнув с дерева и подходя к Бочо,— тут совсем другое. Любовь!

— Какая еще такая любовь?— спросил Бочо, подозрительно оглядывая дерево.

Артист спрыгнул на землю. Он отряхнул свои черные, гладко выглаженные брюки клеш, плотнее заправил за пояс свою нарядную желтую рубаху и, опять не удивляясь появлению Бочо, спросил:

— Как вы думаете, мальчики, я достоин любви?

— Конечно,— сказал Чик за обоих.

— Тогда в чем же дело?— спросил артист, не то горько засмеявшись, не то насмешничая над горьким смехом.— Такое у меня третий раз в жизни. Я влюбляюсь в девушку, иду на сближение, всесторонне подготавливаю, и тут ее уводят? Может, от меня дурно пахнет?

— Нет,— сказал Чик поспешно и для полной убедительности сделал шаг к артисту и втянул воздух изо всех сил,— никакого запаха! Все нормально!

Артист рассмеялся и погладил Чика по голове.

— Как вы сюда попали, мальчики?— наконец спросил он.

— Мы на лодке,— сказал Чик.

— Ах, на лодке,— вздохнул артист,— мне все равно на ту сторону. Подбросьте!

Чик почувствовал, что артисту неохота оставаться одному. Они прошли бамбуковую рощицу и вышли на берег. Бочо стал молча отвязывать веревку.

— Я ее вот так на руках носил,— снова повторил артист и снова вытянул свои сильные руки ладонями кверху, проследив, чтобы они были вытянуты параллельно. По жесту его можно было понять, что предмет, который он носил на руках, был увесистый, но хрупкий.

Артист пропустил их вперед, а сам, ухватившись за нос лодки, оттолкнул ее от берега и ловко вскочил в нее. Чик сел на весла. Артист так и остался стоять на передней банке: высокий, нарядный, одинокий. Чик повернул лодку и стал грести к другому берегу. Вдруг артист задекламировал:

Как хорошо ты, о море ночное,—
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

Луна сияла вовсю, но моря отсюда не было видно.

— Кто сочинил это, мальчики, знаете?

— Вы,— догадался Чик.

— Тютчев!— восторженно поправил его артист,— но если б даже я сочинил, она бы все равно ушла к футболисту.

Чик подумал, но так и не понял, какая тут может быть связь. Лодка торкнулась о берег. Артист продолжал стоять на передней банке. Чик опять почувствовал, что ему неохота оставаться одному.

— Я слишком люблю искусство,— сказал он задумчиво,— женщины не выдерживают это. Ладно, мальчики. Я живу на Челюскина, 12. Приходите в мою одинокую келью, я вам много чего интересного расскажу.

Он спрыгнул с лодки, помахал им рукой и исчез в тени деревьев. Чик выгреб на середину реки. Лодка легко пошла вниз по течению. Бочо немного ожил.

— Чик, по-моему, этот дядька малахольный,— кивнул он в сторону артиста.

— Нет, нет,— уверенно ответил Чик,— он добрый. Он просто скучает по ней.

— Зачем он на дерево полез, как пацан? Ты уверен, что он был не военный и не лунатик?

— Да,— сказал Чик,— это футболист. Я теперь вспомнил его лицо. У него прозвище Фундук.

— А чего он через крышу ходит, он что, псих?— спросил Бочо.— Он потом женится на этой девушке, у них родятся дети, а он так и будет через крышу ходить?

— Нет,— сказал Чик,— она сейчас боится, что соседи расскажут родителям. Они ничего не знают. Она коварная. Она им сказала, что разлюбила артиста, а то, что полюбила футболиста, не сказала. Потом скажет. Родители поругают, пугают и впустят его в дверь.

Бочо, насупившись, сидел на корме. Ему было неприятно, что все сорвалось. Луна озаряла большеглазое и большелобое лицо Бочо, обросшие деревьями берега, бесшумно струящуюся воду.

— Чик, отчего так получается,— спросил Бочо,— только набредешь на шпиона, и вдруг какая-то глупость. Какие-то родители, какой-то футболист...

Чик это и сам несколько раз испытал, но ему не хотелось разочаровывать Бочо.

— Просто нам не везет,— сказал Чик,— но когда-нибудь повезет.

— Лучше бы мы погнались за курятником,— вспомнил Бочо,— представляешь, сколько кур! Загнали бы на базаре! Сколько денег, Чик!

— А мы еще в море его можем догнать,— сказал Чик.

— Если беспризорники его не перехватили,— сказал Бочо.

— Могли не перехватить,— вспомнил Чик,— они были заняты гусем. А курятник в один миг проплыл мимо.

— Сейчас увидим,— сказал Бочо.

— А что, выйдем на лодке в море,— спросил Чик,— если беспризорники курятник не захватили?

— Нет, Чик,— подумав, сказал Бочо,— дядя Юра меня убьет, если пограничники поймают. Ночью нельзя в море выходить.

Лодка прошла мимо полянки, где сейчас перед тлеющим костром вповалку спали беспризорные ребята. Один из них проснулся и тыкал цигарку в костер. На берегу белели разбросанные перья гуся. Курятника нигде не было видно, он явно проплыл.

Вскоре они подошли к причалу и привязали лодку. Сторож спал. Бочо не стал его будить, а сам отнес весла под навес.

Они покинули территорию причала и вышли на Собачий пляж. Город опустел. Теплоход «Абхазия» ушел на Батум. Он горел на горизонте, как уходящий праздник. Несколько влюбленных парочек стояли внизу у самой кромки воды. Чик никак не мог найти глазами курятник.

— Вон-вон, смотри!— показал рукой Бочо.

Курятник стоял прямо на лунной дорожке. Потому-то Чик его не сразу заметил. До него было метров триста. Можно было доплыть. Но сейчас было страшновато входить в море. Да и куда деть на ночь кур?

Чик и Бочо договорились встретиться в пять часов утра, так же как сегодня вечером. У Бочо был будильник, и он умел его заводить. Они знали, что утром ужасно будет хотеться спать, но ничего не поделаешь. Позже в море выйдут рыбаки, и тогда кто-нибудь из них перехватит курятник.

— Не забудь шпагат,— сказал Бочо, когда они расставались,— надо будет курам ноги перевязать, а то как мы их донесем до базара?

Чик полез в карман. Шпагат был на месте. Расставшись с Бочо, Чик благополучно дошел до своего дома и уже под балконом услышал пение дядюшки. Чик вскарабкался на балкон и, вытянувшись на полу, дополз до кровати. Дядюшка так его и не заметил.

Чик быстро разделся и лег. Дядюшка продолжал петь. Чик смутно почувствовал, что энергия песнопения как-то связана с безумием дядюшки. Ему было уютно и сладко, продрогнув от ночной прохлады, кутаться в одеяло и мягко опускаться, планировать в сон под бесхитростную песенку дядюшки.

СВЕТОТЕНЬ

Юрий РОСТ

МАМА И КОММУНАЛКА

Мама не любит эту фотографию. Она долго была красавицей, моя мама, и ей всегда говорили, что она выглядит значительно моложе своих лет.

— Зачем ты меня так изуродовал? — Она строга со мной. — К тому же теперь многое изменилось, стены в ванной выложили кафелем. Лампочки, правда, остались.

Конечно, я мог бы снять маму красивее, щелкни не одним, а несколькими выключателями, но я знал, что в коридоре уже много лет висят на страже восемь счетчиков, и детский страх перед соседями не позволил мне осветить маму ярче. К тому же хотелось сделать фотографию в лучах наших собственных «сорока свечей».

Эту квартиру помню с пяти лет. Я в ней вырос. В ней впервые увидел отца, вернувшегося после тяжелого ранения с фронта. Ему дали возможность выбрать квартиру. Мы получили две комнаты в огромной, разгороженной фанерными щитами коммуналке. Вход в квартиру был на первом этаже, и отцу, который ходил на костылях, не надо было мучиться с лестницами.

Наверное, там не очень удобно жилось, но... я этого не помню. Помню, что было нескучно и что мне часто влетало за не погашенный в разных местах свет. Общий счетчик давал простор для выяснения отношений при оплате за электричество, и однажды во имя мира и дружбы каждый жилец установил собственный счетчик и развесил собственные лампочки, и все мы объединились:

бухгалтер из лагеря военнопленных немцев, которые шили куртки с кокетками-«бобочки»;

актриса средних лет с пожилым мужем, увидевшие на гастролях у столовой опухшего от голода сироту и усыновившие его;

семья скрипачей из кинотеатра «Комсомолец Украины» на Прорезной — они репетировали в комнатке-пенале, примыкавшей к гигантской кухне, где на двух вечно занятых кастрюлями и выварками плитах кипели борщи и белье;

чета Миловских с умным мальчиком, который по просьбе родителей мог моментально сказать гостям, какой писатель (на букву «г») сочинил поэму «Мертвые души»;

теща директора театра, который в свободное от искусства время покупал зажигалки и часы на толкучке;

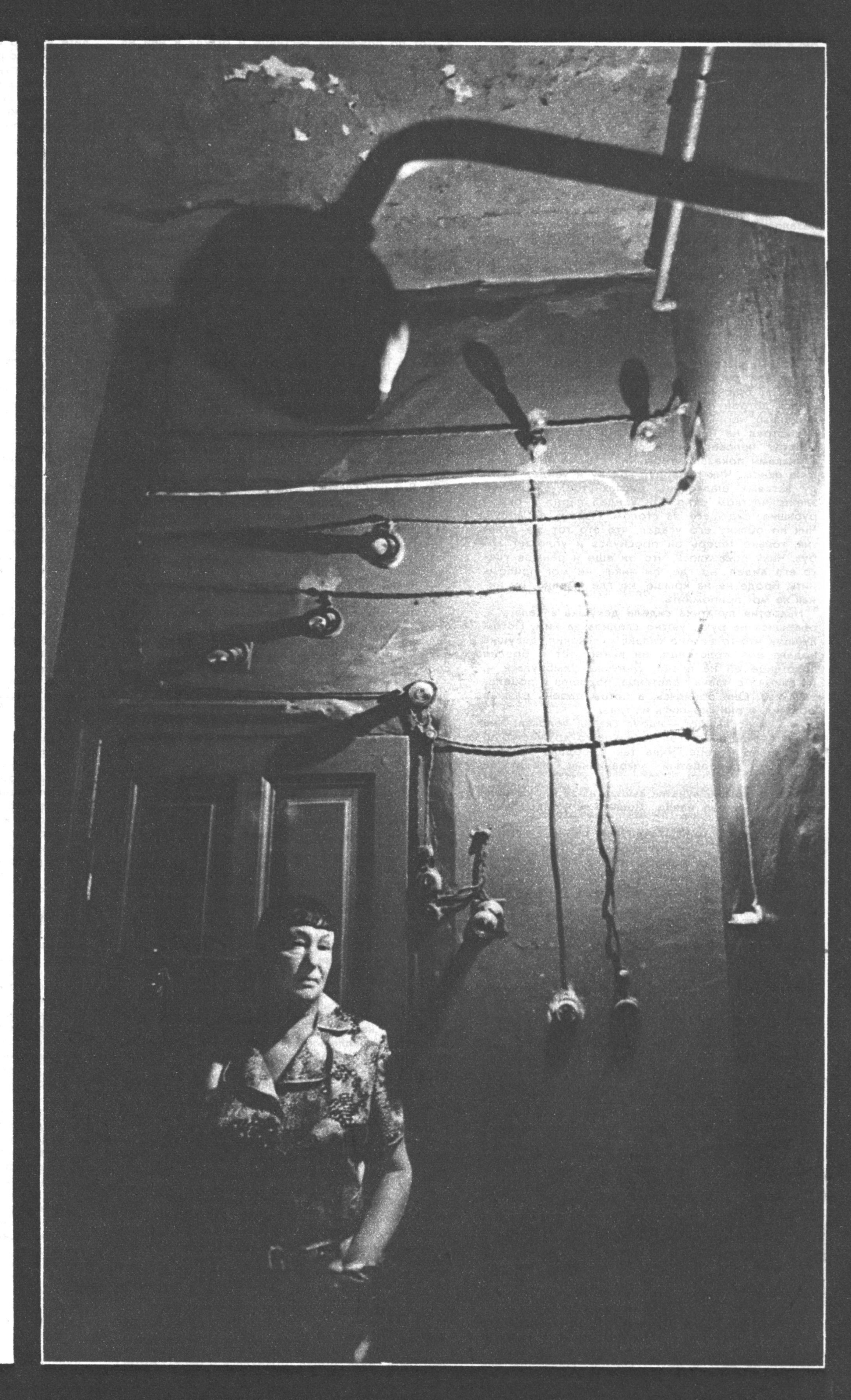
лифтерша Федора Романовна, занимавшая антресоль над коридором, куда она с кряхтением поднималась по стремянке из кухни;

слесарь-механик, бравший работу на дом и тревоживший соседей металлическим скрежетом, когда выпиливал шестерни величиной с паровозное колесо, и жена его с кошками Пуськой и Муськой, проводившая каждый день в наблюдениях, лежа на окне;

наконец, мой любимый сосед — шофер дядя Вася Цыганков, он честно отвоевал войну на полуторках, «студебеккерах», «ЗИС-5» и часто по утрам перед выездом на линию будил квартиру очередной мелодией из трофейного фильма, которую наигрывал на аккордеоне «Вельтмайстер». У него в комнате стоял мотоцикл, на котором он давал мне посидеть...

Я не знаю, где теперь наши старые добрые соседи. Многие из них, наверное, переехали в новые районы, в отдельные квартиры. Фотография напоминает мне о давнем времени, когда жили тесно, но дружно.

Родителям тоже предлагали отдельную квартиру, но они решили остаться здесь со своими воспоминаниями. Не захотели менять родное место на комфорт. К тому же где найдешь дом, чтобы вход был на первом этаже, окна на втором и до Крещатика два шага?

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

В статье М. Корчагина «Досье на каскадера» («Огонек» № 7, 1987) рассказывалось о судьбе научного работника и каскадера Владимира Жарикова: наветы и придирки по работе вынудили его оставить Одесский инженерно-строительный институт, где он преподавал. Причиной ухода В. Ю. Жарикова стал конфликт с заведующим кафедрой профессором П. С. Задирако.

Сейчас вокруг этого выступления журнала ведутся этакие эпистолярные состязания. Как они проходят? Те, кто не согласен с позицией автора статьи, приводят, желая оспорить материал, факты, на первый взгляд просто убийственные. Но вот начинают поступать официальные отклики на статью, и «убийственные факты» предстают совсем в ином свете. Предлагаем читателям стать арбитрами в этом споре.

Первой в атаку бросилась сторона, посчитавшая себя ущемленной,— кафедра, которую покинул В. Жариков. Вот выдержки из письма ее сотрудников: **«Неоднократно на кафедре возникал вопрос о нарушениях дисциплины В. Ю. Жариковым. Преподавателя Жарикова предупреждали, что в случае повторения срыва занятий, фактов лжи, некритического отношения к своему поведению кафедра вынуждена будет ходатайствовать перед советом института об освобождении его от должности. До поры до времени это мало волновало В. Ю. Жарикова. Но в 1986 году положение изменилось: в июне кончался срок кандидатского стажа в партию, каково будет решение коллектива, кандидат не сомневался... Появился ряд анонимных писем со схожим сюжетом (его повторила статья в «Огоньке»): деспот и завистник Задирако преследует так нужного всем воспитателя молодежи В. Ю. Жарикова. Среди анонимных писем оказалось письмо с подписью и адресом. Жительница г. Феодосии Никитина О. Е. писала в редакцию газеты «Известия», что «негодяй и вор» Задирако преследует гордого и честного, нужного всему обществу каскадера В. Ю. Жарикова... Профессор Задирако П. С. обратился в прокуратуру г. Феодосии, откуда на бланке прокуратуры пришло письмо от прокурора Воробьева В. А., к которому было приложено заявление на имя прокурора от Никитиной. Эта работница сберкассы г. Феодосии признавалась, что она лишь подписала написанное Жариковым письмо в редакцию «Известий»... Уверены: только один этот документ из прокуратуры сводил на нет фабулу статьи».**

Прервем цитирование для того, чтобы подчеркнуть: «документ из прокуратуры», наоборот, подтверждает «фабулу статьи», ибо в другом своем письме Никитина писала, что вынуждена была оговорить В. Ю. Жарикова.

«Мы понимаем исключительность таланта каскадера, но на кафедре от преподавателя В. Ю. Жарикова требовались иные качества, элементарная порядочность прежде всего»,— и затем авторы приводят примеры «липовых» нагрузок, срывов занятий. В статье об этом не умалчивалось, но наш корреспондент иначе толковал факты, имея на то документальные основания. Не углубляясь в них, можно предположить, что второе призвание В. Ю. Жарикова все-таки создавало определенные трудности на работе. Но разве невозможно было их решить в доброжелательном ключе? Видно, сложно.

«Жарикову неоднократно говорили,— пишет в другом письме старший преподаватель кафедры философии и научного коммунизма Одесского инженерно-строительного института И. А. Амангалиев,— что преподавательская работа в институте — это основная, а работа каскадера — в свободное от основной работы время, в период отпуска; командировки для работы каскадером — только по разрешению заведующего кафедрой и ректора института».

Судя и по письму ректора Л. В. Мазуренко и секретаря парткома института А. В. Крыжантовского, профессиональное раздвоение В. Ю. Жарикова приносило много осложнений. Думается, его уход с кафедры по собственному желанию — поступок, предпринятый в конфликтной ситуации.

Почта, полученная на статью «Досье на каскадера», показала, что вокруг ее героя создалась конфликтная ситуация и в сфере его увлечения — кино. Группа постановщиков трюков из Москвы написала сразу в адрес пяти организаций. **«За время работы в кино Жариков не создал ничего выдающегося, а только занимался саморекламой... Его выгнали почти со всех киностудий страны, а на Одесской киностудии даже был приказ, запрещающий директорам картин и режиссерам заключать договора с Жариковым... Работал лектором в бюро пропаганды советского киноискусства, зарекомендовал себя как рвач и мошенник, пропагандирующий только себя и свою мифическую школу каскадеров, из которой за 10 лет не вышло ни одного каскадера...»**

Но вот мнение режиссера (кстати, поставившего многие фильмы именно на Одесской студии) Станислава Говорухина (цитируем по творческой характеристике, данной режиссером Жарикову-каскадеру). **«Жариков В. Ю. приглашался мной для работы в качестве постановщика трюковых сцен и кинокаскадера в телефильмы «Место встречи изменить нельзя», «Приключения Тома Сойера», «В поисках капитана Гранта», а также в кинофильмы «Пираты XX века» и «Тайны мадам Вонг»... В. Жариков хорошо знает специфику трюковых съемок и, хотя часто его работа сопряжена с риском, охотно идет на дубли, стремясь добиться максимального творческого результата».**

Что касается грозного приказа по Одесской киностудии и несостоявшейся «школы Жарикова», то здесь группа московских каскадеров, видимо, информирована неправильно. Вот строки из письма и. о. директора этой студии в адрес Госкино УССР (датировано мартом этого года — на месяц раньше письма москвичей): **«Группа одесских каскадеров под руководством В. Ю. Жарикова — известного каскадера, постановщика трюковых сцен, кандидата философских наук — внесла значительный вклад в развитие трюковых съемок в нашем кино. Только на Одесской киностудии Жариков В. Ю. и его ученики выполнили трюковую работу в 27 фильмах, а на других киностудиях — в 23 фильмах... Одесская киностудия также просит включить Жарикова В. Ю. в состав республиканской комиссии по отбору исполнителей трюков».**

Запрещенным приемам против Жарикова удивляться не приходится, если, к примеру, обратиться к переписке, возникшей между Гостелерадио УССР и другими инстанциями по поводу телеграммы следующего содержания: **«Считаем невозможным создание передачи каскадере Жарикове связи уличением его финансовой нечистоплотности отстранением работы приказом директора Одесской киностудии. Каскадеры Сысоев, Корытин».** Знакомые аргументы, да и фамилии — их можно найти среди подписей под письмом группы московских каскадеров. Кстати, было и два других коллективных письма каскадеров в защиту Жарикова.

Мы обратились к конфликтной ситуации вовсе не из-за романтического ореола каскадерской профессии,— неоднозначность ситуации В. Ю. Жарикова давала, как нам кажется, повод к разговору о бережном отношении к человеку неординарной судьбы. О новом мышлении в обстоятельствах, которые еще многие склонны воспринимать по старинке.

Отдел коммунистического воспитания

ПАРОДИИ

Александр ИВАНОВ

ДАЕШЬ ПЕРЕСТРОЙКУ!

Уроки потерь и промашек
Сегодня особо важны.
Чем меньше мы — нашим и вашим,
Тем крепче здоровье страны.
. . . .
Ведь нас перестройка крутая
Призвала — крути не крути —
Все хаты, налипшие с краю,
Расставить на Главном пути.

Эрик ТУЛИН

Пусть я не открою Америк,
Но нынче — не то, что вчера.
Вам я говорю это, Эрик,
Певец ускоренья: пора!

Весна наступила в апреле,
Мы энтузиазмом горим!
Мы все как-то сразу прозрели
И смело в грядущее зрим!

Повсюду кипевшая стройка
Должна по-другому кипеть.
Сейчас нам нужна перестройка,
Иначе, друзья, не поспеть!

По-новому сеем и пашем,
Повсюду работа идет!
А если мы — нашим и вашим,
Так дело теперь не пойдет!

Уже перестроились МХАТы,
Должны уж и мы как-нибудь...
И с краю налипшие хаты
Поставим на правильный путь!

Поэты, даешь ускоренье!
Идет наше дело на лад.
И это вот стихотворенье —
Весомый, по-моему, вклад!

ТУРУСЫ НА ТОРОСАХ

Нет, не зря в ледовитый торос
упирается русская карта:
одинаково страшен мороз
и для СПИДа и для Бонапарта.

Поскользнешься в родной темноте,
чертыхнешься в морозных потемках...
Вспомнишь—мамонты спят в мерзлоте
и алмазы хранят для потомков.

Станислав КУНЯЕВ

Я люблю говорить: «мой народ»,
так как я из народных поэтов.
Столько брошено в наш огород
и каменьев и прочих предметов...

Русский мамонт пока еще спит,
не разыграна русская карта,
но уже пробирается СПИД
к нам
в потомках мосье Бонапарта.

Били вороги нас под ребро,
постоянно кусая и жаля...
Быть должно с кулаками добро —
нам пора начертать на скрижалях!

Нынче наши дела на мази,
наш огонь до поры только тлеет...
Поскользнешься в родимой грязи,
и на сердце озябшем теплеет.

Не впервой нам в сплошной мерзлоте
первородство отстаивать в драке.
Не сподручней ли жить в темноте,
в наготе, в запустенье, во мраке?..

РОМАН С НЕЭСТЕТИЧНЫМ КОНЦОМ

Ах, тишина — мгновенье передышки!
Он женщину, сгорая от любви,
ухватит за лохматые подмышки,
поднимет к небу, а другой — лови!

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Любимец женщин всех
без исключенья,
пленять сердца имел он дивный дар.
Не мог он дня прожить без увлеченья,
красавец, бог, поклонник женских чар.

Она была — богиня, совершенство,
в ее очах мерцал волшебный свет,
ее призывный взор сулил
блаженство...
Могли они не встретиться? О нет!

Ее заметив, он без передышки
пошел на штурм нездешней красоты,
но увидал лохматые подмышки
и — не сдержал внезапной тошноты...

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Мы пили когда-то — теперь мы
посуду сдаем.
В застольном сидели кругу,
упираясь локтями.
Теперь мы трезвее и реже сидим
за столом...

Так что остается в заносчивой
нашей нужде?
Коль выпито все, и посуду сдадим
на последях.

Олег ЧУХОНЦЕВ

Ах, сколько мы выпили с вами
когда-то, друзья!
В компании каждый мог вылакать
сколько угодно.
Теперь «завязали», тут хочешь
не хочешь — нельзя:
и время не то, и здоровье не то,
и немодно.

А было, ведь было... Не сказка,
не сон, не мираж...
По членам гуляла шальная веселая
резвость!
Мы стали иными, мы скоро выходим
в тираж,
и нормою стала у нас
абсолютная трезвость.

А все отчего?
Да, конечно, друзья, оттого,
что боком выходят
хмельные застольные ночки:
у этого — печень, а сердце шалит
у того,
и скачет давленье,
и плохо работают почки.

Когда-то мы пили, сейчас, извините,
не пьем.
Должно быть, во всем мы друг другу
в застолье признались.
Мы пили и пели.
Теперь мы посуду сдаем.
Добро бы пустую, а то ведь
в посуде — анализ...

РОЖДЕНИЕ СТРОКИ

Благословляю это чудо
И снова жду и жду, пока
Ни из чего и ниоткуда
Возникнет первая строка!

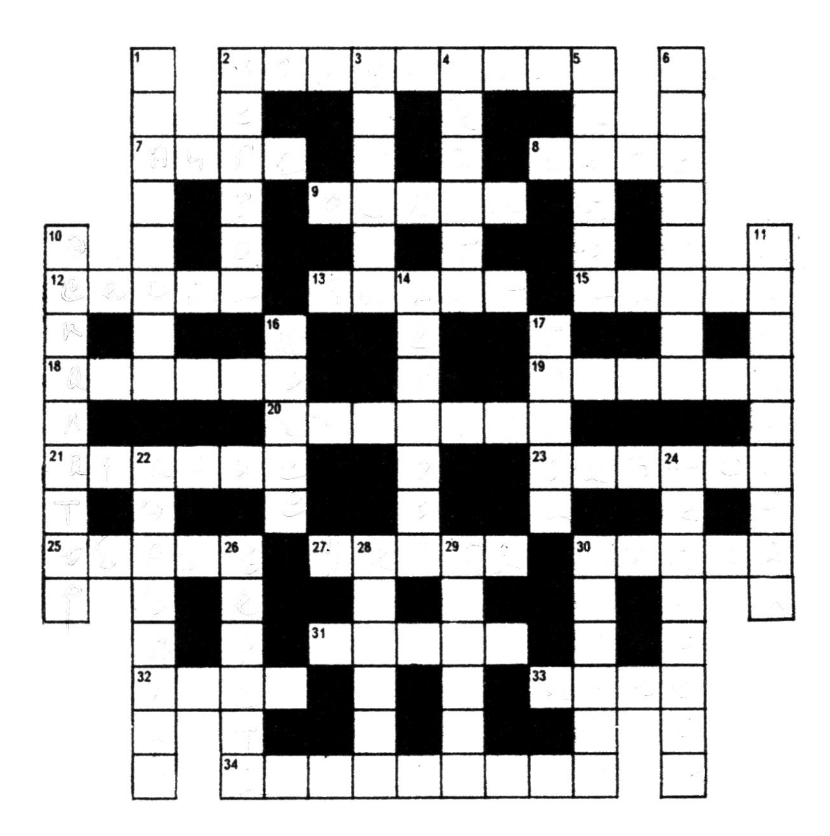
Михаил ТАНИЧ

Поэт — эфирное созданье,
Живет рассудку вопреки...
Я весь — сплошное ожиданье
Возникновения строки.

Не оттого, что жду отсрочки,
Что соблазняет лени бес...
Возникновенье первой строчки —
Благословенней нет чудес!

И происходит это чудо,
Непостижимое уму —
Ни из чего и ниоткуда,
Ни для чего и ни к чему!..

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Железнодорожный служащий. 7. Причальное сооружение. 8. Помещение в пассажирском вагоне. 9. Стальной брус, укрепленный на шпалах. 12. Озеро в Армении. 13. Римский историк. 15. Залив Охотского моря. 18. Медленный темп в музыке. 19. Немецкий писатель, антифашист. 20. Раздел механики. 21. Земляной орех. 23. Конный экипаж с открывающимся верхом. 25. Роман И. А. Гончарова. 27. Тюлень. 30. Горный перевал в Болгарии. 31. Герой поэмы А. С. Пушкина. 32. Краска для черчения, рисования. 33. Город-герой. 34. Итальянский живописец XVI—XVII веков.

По вертикали: 1. Приток Волги. 2. Пассажирская платформа на вокзале. 3. Аргентинский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 4. Роман Э. Золя. 5. Цветник. 6. Украинский духовой музыкальный инструмент. 10. Движущаяся лестница. 11. Соленое озеро в Астраханской области. 14. Южное созвездие. 16. Автомобильная дорога. 17. Раздел текста, рубрика. 22. Летательный аппарат легче воздуха. 24. Локомотив с дизелем. 26. Русская мера длины. 28. Курорт в Крыму. 29. Композитор, родоначальник русской классической музыки. 30. Передвижной цирк.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 4. Соболев. 6. Мачта. 8. «Сильва». 10. Яблоня. 12. Арьергард. 15. Гастроном. 17. Этна. 18. Амур. 19. Айвазовский. 20. Снов. 22. «Овод». 23. Бадминтон. 24. Аристофан. 26. Феникс. 28. Жаркий. 29. Такса. 30. Горшков.

По вертикали: 1. Корма. 2. Колчан. 3. Шемая. 5. Вишера. 7. Ангола. 9. Владивосток. 11. Биссектриса. 13. Ротонда. 14. Дрезден. 15. Гравюра. 16. Обухова. 21. Вымпел. 22. Омоним. 25. Дикуша. 27. Строп. 28. Жаров.

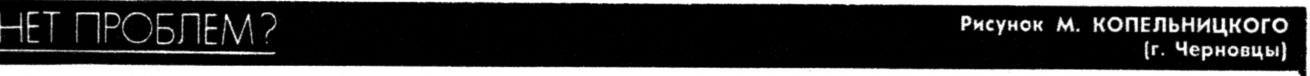

Рисунок М. КОПЕЛЬНИЦКОГО (г. Черновцы)

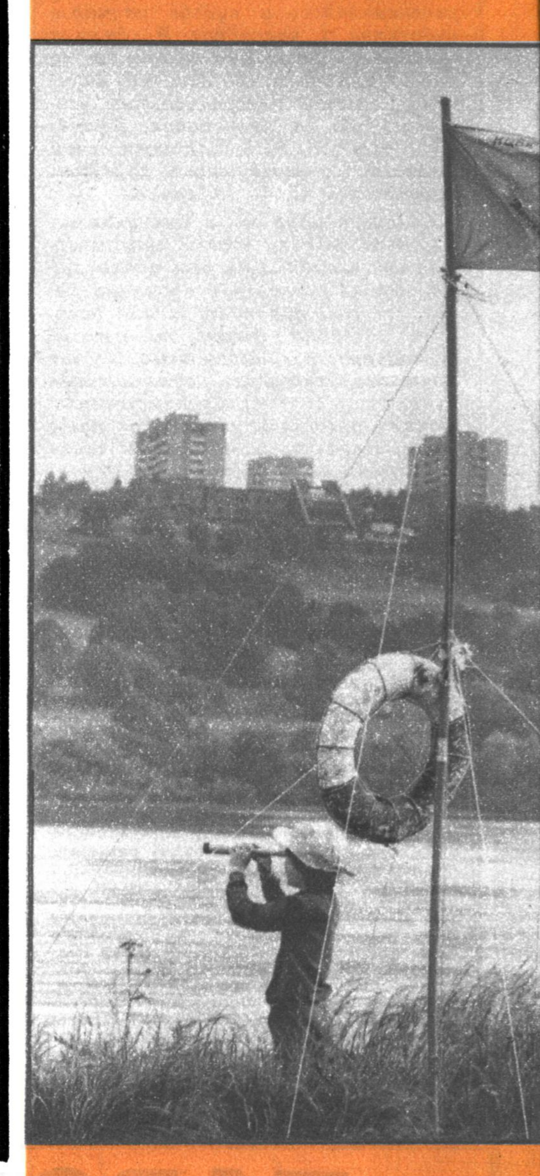

Фото Евгения КОНДАКОВА

В разработке программы гармонического развития человека и окружающей природы «Экополис» вместе с Научным центром биологических исследований АН СССР и биофаком МГУ активно участвует... Алеша Скрипкин.

— Рыба, сколько же тебе лет? — спрашивает у пойманного окуня восьмиклассник, внимательно разглядывая чешуйку, и тут же объявляет:

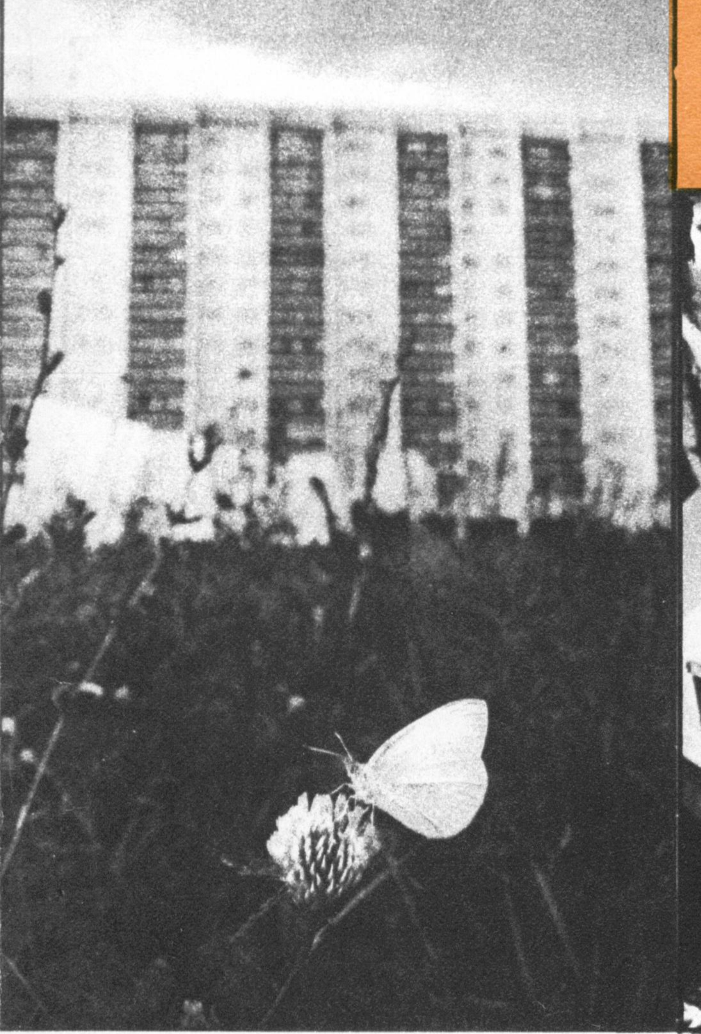
— Два года.

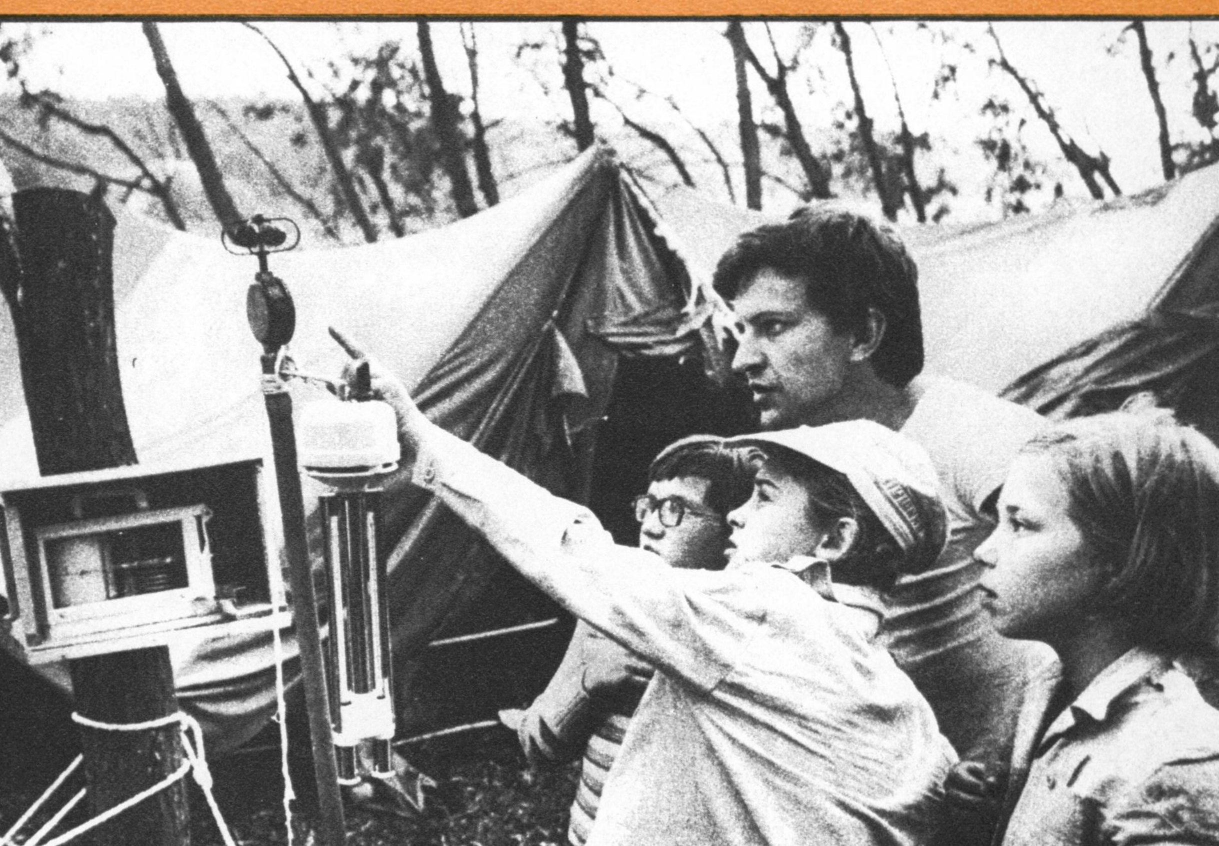
Детская экологическая станция подмосковного города Пущино на берегу Оки подняла флаг очередной летней экспедиции юннатов. Ребята расчищали родники, определяли состав планктона в старицах и озерцах, отделившихся от реки, проводили измерения гидрологического режима ручьев, изучали, как выходы горожан на природу влияют на число муравейников и гнездовий птиц.

— Человеку надо жить в гармонии с природой,— убеждены они.— «Эко» и «полис» не должны противоречить друг другу.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

СКОЛЬКО РЫБЕ ЛЕТ?

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю — погоняю,—
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом — пропадаю!
Пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою,—
Хоть немного еще постою
на краю!..

Сгину я, меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром.
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!
Хоть немного, но продлите путь к последнему
приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить я не смог, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою,—
Хоть немного еще постою
на краю!..

Мы успели — в гости к Богу не бывает опозданий.
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами!
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий!
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые,
Коль дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою,
Я куплет допою,—
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

1972

Это стихотворение В. Высоцкого публикуется в его книге «Кони привередливые», вышедшей в приложении к нашему журналу: «Библиотека «Огонек» № 27.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663